

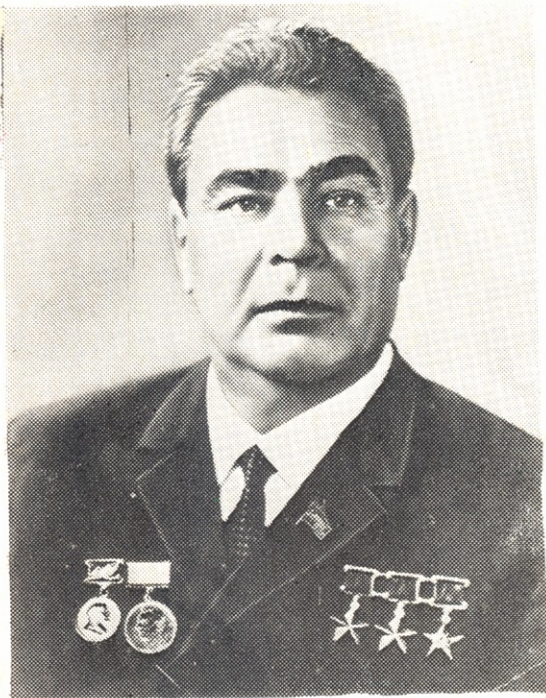
საქართველოს
ბიბლიოთეკა

ლიბერალიზმი

გრუზია

10

1977

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Л. И. БРЕЖНЕВ

7 ОКТЯБРЯ 1977 ГОДА ВНЕОЧЕРЕДНАЯ
СЕДЬМАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕ-
ТА СССР ДЕВЯТОГО СОЗЫВА ПРИНЯЛА
КОНСТИТУЦИЮ (Основной Закон)
СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Слава
Советской
Конституции—
Основному Закону
нашей жизни!

«Весь опыт шестидесятилетнего развития по пути Октября подтверждает, что наша сила — в нерушимом единстве партии и народа. Это — источник дальнейшего расцвета социалистической демократии, всех наших побед. Это — гарантия полного торжества коммунизма».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Литературная Грузия

საქართველო
საბჭოთაო

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

10
ОКТАБРЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 77
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

ქართული
წიგლიერთა
კავშირები

(რუსულ ენაზე)

უმველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 10

ოქტომბერი 1977 წ.

საპარტველოს საზოგადოებრივი მხარეების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Гурам АСАТИАНИ

Редакционная

коллегия:

- Тенгиз БУАЧИДЗЕ,**
- Гиви ЖВАНИЯ,**
- Марк ЗЛАТКИН,**
- Исидор КОЗАЕВ,**
- Георгий ЛОМИДЗЕ,**
- Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,**
- Владимир МАЧАВАРИАНИ,**
- Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,**
- Гурам ХАРАИДЗЕ**
(заместитель главного редактора),
- Владимир ХОМУТОВ**
(ответственный секретарь),
- Эммануил ФЕЙГИН,**
- Георгий ЦИЦИШВИЛИ.**

Издается

с июня 1957 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТВИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

- Приемная — 99-06-59
- Главный редактор — 93-65-15
- Заместитель главного редактора — 93-13-57
- Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ

- Отдел прозы
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43
- Отдел поэзии и искусств
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43
- Отдел критики и литературоведения
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19
- Отдел публицистики и очерка
(редактор БРАИЛОВСКАЯ Е. И.) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание:

ГИВИ ЖВАНИЯ. Великая хартия прав 4

ПОЭЗИЯ

КОЛАУ НАДИРАДЗЕ. ИЗ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ.
Песня родине. Кто была она. Сон поэта. Автопортрет. Язык природы. «...Было солнечным лето». Имеретия. Перевод Михаила Синельникова 7

ОТАР МАМПОРИЯ. Колесница мира (Главы из поэмы). Перевод Михаила Синельникова 10

ПРОЗА

ОТАР ЧИДЖАВАДЗЕ. Когда кричит павлин. Роман. Продолжение 14

ПРОБЛЕМЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ДЛЯ БЛАГА НАРОДА. Интервью с министром легкой промышленности Грузинской ССР тов. Г. П. Гамцемлидзе 38

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГУРАМ БАТИАШВИЛИ. Строгая доброта. Раздумья о пьесах Тамаза Чиладзе 41

НУГЗАР ЦХОВРЕБОВ. Перерастая национальные и языковые границы. Лирика Галактиона Табидзе и французская поэзия 46

ВАСИЛИЙ ЛАПЕРАШВИЛИ. «Хотелось жить, творить» 52

ЭЛГУДЖА МАГРАДЗЕ. Гимн жизни всепобеждающей 62

К 140-ЛЕТИЮ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

ГЕОРГИИ ДЖИБЛАДЗЕ. Илья Чавчавадзе 54

ИСКУССТВО

ГАСТОН БУАЧИДЗЕ. Греза Фрески 67

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

НОДАР ПОРАКИШВИЛИ. В свете исследования грузинского ученого 82

ШАЛВА ГОЗАЛИШВИЛИ. Многообразие тем и жанров 84

СЕРГО ТУРНАВА. Популяризатор грузинской культуры 87

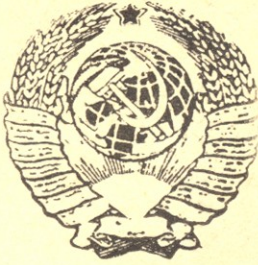
ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ГРИГОРИЙ ЯРАЛОВ. Необходимое уточнение 89

ГЕЛА БАНДЗЕЛАДЗЕ. Была ли у древних греков совесть? 91

ГУРАМ ХАРАИДЗЕ. Об «открытии»... 93

ХРОНИКА 94

ВЕЛИКАЯ

В КАНУН 60-й годовщины Великого Октября верховный орган государственной власти нашей страны утвердил новую Конституцию Союза ССР. Это событие имеет важнейшее значение

не только для развития советского общества на его пути к коммунизму, но и для всего общечеловеческого прогресса. Наша новая Конституция — закономерное проявление динамизма советской государственности и отражает новый исторический этап дальнейшего расширения и углубления социалистической демократии.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эпохе мировой истории — эпохе перехода от капитализма к социализму. Первая Советская Конституция, Конституция РСФСР 1918 года, в законодательном порядке закрепила победу российского пролетариата и его диктатуру как политическую основу нового общества. Это было зарождение социалистической демократии. В 1924 г., после добровольного объединения советских республик в союзное государство, первая Конституция СССР закрепила принципы советского федерализма, создала государственно-правовые основы для экономического и культурного развития всех наций и народностей СССР и для преобразования всего общества на началах социализма. Конституция 1936 года юридически оформила окончательную победу социализма в нашей стране и привела в соответствие с великими социально-экономическими изменениями общественный и государственный строй, всю систему органов государственной власти и управления, ввела новое, истинно демократическое общественное право, провозгласила и обеспечила полное равноправие советских граждан, их широкие социально-экономические права и политические свободы.

За прошедшие с того времени 40 лет наше общество претерпело глубокие изменения. Ныне экономика СССР — это единый мощный организм, быстро развивающийся на основе сочетания достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Советское общество — это общество развитого, зрелого социализма с образованным, овладевшим техникой и политически высоко сознательным, общественно активным рабочим классом, с колхозным крестьянством, психология которого уже сложилась на социалистической основе и образ жизни которого все больше приближается к городскому, с народной интеллигенцией, выполняющей все более высокие функции в обществе. Высокий уровень экономического и культурного развития равноправных наций и национальностей обеспечивает их фактическое равенство и растущее сближение. В результате советский народ сложился как новая историческая общность, которая в социальном отношении становится все более единой и поэтому является единым суверенным государством. Советское государство, возникшее как диктатура пролетариата, стало общенародным государством.

Неизмеримо возросла роль КПСС — направляющей и организующей силы советского общества. Определение внутренней и внешней политики общенародного государства и руководство ее осуществлением связаны с решением самых сложных и многообразных задач. Советский Союз и возглавляемое им содружество социалистических стран — важнейший фактор изменения соотношения классовых сил на международной арене в пользу демократии, социального прогресса и мира. Впервые в истории человечества реальной стала возможность избавить мир от войны, и эту высшую миссию история возложила на нашу страну, первое и могущественное социалистическое государство.

Глубокие изменения внутри СССР и в его международном положении обусловили необходимость принятия новой Конституции. Главное направление нового в ее содержании — это, как подчеркнул Л. И. Брежнев, расширение и углубление социалистической демократии. Это новое пронизывает всю Конституцию. Так, в первых же статьях закладываются основы истинного народовластия: СССР — «социалистическое общенародное государство, выражаю-

ХАРТИЯ ПРАВ

ЭЛНЭЭНЭЭНЭЭ
ЭЛЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭ

щее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны».

В соответствии с процессом возрастания социальной однородности нашего общества Советы, составляющие политическую основу СССР, отныне называются Советами народных депутатов. Об углублении демократизма говорит и тот факт, что конституционно закреплены основополагающие принципы деятельности Советского государства и всех его органов — демократический централизм и неуклонное соблюдение социалистической законности (статьи 3 и 4).

Процесс дальнейшей демократизации Советского государства отразился также в статьях об экономической системе; и это вполне естественно, ибо, как подчеркнул Л. И. Брежнев, «демократия в условиях социализма была и остается важным рычагом развития экономики, всех областей хозяйственной и культурной жизни общества».

Новая Конституция проникнута заботой Советского государства о благополучии человека, о его будущем. Яркий тому пример — статья 18: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, растительного и животного мира, сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Историческим документом расширения и углубления социалистической демократии является глава о социальном развитии и культуре, посвященная стремлениям Советского государства способствовать стиранию существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом, расширять реальные возможности для развития и применения гражданами своих способностей и дарований, для всестороннего развития личности, стремлениям сокращать, а в дальнейшем полностью вытеснить тяжелый ручной труд, превратить сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального, расширять в сельской местности сеть учреждений народного образования, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания, торговли и коммунального хозяйства, преобразовать села и деревни в благоустроенные поселки, неуклонно повышать уровень оплаты труда и реальные доходы трудящихся, охранять и приумножать духовные ценности общества для повышения культурного уровня советских людей, всемерно поощрять развитие профессионального искусства и народного художественного творчества.

Одна из главных особенностей новой Конституции состоит в том, что в ней на первом плане личность, ее права и свободы, государственно-правовые гарантии ее благополучия. Специальный раздел, посвященный этим вопросам («Государство и личность»), помещен вслед за первым разделом об основах общественного строя и политики СССР. Но в этом отношении решающее значение имеет то, что в новой Конституции полное равенство советских граждан, их социально-экономические, политические, личные права и свободы сформулированы глубже и шире, а некоторые вообще впервые обрели форму конституционных положений.

Проследивая статьи указанного раздела, легко убедиться в такой новизне. Это, например, защита и покровительство Советского государства, которыми пользуются граждане СССР за границей; гарантирование прав и свобод, предусмотренных законом, иностранным гражданам и лицам без гражданства; право советских граждан на жилище; бесплатная выдача школьных учебников; право на пользование достижениями культуры и его гарантии; свобода научного, технического и художественного творчества; право участвовать в управлении государственными и общественными делами; право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе и обязанность должностных лиц своевременно рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры; защита и помощь семье со сто-

роны государства, добровольность брака и равноправие супругов; право на судебную защиту от посягательств на жизнь и здоровье, имущество и личную свободу, на честь и достоинство; право обращаться с жалобами на действия должностных лиц и право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями учреждений и организаций, а также должностных лиц.

Важной новизной отличается также более полное изложение обязанностей советского гражданина: строгое соблюдение трудовой дисциплины; обязанность оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета; укреплять дружбу народов Советского Союза; уважение прав и законных интересов других; непримиримость к антиобщественным поступкам; содействие охране общественного порядка; обязанность заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду и растить достойными членами социалистического общества; охрана богатств природы; забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей; интернациональный долг — содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира.

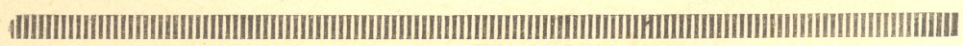
Социалистическая концепция и практика в области правового положения личности в обществе исходят из единства и взаимной обусловленности прав и обязанностей гражданина. Иначе не может быть и речи об осуществлении прав и свобод человека. Подчеркивая эту истину, Л. И. Брежнев говорил: «Нужно, чтобы каждый советский человек ясно сознавал, что главная гарантия его прав в конечном счете — это мощь и процветание Родины. А для этого каждый гражданин должен чувствовать свою ответственность перед обществом, добросовестно выполнять свой долг перед государством, перед народом».

Говоря о новой Конституции как об историческом документе дальнейшего расширения и углубления социалистической демократии, необходимо коснуться еще одной ее принципиальной новизны. Я имею в виду специальную главу о внешней политике. В ней точно определены генеральная линия ленинской внешней политики мира и ее цели: обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, укрепление позиций мирового социализма, поддержка борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс, предотвращение агрессивных войн, достижение всеобщего и полного разоружения и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования государств с разным социальным строем.

Очень большое международное значение имеет перечисление в статье 29 принципов, на основе соблюдения которых строятся отношения СССР с другими государствами. Примечательно, что именно эти десять принципов содержатся в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тот факт, что Советское государство включило в свой Основной Закон важнейшие общедемократические принципы современного международного права, еще раз доказывает единство советской внутренней и внешней политики, верность нашей страны своим международным обязательствам.

Завершая свой доклад о проекте новой Конституции СССР на пленуме ЦК КПСС, председатель Конституционной комиссии Л. И. Брежнев сказал: «...Принятие новой Конституции СССР станет важной вехой в политической истории страны. Оно станет еще одним историческим вкладом нашей ленинской партии, всего советского народа в великое дело строительства коммунизма и вместе с тем — в интернациональное дело борьбы трудящихся всего мира за свободу, за прогресс человечества, за прочный мир на земле».

Гиви ЖВАНИЯ,
профессор, доктор юридических наук.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «Мевани» готовится к печати книга старейшего грузинского поэта Колау Надирадзе. Творческий путь поэта был начат более шестидесяти лет назад. Сподвижник Пасло Яшвили, Валериана Гапридашвили, Тициана Табидзе, он был одним из активных участников творческого содружества «Голубые роги»...

Русскому читателю творчество К. Надирадзе знакомо по переводам Н. Заболоцкого, Б. Пастернака, Б. Брика, И. Снеговой и других поэтов. Мы рады сегодня возможности познакомить читателей журнала с новыми переводами стихов поэта, выполненными Михаилом Синельниковым, стихов разных лет и разной тематики, но объединенных одной неугасимой страстью — любовью поэта к отчизне, к земле, его взрастившей...

Колау НАДИРАДЗЕ

ИЗ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ

Песня родине

Как будто никогда доселе
Тебе не пел, я, край родной!
Заря дарует мне веселье,
Душа сливается с весной.

Наполни тело, сладость мая,
Перебродив и захмелев,
Чтоб музыка стиха немая
Вливалась в ласточки напев!

Вот ливень хлынувший хлопочет,
Залил обочины, затих...
И детские нужны мне очи,
Чтоб чудный миг раскрытья почек
Застать и уместить в свой стих.

Обсохла нива... Ширь размаха,
Вдали — речная синева.
Весна... Распахнута рубаха,
И закужилась голова.

Когда, как месяц, на пшеницу
Ложится серп в сиянье дня
И поле мглистое лучится,
Как море шумное огня, —
Я слышу птиц многоголосье,
Вновь жизни верю...

На между,
В позолотевшие колосья,
Навстречу солнцу выхожу.

И зеленеет вновь лоза,
И нежно так прижалась к жерди,
И сладостна пчеле роса,
И горных гребней полоса
Синеющей коснулась тверди.

Проста загадка мирозданья,
И этим утром я опять

Смог мудрость жизни вновь понять:
Она—как ветра завыванье,
Как утренней росы мерцанье
И как ладони детской пядь.

1936

Кто была она

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной.*

А. ПУШКИН.

Но кто красавица была,
Чьи песни для него звучали,
Чтоб наши он узнал печали,
Когда в горах ночная мгла?
И душу ранил он до дна,
Напев как будто не случайный.
Была видением и тайной
В ту ночь блаженную она.
И возникал в игре теней
Лик нежной и печальной девы...
Но кто ты, тень далеких дней,
Что пела для него моей
Печальной родины напевы?
Ему о горести чужой
Поведали чужие струны,
Когда в молчанье ночи лунной
Звучал лишь юный голос твой.
Лишь в песне высказалась боль.
Тот путник солнечный и славный,
Он молча внял печали плавной,
Тоске неведомой дотоль.
Вся горечь песни вековая
Гонимому была слышна.
И снилась грусть родного края,
Долина, девушка, луна...
Но кто ты, тень печальной девы,

Красавица далеких дней,
Что пела для него моей
Печальной родины напевы?..
И душу ранила до дня
Ее нечаянная песня.
Лицо исчезло в черной бездне,
Но знать бы, кто была она?!

1968

Сон поэта

Только лишь ливень осенний свое
принесет шелестенье,
Улицу ночь затемнит, и неслышно, и
немо
В доме поэта появятся музы, как тени,
Бросят на ложе холодные розы эдема.
И у стола задремавший увидит
нездешние кущи,
Ключ он услышит бессмертия
вечнотекущий.
Словно бы там сохраняется, не увядая,
Детство его, как живое подобие мая.
С розами мая в руках приближается
снова
И говорит: не угашено пламя былого,
Нежными струнами небо соединило
Первый твой вздох, и улыбку твою,
и — светила.

1956

Автопортрет

СОНЕТ

Я азиат, мне снится зыбь залива,
Экватор, знойный морок, львиный
храп,
Возник на днах след тяжелых лап,
И звери ищут зарослей лениво.

Рябь золота, парчи, слоновой кости,
В ручьи из пагод идолы глядят,
Замкнули путь засовами громад
Полярные моря в холодной злости.

И с перебитым носом от рожденья,
Плыву, пытаюсь одолеть волну,
Ношу лорнет и улиц блуд кляну!

Когда б творец пересмотрел творенье,
Едва ли так был сир и одинок
Стиха недрессированный щенок.

1919

Язык природы

Лишь на ресницах вечера длинных
Будет дано загореться алмазам,
И на высоких, горячих осинах
Отблески звезд зашевелился разом,

И от земли к небесам, словно крепь,
Встанет хрустальных столбов

Горных цветов наплывающий шепет
Канет по капле в молчание сада, —

Тьма набезжит, будет вятен тогда мне
Спящей природы язык полуночный!..
Сердцебиение слышится в камне,
Слуха коснулось дыхание почвы.

Мысли мои и мое вдохновенье
Пламенный ветер одел, как солому.
Жизни божественное течение
Внятно мне, бледному, еле живому!..

Благословен пролетающий мимо
Миг — незаметная эта пропажа,
И приближение неумолимой
Смерти, и памяти зоркая стража.

Ветвь плодоносная благословенна,
Где под листвою укрывается птица,
Брызги росы и цветения пена,
Трещина в почке, готовой раскрыться!

И не устану благословлять я
Вечную радость, первую встречу.
Славлю святое мгновенье зачатия,
Благословляю любовь человеческую.

Благословенье тому, кто впервые
Душу в рабах распознал и душою
Мудрость и жалость, все чувства
живые
Вырастил, мучимый болью чужою.

Что за величие! Жрецом онемелым
Стал я в смятенье... О, что же в юдоли
Этот восторг уместит? Что — пределом
Этой любви или, может быть, боли?!

Мысли приблизились и вдохновенье
К дому природы, к открытому дому...
Жизни божественное течение
Внятно мне, бледному, еле живому.

Гнет меня долу какая-то сила.
Навзничь упавшего окаменело,
Звездными хорами оглушило,
Безднами небо меня оглядело.

1932

«Было и будто бы не было...»

Резаву МАРГИАНИ.

Было солнечным лето,
И розы — в цвету!
Хорошая
Роз молитва,
Дыхание роз...
Лепестки

Этот сладостный дух
Посылали к преддверию рая.
Ты со мною была, и, в блаженном
пожаре сгорая,

Были мы к серафимам, к их дому и
к богу

Имеретия

Близки.

Слова

Не было сказано

В зрелищах невыразимых.

Город солнца над нами сверкал,

И в цветущей глуши

Плавил яхонт росы

Сердце розы

Не радуге дыма.

Неба голубизну,

Что соткали персты серафимов,

Неба голубизну

Ощущали мы

В нашей груди.

Было солнечным лето,

И розы — в цвету!

Хоровая

Роз молитва,

Дыхание роз,

Уплывая,

К небесам восходили...

Но розы удушьем губя,

Вдруг нагрянула буря, цветенья
навек прерывая,

Яму темной могилы отрыли в песке
Для тебя...

Там, за тридевять гор, схоронили,

В палящей пустыне

Завалили землей,

Царству мрака и вечному сну

Уступили частицу

Души моей, радости синей,

Погребению предали

Нежную голубизну!..

Ты одна, ты одна,

И дождя тебе исповедь внятна,

Ветра жалоба тронет

И плач урагана кольнет.

Как ребенка, что дремлет на добрых
руках,

Вероятно,

Развлекает тебя беззаботных
снежинок полет.

Я теперь одинок

И, внимая стенанью метели,

Жажду только лишь бури,

Вверяю тоску лишь ветрам,

Что в далеком краю

Над могилой твоей пролетели,

Протрубили, пропели...

Но все же я знаю, и там,

В той палящей пустыне,

Ты внемлешь

Отчаянью бури,

Ждешь

Круженья снежинок..

Но прошлого, как ни зови,

Не вернешь,

Не увидишь

Цветения роз

И лазури,

Ни распятой лазури,

Ни нашей

Распятой

Любви!

Я уж не вижу тебя. Не может
Марево долгов твоих голубое
Песни услышать моей, и все же
Руки к тебе простираю с мольбою.

Так отчего ж мне, как небылица,
Грезятся гребней твоих руины?
И умереть я хочу, и слиться
Кровью и плотью с твоей сердцевиной.

Что ж полюбил я и снег, и ливень,
И ключ заглохший, и лист увядший,
И май, что моря синей, бурливой,
И эти чащи — обитель каджей?

Слышу я сладкую песнь пастушью,
Слушаю жадно, неутолимо.
Пьян алычовой кислюю сушью,
Снова под летним ливнем я вымок.

Вновь, переваливаясь покато,
Тропинкой узкой, в пыли, лениво
Волы шагают, и до заката
Блестят мотыги над шумной нивой.

Очи живую водою вымыв,
Я пробудился, очнулось тело,
И легионами серафимов
Вдруг вдохновенье в груди запело.

Полон немой и сладостным хмелем
Сини бездонной, хочу начать я
Давнюю жизнь... Зерно перемелем,
Тесто замесим, чтоб выпечь мчади!

Нет, никогда, как бы годы ни мчали,
Зелени пажитей не забытья!
Снова в марани бурлит мачари,
Золотом спелым бушует пшеница.

Снова в ночи на мосту дощатом
Полные арбы скрипят все чаще.
В полдень на поле пустынном, сжатом
Спит крестьянин под солнцем
палящим.

Солнцем облитая и луною,
Благословленная небесами,
Родина, снова ты — предо мною,
К почве твоей я припал и замер.

Так приюти в том плетеном доме,
Где по-грузински качают зыбку,
Где стоголосая песня сломит
Бедное сердце музыкой зыбкой!

Вновь босиком, обернувшись
ланью, —

Перебегать по холмам родимым,
Как по коврам, от поляны к поляне,
Хижин дыша отдаленным дымом.

Снова изведать нежность Орпири,
Гостеприимство узнать Чаладиди,
И черноморской соленой шири
Почуять ветер, на берег выйдя.

Там, где леса, что ушли под воду,
Рослая скрыла от глаз осока...
Мгла разбежалась по небосводу,
Чьи огненные концы далеко.

Я прихожу к тебе, чтоб смиренно
Молвить, что все ж дана мне награда:
Я, соловей, улетевший из плена,
Плача, пою у любимого сада!

Молвить о том, что в груди, не
сердце поет еще, как саламура,
Дорог мне, сыну грузинского края,
Даже песок твой, клубящийся в буре!

Благословеньем неба родного
Року противлюсь, не уставая.
Я возвратился, чтоб вновь и снова
К тебе приникнуть, земля святая!

1926

Отар Мампория посвятил свою поэму «Колесница мира» гениальному грузинскому поэту Николозу Бараташвили. Предлагаем главы из этой поэмы вниманию читателей «Литературной Грузии».

Отар МАМПОРИЯ

КОЛЕСНИЦА МИРА

Главы из поэмы

СЛЕПАЯ СУДЬБА

Заря.
Тбилиси потянулся слепо.
Спросонья поднял голову Тифлис.
И у Метехи в дымчатое небо
С уступа Або ласточки взвились.
Луна осталась в кущах Ортачала
И меркнет, меж деревьями плывя...
Росинка с розы на землю упала,
Иль то — слеза с ресницы соловья?
И Нарикала вздыбилась, как львица,
Пылающею лапой небо рвет.
И вдруг застыл домов тысячелицый
Плетущийся в обнимку хоровод...
А где был ты, где ты вдохнул и выпил
Хмель сумерек
И ночи аромат?
И снова — день...
Какая горечь в скрипе
Ворот дворцовых!
Все они скрипят...
Все, как вчера, как год назад, и снова
Судьба слепа, беспомощна мечта...
Привычной думы черный свод шатровый,
«Присутственного места» духота.

Так выведи, судьба, из лабиринта!
Ты слышишь сердца бедного упрек?
Грустит чинара, голос гиацинта!
Звучит над пылью протокольных строк.
Осточертели затхлость, пыль и копоть.
Чиновник пристает к тебе, брюзжа.
Ты опоздал...
Он думает, должно быть,
Что ты пришел с ночного кутежа.
Ты над бумажным горбишься развалом,
Привычно в желтой роешься трухе.
Но вновь зовет мечта о небывалом,
Чтоб выбиться в нечаянном стихе.
Вдали сверкает глаз любимых чудо,
Плывет, скользя и тая, тень серьги²,
Отстранена записок мертвых груди,
И арабесок тянутся круги.
...Как всадники летит—за буквой буква—
Грузинских литер горделивый строй.
— Эй, что ты там царапаешь! А ну-ка.—

¹ Имеется в виду стихотворение Н. Бараташвили «Странник и гиацинт». Бараташвили служил в это время в «Экспедиции суда и расправы».

² Стихотворение «Серьга» Н. Бараташвили посвящено Екатерине Чавчавадзе.

— За мною, парень! Поспевай
 Во всю лихую прыть.
 Грузинских пиршеств урожай
 Пора обмолотить.
 Брось на Кабахи¹ меткий стих
 Вдогонку за копьем,
 Но дай и для стихов моих
 Ристалище потом.
 И саблю к бою изготовь...
 Но сбился ты с пути...
 Начальника побил!
 Так вновь
 К наместнику иди?
 — Такой заботой
 До сих пор
 Я Вас не утруждал!
 Известно, как на месть был скор
 Наш родовой кинжал...
 Стихов грузинских палачу
 Я дал отпор спроста,
 Но и пошадя не хочу,
 Здесь Ваша честь чиста. —
 «Да, кровь у юноши моя,
 И мне ль судить за то!»
 Как два горящих остря
 Глядят
 Глаза Тато...
 И слова похвалы Григол,
 Теряясь, не нашел.
 Сказал: «Спокойней быть пора,
 Зачем ты дик и хмур?..
 Да, уж сегодня — с плеч гора,
 Лужайка, как фазан пестра,
 В горах промчался тур...
 Так едем!
 На Помпеев мост!
 Потом — к реке, на луг.
 Я — тамада... За тостом — тост,
 И нет печали, друг!
 Сегодня я помолодел,
 Ровесником мне пали!
 А там, хоть Мцхетский мой удел
 Навалят мне на грудь². —
 Торопится, не чуя ног,
 Разгул не надоест...
 И вновь, Тато, ты одинок,
 Как Мцхетский гневный крест.
 И ветер в синеву вознес
 Метель вороньих крыл...
 Горят надгробья цвета слез
 Меж дедовских могил.
 Разгромлен крепостной гранит.
 Врата сокрушены.
 Простоволосая скорбит
 Судьба родной страны.
 Кого зовут вершины гор,
 О чем кричат орлы?
 И вешних вод тоскливый хор
 Плывет из влажной мглы.
 — Кого спасти, предостеречь,
 Кого казнить, в огне,

¹ Кабахи — поле игр и состязаний в старом Тифлисе в районе нынешней Орбелиановской улицы. Служило также местом прогулок и катаний для высшего света.

² На земле Мцхеты была усыпальница рода Орбелиани.

Скажи, поэт, занесший меч
 И воспитавший гнев!..
 Но ты ответа не дашь,
 Молчишь, обняв Тато.
 И песнь беззвучную поешь,
 Но что поешь ты, что?
 И вдоль дорог до темноты
 Звенят, открыв глаза, цветы,
 И мира вечную печаль
 Уносят кони вдаль...

ГЛАС ПОЭТА

— Моя судьба, и здесь меня нашла ты,
 И, роковое справив торжество,
 Вновь призвала..
 Зачем своей лопатой
 Мой прах тревожишь, будишь для чего?
 Величье подарила ты другому,
 А мне дала забвенья суховой.
 И этой почвы мертвенную дрему
 Ты пропитала горечью своей.
 В ногах у ночи, в сумраке суровом,
 Поставила мою ты колыбель...
 Теперь иным окутан я покровом,
 Иная мне постелена постель.
 Оставь меня за гранью умиранья,
 Взор отведи, ведь вместе с бурной тьмой
 В ночь вечную умчался мой Мерани,
 И сломлен гиацинт, как жребий мой.
 В чужой земле мне вырыта могила.
 Трава родная здесь не проросла.
 Судьба моя, ты солнцем не покрыла
 Приют души, обугленной дотла.
 Отрытая тобой зияет яма...
 Но сердце, и сожженное, упрямо,
 Не перейдет родные рубежи,
 Вернувшись побежденным из Гаиджи.
 Серигу или звезду среди тумана
 Во сне мне показали небеса?
 Нет, не сорвал я нежного аркана,
 И снова тянет черная коса.
 И если я восстану и воскресну, —
 Примусь искать любимые глаза..
 Я без тебя — засохший лист древесный,
 Подрезанная, мертвая лоза.
 Должно быть, ветер времени летучий
 Гнездо родное выжжет, вымел след.
 А я лечу по свету черной тучей,
 Мне и в земле успокоенья нет.
 Давно дорогу протоптал Мерани,
 Расколоты копытами года...
 Вновь мчится, как на утре жизни
 раннем,
 Все та же колесница, но куда?
 Колокола! Заголосили так вы,
 Что небо ваш переполняет гул.
 И вновь круговорот моей Арагвы
 В лицо знакомым грохотом плеснул.
 И шум речной к тебе меня приблизил,
 Напомнил о тебе холмов багрец,
 Тифлис осенний,
 Вихревой Тбилиси,
 Неутолимой юности венец!
 ...Где вы теперь? Я не принес вам
 счастья,
 Простите сына, и отец, и мать...

Мне снился конь лазурно-сизой масти,
Я наставленьям не умел внимать.
Истлела нить слепой и зоркой пряжи,
Давно во прахе — скудной жизни пыл...
Но кто ж меня вспомнил, пыль

Кабахи

Горячими слезами оросил?
Эх, дядя, дядя, ветренный и смелый,
Что ты нашел, воюя и любя?
Забитый рог и ветер Табахмелы,
Наверное, тоскуют без тебя.
Хлебнул кадильной гари ты и хмари,
Но и тебе порой тоскливо все ж.

Ведь на плотках с дудуки вдоль по
Мтквари¹

Ты никогда уже не поплывешь.
И с вами мне уже не повстречаться...
Ланиты, словно розы, отвели.
Вы улетели, сестры Чавчавадзе,
Как голуби, покинув круг земли.
Остались старых песен отголоски,
Но милых лиц я не найду в тоске...
Тот, кто в Ганджу уехал на повозке,
Вернулся к вам на гробовой доске,
Вновь облетают листья на чинаре,
И хлещут ветра хищные бичи.
О, сжался ты над ней, теченье Мтквари,
Плесни на корни, раны залечи!
Куда несешь ты, мчащаяся туча,
Куда я на распутье поверну?..
Прочь, ворон, вестник черный

злополучья!

¹ Мтквари — грузинское название реки Курж.

Затеpli, небо, светлую лулу!
Осенний листопад — судьбы похмелье,
Рассвет мне снится на исходе дня,
Как будто вновь друзья-карачохели
Для кутежа похитили меня.
Вновь — Нарикала...

Нет, не наглядится
Моя душа на эту красоту...
Постукивают медленно копыта,
И вновь бредет ягненок по мосту.
И вновь, блеснув на стенах Анчисхати,
Угасли блики вечера...

Как медь,
Багряны волны Мтквари на закате,
И в них рыбак забрасывает сеть.
Уйми же слезы...

Рядом, недалече —
Приют в моей скитальческой судьбе.
Окончилось изгнание.
Место встречи
С отечеством —
Родное Дидубе¹.

...И выход из глухого лабиринта
Открылся взору, высвечен мечтой.
Как близко небо,
Как близка Мтацминда,
Плывущая в лазури золотой.
Уступ ее скалы мне снова снится,
И в мире целом нет вершин родней.
Повозка жизни, мира колесница,
Должно быть, остановится на ней.

¹ Первоначально прах Н. Бараташвили был перенесен в Дидубе. Позже — в Пантеон Мтацминды.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Когда кричу навстречу

● Роман

— Подождите, дайте вспомнить... — Гиви почесал переносицу, а затем продекларировал: — «Когда я вижу это прекрасное небо и эти звезды, мне хочется растегнуть штаны и помочиться на головы всех королевских величеств!»

— Не забывайте, что грубости прощаются только великим людям!.. — строго сказала Эка, а потом рассмеялась.

— Я только процитировал Бальзака, — скромно сказал Гиви. — Конечно, извините меня за эту вольность...

— Ну что вы!.. Я только пошутила.

— В каждой шутке есть доля правды.

Они были уже недалеко от площади Героев. Слева высокая каменная стена, опоясывающая склон «Пикрис горы», справа — бросающие на тротуар тени платаны создавали впечатление уединенности и покоя.

Эка заметила, что Гиви смотрит куда-то вперед, и тоже посмотрела. Снизу, навстречу им, подымались двое. Эке не понравилась их расхлябанная походка и то, что они несколько раз оборачивались назад.

— Давайте перейдем на другую сторону, — предложила она.

— Что? — почему-то не расслышал Гиви.

— Перейдем на другую сторону!

— Почему? — удивился Гиви.

Теперь эти двое были совсем близко и шли прямо на них, не собираясь уступать дорогу.

— У вас будет закурить? — подойдя вплотную к Гиви, спросил здоровенный с приплюснутым носом парень.

Другой, с болезненно бледным лицом, стоял против Эки и нахально смотрел на нее.

— Пожалуйста... — Гиви вытащил пачку сигарет и протянул ее сперва одному, а потом другому.

«Что он их так вежливо угощает», — только промелькнуло у Эки, как ее запястье оказалось зажатым в лапе того, у которого было болезненно бледное лицо.

Продолжение. Начало в № 6.

— Красивое колечко... А ну-ка сними его, красав... — только успел сказать он, а затем, словно катапультируемый, взлетел в воздух и тяжело рухнул на тротуар.

Эка посмотрела на лежащего без сознания только что так напугавшего ее человека, а потом увидела, как, пригнувшись и расставив руки, будто в танце хоруми, кружили друг против друга Гиви и тип с приплюснутым носом, в руке которого блеснул длинный нож.

Эке понадобилось время, чтобы осознать, что происходит, а затем, занеся над головой портфель, она яростно ринулась на бандита.

Портфель без препятствия расскел воздух, а влекомая инерцией Эка почувствовала, как упирается головой во врага... Затем ее лицо утонуло в противной потной пятерне, которая с силой оттолкнула ее. Сделав несколько шагов назад, но все же не удержав равновесия, Эка села на асфальт тротуара.

Эка хотела немедленно вскочить, но то, что она увидела, сковало все ее движения, а предостерегающий крик так и застрял у нее в горле.

Выпрямившись и опустив руки, Гиви грудью шел на выставленный вперед нож.

На лице с приплюснутым носом выразилось удивление. Дезориентированный таким непонятным действием противника, бандит стал постепенно выпрямляться, а затем с надрывным уханьем выкинул вперед руку с ножом, целясь в грудь.

Тело Гиви как-то неправдоподобно откинулось назад, а одновременно его левая нога со страшной силой ударила убийцу в пах.

Все остальное произошло в какие-то доли секунды. Эка увидела, как кулак Гиви молотом обрушился на голову согнувшегося от боли бандита, как тот, выронив нож, лицом упал на тротуар и тщетно пытался подняться, опираясь на подгибающиеся руки.

— Гиви, вы не ранены? — подбежала к нему Эка.

— Отойдите! — резко, почти грубо приказал он ей.

Эка отошла в сторону, а Гиви, схватив одной рукой за грудки пытающегося сопротивляться противника, приподнял его и... Эка зажмурилась. До ее слуха дошел хруст выбитых зубов и шум глухого падения тела на тротуар.

— Пошли!.. — голос у Гиви был хриплый, а рука его как в тисках сжимала ее локоть.

Эка хотела обернуться, чтоб посмотреть, но Гиви не дал ей этого сделать.

— Не надо... это отвратительное зрелище, — сказал он.

— Тогда скорее!.. Скорее!..

— Не бойтесь, они еще долго будут так лежать. Подождите... — Гиви отошел, а затем вернулся с ножом в руке. — Да, опасная штука, острый как бритва.

— Выкиньте, выкиньте его! — взмолилась Эка.

— Пожалуйста, — Гиви хотел закинуть нож за стену, но потом, почему-то передумав, стал что-то искать и, найдя решетку водосливного канала, опустил его туда. — Пошли!..

Он вел ее за локоть издали, как помогают незнакомой женщине перейти через лужу.

— Однако вы смелая... — Тиски еще сильнее сжали ей локоть. — Я никогда не забуду, как вы бросились мне на помощь!

— Ой, вы мне делаете больно!

Он отпустил ей локоть, и теперь они шли порознь.

— Почему вы пошли на него прямо грудью, он же мог убить вас!..

— Да, девять десятых было за то, что он так и сделал бы. Но, когда я увидел, как он вас оттолкнул, все закипело во мне... и я решил. — А затем деловито объяснил: — Во что бы то ни стало надо было, чтоб он выпрямился, иначе я непременно проиграл бы.

— Почему? — удивилась Эка, считая его вообще непобедимым.

— Нож немного удлиннял его руки... а вот ноги у меня были длиннее!.. — засмеялся Гиви, а потом уже серьезно добавил: — Другой альтернативы не было.

Эка снизу вверх посмотрела на него. такого собранного и спокойного, не смотря на все, что только произошло... И что-то вроде теплой волны заполнило ей грудь.

Она шла теперь совсем близко от него, плечом касаясь его плеча, в ожидании, что он возьмет ее под руку, но он не догадывался.

— Как все это мерзко!.. — слегка отдаляясь и смотря куда-то в сторону, сказал Гиви

— Почему?.. — чистосердечно удивилась Эка, от всей души сочувствуя своему спасителю. — Ведь вы только защищались!..

— Во-первых, не я, а мы оба!.. Но дело не в этом... Ведь по профессии я должен лечить, а не уродовать людей!..

— А если б он вас пырнул ножом? Нет, так ему и надо!.. — безапелляционно произнесла Эка.

Эх, как часто в жизни женщины бывают тверже и сильнее мужчин, но, к сожалению, мужчины этого почти никогда не замечают.

У подъезда своего дома Эка стала извиняться:

— Я пригласила бы вас зайти, но наши, по всей вероятности, уже легли спать...

— Что вы, сейчас за полночь. Я позвоню вам завтра, если, конечно, вы позволите?

Эка дала Гиви свой номер телефона, но ей не хотелось так быстро расставаться с ним.

— Отца моего вы знаете, наверное... профессор Муджири, научный руководитель хирургической клиники...

— Да, я догадался... раз вы здесь живете, — как-то безразлично сказал Гиви. — До свидания!

— Подождите, пускай эти бандиты уйдут.

— Тогда мне придется ждать до утра! — засмеялся Гиви.

— Почему до утра? — спросила Эка, хотя прекрасно все поняла.

— Значит, я звоню вам... Я пока в отпуске, и у меня много свободного времени, а вот вы, наверное, очень заняты.

— Завтра после шести я буду дома. Меня удивляет одно...

— Что, что вас удивляет?

— А почему вы так сразу дали им сигареты? Они подумали, что вы испугались, и решили ограбить.

— Нет, ограбить они решили еще тогда, когда шли на нас.

— И оглядывались назад!.. Вы тоже это заметили, да?

Когда девушка упорно добивается общности взглядов с мужчиной, будь то в искусстве или даже в оценке бандитов, значит, она увлечена.

Уравновешенная, всегда прекрасно владеющая собой Эка совершенно забыла об этом.

— Вы разве не заметили, как они оглядывались назад? — повторила она.

— У нас получился удивительно несуразный переход... от самых высоких материй до самых низких, — уклончиво ответил Гиви, явно больше не желая говорить о происшедшем.

— А все же, почему вы им так вежливо протянули сигареты?

— Видите ли... — Гиви задумался, как лучше ответить. — Это может понять только курящий человек, который, случается, в два часа ночи выходит на улицу, чтоб у первого встречного попросить сигарету.

— Да, но раз вы сказали, что догадывались о намерениях этих преступников?!

— Я мог ошибиться. Тут дело в том, что даже самым отъявленным убийцам я никогда не мог отказать в сигарете.

— А где вы могли встречаться с убийцами?

— В тюрьме.

— Вы сидели в тюрьме?

— Да... Да, сидел и не жалею о содеянном!

К остановке по ту сторону улицы подъезжал последний автобус.

— До свидания!.. — как-то чопорно поклонился Гиви и побежал.

«Он сидел в тюрьме, господи! — не выходило из головы у поднимающейся на лифте Эки. — Что он мог такое сделать?.. А может быть, из-за женщины?.. Он такой красивый, что все эти несерьезные... эти позволяющие себе все женщины!.. А он такой правдивый, прямой...».

Свет горел только на кухне. Маро сидела с вязанием в руках и сделала вид, что не спала, когда вошла Эка.

— Вот мацони, Эка. Сегодня оно у меня вышло такое хорошее, как у нас делали в деревне.

На белом кухонном столике все было аккуратно разложено в ожидании Эки.

— Не хочу.

— Ты себя плохо чувствуешь? — пристально посмотрела на свою любимицу Маро.

— Нет, просто не хочется.

— Да, звонил Гурам. Он завтра на два дня уезжает в Кутаиси...

— Ну и пусть уезжает.

— И извиняется, что не мог прийти попрощаться.

— Эх... — Эка повернулась и вышла из кухни.

Всю ночь Эка пробыла в каком-то полусне, часто просыпаясь, и всегда с одной и той же мыслью: «Он был в тюрьме... Почему?.. Что он мог такое сде-

... лать, чтоб... Нет, он прямой и честный человек, настоящий мужчина!... Неужели я влюблена?.. Нет, нет!..

А какой он сильный и смелый... как он, рискуя жизнью, защитил меня! А если б его убили?.. Тогда, тогда я...».

Ее упругое, еще не знающее мужской ласки тело императивно требовало предоставленного ей природой права — любить и быть любимой.

Зарыв разгоряченное лицо в подушку, Эка прижималась болезненно чувствительными грудями к упругому матрасу, зовя его... и он приходил, мужественный и нежный... а она была такой маленькой и слабой в его объятиях...

Разочарование, вызванное пробуждением, когда словно невзначай протянутая рука встречала только прохладу накрахмаленной простыни, сменялось злобой на виновника ее мучений.

Перевернувшись на спину и заложив руки за голову, Эка смотрела на переливающиеся на потолке блики от уличных фонарей, слышала шум проносившихся по улице машин и доносящиеся из зоопарка то жалобные, то гневные крики тоскующих по свободе зверей.

Усилием воли Эка пыталась заставить себя думать о другом. Ведь раньше, когда она думала о Гураме, ее полуофициальном женихе, все было так чино и спокойно. Она представляла себя с Гурамом то в общественных местах, где они производили впечатление своей элитностью и культурой, то в семейной обстановке с красивыми и хорошо воспитанными детьми, которых она должна была так сильно любить.

А затем опять и опять появлялся этот широкоплечий сероглазый мужчина-зверь, одним ударом кулака крушивший вооруженных бандитов. Он ласкал ее, а она не могла защищаться... и была безумно счастлива.

И снова на потолке переливались блики от уличных фонарей... и тосковали по свободе звери в зоопарке...

На утренний чай Эка опоздала. Отца она встретила в коридоре, когда он уже уходил на работу.

Подняв двумя пальцами за подбородок ее уныло опущенную голову, он поцеловал ее в кончик носа, а затем, нахмутив свои кустистые брови, с заботой всмотрелся в ее затененные бессонницей глаза. Отец хотел спросить о ее самочувствии, но, видно, не решился вмешиваться в чисто женские дела и ушел...

«Хотя бы мама ничего не заметила», — промелькнуло у Эки, когда она вошла в столовую и увидела сидящую за столом и ожидающую ее мать.

Но ее вечно витающая в облаках мать с первого же взгляда догадалась, что произошло что-то серьезное, хотя и не задала никакого вопроса, зная независимый характер своей дочери.

Эка все равно ничего не сказала бы ей, отшутившись или даже довольно резко ответив, что это ее личное дело.

Как ни странно, но Эка больше дружила с отцом, и ко всему этому, наверное, была обижена, что мать не пришла на ее доклад.

Догадавшись об этом, Елена Федоровна стала извиняться:

— Это был последний концерт Рихтера, а я уже столько лет его не слышала!..

— Нет, мама, даже хорошо, что ты не пришла, иначе я бы очень волновалась.

Эку раздражал повсюду следующий за ней, полный молчаливого сочувствия и вопроса взгляд матери, хотя она ее очень и очень любила.

Уйдя к себе, Эка несколько раз пыталась закончить начатую для газеты статью о недавно скончавшейся художнице, но потом поняла, что ни о какой работе не может быть и речи.

Гиви позвонил в полседьмого вечера.

— Тебе звонят. Какой-то приятный мужской голос, — зашла к ней в комнату-мать.

Эка с нарочитой медлительностью прошла в столовую, а мать уже сидела в кресле и с удвоенным интересом продолжала читать свой роман.

«Ну и пусть слушает», — подумала Эка и взяла трубку.

— Алло!.. Да... Здравствуйте. Спасибо, хорошо... Все прошло! Нет!.. Ну, как вам объяснить, почему?.. Просто у меня очень мало свободного времени!.. Никак не могу!

Затем довольно долгое время Елена Федоровна ничего не слышала, потому что говорили только на том конце провода.

— Да, я вас слушаю... Нет!.. Нет... И вообще, нам не нужно больше встречаться!.. Да, да... Твердо уверена!..

Исподтишка наблюдавшая за Экой Елена Федоровна увидела, как изменилось у дочери лицо, когда она повесила трубку и ушла к себе в комнату.

«Такое же выражение лица у нее бывало в детстве, когда она дралась с мальчишками», — подумала Елена Федоровна и горестно вздохнула.

* * *

После телефонного разговора, не ожидавший такого поворота со стороны Эки, Гиви сперва опешил, потом обозлился на присущее всем женщинам неостоянство и, наконец, попытался себя уверить в том, что переживает просто из-за задетого мужского самолюбия.

Только попытался уверить себя... Потому что врожденная честность, не позволяющая ему обманывать других, обязывала так же честно относиться и к самому себе.

«Конечно... — размышлял критически настроенный Гиви, — «задетое мужское самолюбие» звучит очень внушительно и вдобавок вызывает симпатии к оскорбленному представителю главной половины человечества — мужчине... В данном случае ко мне... Но все это глупый самообман!..

Должно же у меня хватить мужества признаться, что я влюблен?!» Действительно, все это время перед глазами Гиви стоял образ красивой девушки в элегантно костюме, то читающей доклад, то идущей рядом с ним и вдохновенно беседующей об искусстве, то с безумной храбростью бросающейся на вооруженного бандита.

До конца отпуска оставалось более двадцати дней, и Гиви решил немного развлечься, а там будет видно.

Почему-то с развлечением у него не очень-то получилось. Мужчины показались ему скучными со своими однообразными тостами и устаревшими анекдотами, а женщины — влюбленно надоедливыми и жеманными. Некоторые из них жаловались на скуку и намекали, что неплохо было бы вечером проехать за город, другие томным голосом сообщали, что муж уехал в командировку...

Но Гиви категорически, хотя и с большим тактом, как ему казалось, отказывался. Это подобие любви на один час или на одну ночь теперь претило ему.

Тогда Гиви решил заняться делами, которых всегда так много после длительного отсутствия. Надо было классифицировать свои двухлетние работы в Алжире и, самое главное, построить аппарат, который бился бы наподобие человеческого сердца, чтоб тренироваться с наложением шва.

Гиви несколько дней не выходил из дома, забыв обо всем на свете и даже о том, что надо было ответить на письмо Додика из санатория в Гаграх, где тот отдыхал. А Додик был одним из их четверки друзей.

Работа действительно оказалась панацеей от дотоле непривычных переживаний, хотя и несколько раз рядом с отчетами о сделанных операциях или на ватмане чертежей никак не получающегося аппарата возникали силуэты девушки с мальчишеской прической.

Наконец из Москвы привезли Левана. Узнал об этом Гиви поздно ночью из оставленной ему тетей на столе записки: «Гиви! Я ложусь спать. В пять часов звонила мать Левана, они приехали сегодня утром. Я звонила повсюду, но никак не могла тебя найти. Нина».

За последнее время это была единственная ночь, когда Гиви не боролся со своим чувством.

Утреннее чаепитие в семье профессора Георгия Капанадзе обычно проходило в оживленной беседе, но сегодня все было напряжено и обменивались только короткими сухими фразами.

Все очень любили Левана, и его приезд снова выдвинул на первый план трагическое происшествие восьмимесячной давности.

— Они очень самолюбивы, — занятый размешиванием творага с сахаром, сказал дядя Георгий, — я им говорил, что все равно деньги лежат без дела, они вернут, когда смогут... ни за что не взяли!..

— Успокойся, мой дорогой. Ты же помог им с устройством в больницу, к этому профессору... — сказала мужу тетя Нина.

— Ах, если б это чем-либо помогло... Затем довольно длительное время было слышно только звяканье подстаканников о тарелочки.

— Гиви, детка, — подняла на него свои большие красивые глаза тетя Нина, — ты постарайся взять себя в руки!

— Разумеется.

— Таких матерей я уважаю, — сказал дядя Георгий. — Устроилась судомойкой на кухне больницы, чтоб быть рядом с сыном!..

— А несчастный отец превратился в глубокого старика. Ты его даже не узнаешь, — сказала тетя Нина.

— Он опять работает в депо? — спросил Гиви у тети.

— А где же он должен работать?... Он сорок лет там.

— Нет, я хотел спросить, не ушел ли он на пенсию?

— Господи... какая там пенсия?!.

И опять наступило длительное тягостное молчание.

— Да!.. — сказал Гиви, — Я привез Левану в подарок мужской несессер из марокена... но теперь для чего он ему?

— Да, конечно... — подтвердил дядя.

— Ты же не знал, — успокоила его тетя.

— Есть!.. Мой транзистор! — Гиви вскочил и быстро пошел в свою комнату за транзистором.

Оставшиеся одни дядя и тетя переглянулись, и у обоих на лицах заиграла добрая и в то же время горделивая улыбка.

— Хороший он у меня!.. — сказала жена.

— А почему только у тебя? — возразил муж.

Транзистор «Грундинг», который привез из заграницы Гиви, был очень дорогой, он обошелся ему в одну восьмую цены «Волги».

— Вот!.. — Гиви поставил на стол транзистор, — Леван будет в курсе того, что происходит на свете.

— Ты должен показать ему, как обращаться с ним, он такой сложный, — сказала тетя.

— Левану?.. Да он же специалист!

— Молодец... хороший подарок! — сказал дядя и встал из-за стола, чтоб не показать, что он расчувствовался.

Дядя ни за что не хотел изменить своей привычке и пошел в университет пешком, а тетю Гиви отвез в ее институт иностранных языков.

— Ну, Гиви, будь сильным, дорогой!.. — погладила тетя его лежащую на руле руку и вышла из машины.

«Неужели она догадалась», — подумал Гиви, трогая машину.

Леван с родителями жил в Ленрайоне, в прошлом называемом Нахаловкой, потому что в царское время люди, кроме работы, нуждались и в жилье и оказывались вынужденными без разрешения властей, «нахально» строить себе хибарки на окраинном пустыре.

Теперь это один из красивейших районов Тбилиси, с широкими улицами и многоэтажными домами.

Как показалось Гиви, лифт чересчур быстро поднял его на пятый этаж. Постояв довольно долго перед дверью, он наконец решился и позвонил.

Дверь открывалась медленно, словно там, внутри, боялись посетителей. Сперва в узкую щель Гиви увидел руку, поднесенную к губам, а потом и мать Левана, жестом показывающую, чтоб он бесшумно прошел на кухню.

На кухне, плотно закрыв за собой дверь, она стала извиняться:

— Всех... всех, кто приходит, я сперва завожу сюда, чтоб объяснить...

— Здравствуйте, тетя Тамара!.. — сказал Гиви.

— Здравствуй, Гиви, дорогой!.. Как ты возмужал, загорел... — она поцеловала его дрожащими от плача губами.

Почему-то она стала какая-то расплывчатая, туманная, и Гиви зажмурился и мотнул головой, чтоб сбросить набежавшую слезу.

— Извини меня, садись. Положи это на стол, что это у тебя там.

Гиви положил на стол картонку с транзистором, но не сел. Они стояли друг против друга, и она с надеждой смотрела на него, будто он сейчас совершит чудо.

— Это неправда... невозможно!.. Он должен выздороветь!..

— Конечно!.. — уверенно сказал Гиви. — Только нужно время.

— Да, время... Я должна долго жить для него!..

Ее поднесенные к вискам кулаки были так сильно сжаты, что побелели кисти рук.

— Он спит сейчас?

— Долго жить... для него!.. Что ты сказал?

— Он спит?

— Нет, он не спит... У него сидит Марика... Она и в Москве у него была, весь свой отпуск...

— Какая это Марика?

— Да, ты ее не знаешь. После тебя... до этого несчастного случая... вроде невесты была...

— Ну очень хорошо! — только и нашел что сказать Гиви.

— Не знаю... Она заставляет его нервничать! — зло сказала мать Левана, а затем, как бы извиняясь, добавила: — А когда ее нет, то он еще больше нервничает...

— Любит она его? — констатировал Гиви.

— Да, любит... — и она заплакала, по-детски закрыв лицо ладонями.

— Ну хорошо, тетя Тамара...

— Хорошо... — повторила она и вытерла слезы, — сейчас зайдем к нему.

— Да, да...

— Только я вначале хотела тебе сказать... Он очень нервный, говорит такие вещи... ты не обижайся на него!..

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

— Что вы, тетя Тамара?!
 — И самое главное — не подавай виду, что его жалеешь!
 — И не подумаю!.. — почему-то грубо сказал Гиви.
 — Пошли! Леван, Гиви к тебе пришел! — с наигранной веселостью сказала, войдя в комнату сына, мать.

Гиви вошел вслед за ней, просто, как ни в чем ни бывало и сразу почувствовал, что эта его простота больше смахивала на развязность и была так же фальшива, как и наигранная веселость матери...

А с белоснежной подушки на него смотрели с иронией два больших черных глаза...

— Здорово, старина!.. — Гиви поцеловал Левана и сразу сел на подставленный матерью стул.

— Ничего, ничего... самое трудное это начало, потом придешь в себя!.. — ухмыляясь, сказал Леван.

— Почему трудно?... Я... Мне и не надо...

— Я тебя ждал вчера, — помог ему Леван.

— Я пришел домой в полночь, а тетя не знала, где я, — уже спокойно объяснил Гиви.

— Понятно... Кстати, прошу познакомиться, твоя коллега.

Гиви и до этого заметил, что между ним и окном на стуле сидело обрамленное золотым ореолом существо, но тогда у него не было возможности посмотреть внимательно. Это оказалась очень миниатюрная девушка с копной золотых волос и громадными голубыми глазами.

— Гиви.

— Марика.

Она крепко, по-мужски, пожала ему руку, и Гиви снова плюхнулся на стул.
 — Вот это и есть наш знаменитый Гиви... — Леван обращался к Марике, утрированно нажимая на голос, словно цирковой шпехтальмейстер. — Видишь, какой красавец! Чемпион, душа общества и пожиратель сердец!..

«С чего это он так?» — удивился Гиви.

— Вижу, — спокойно ответила Марика.

— А это золотоволосое и голубоглазое существо с очень сильным характером, — Леван говорил менее громко, но уже с явной иронией, — в далеком и невозвратном прошлом имело глупость полюбить меня...

— Мы оба имели эту глупость! — твердо перебила Марика.

— Допустим! Но теперь это бессмыслица, а она никак не хочет этого понять...

— Леван, я только увидел тебя... давай поговорим об этом потом, — вмешался Гиви.

— «Потом» не будет!

— Пускай говорит!.. — безразлично подняла плечи Марика.

— Ха, ха, ха!... Собака лает, ветер носит!.. Но выслушать меня все же надо. Самое... — Леван искал нужное слово, — глупое это то, что она искренне верит и не хочет понять, что никакие жертвы мне не нужны!.. И никому они не нужны, черт побери!.. — прерывисто дыша, Леван искал платок под подушкой.

Гиви заметил, какая у него стала тонкая шея и как отливала желтизной его раньше белоснежная кожа. Только густые вьющиеся волосы по-прежнему блестели, как вороново крыло.

— Довольно, кончим на этом. Эти разговоры вы ведите, когда будете вдвоем! — сухо сказал Гиви.

— Пожалуйста, можем приступить к мирной беседе... — ухмыляясь, согласился Леван, — только прими во внимание, что развлекать тебя я не собираюсь. Не имею никакого желания!.. Так же как и слушать твои африканские впечатления.

Если б Леван сказал ему в сто раз больше колкостей, то Гиви не обиделся бы. Он только думал, с чего начать: «Господи, до чего были глупы эти общепринятые — «Ну, рассказывай, как поживаешь», «Что у тебя нового?» или тому подобные стандарты!»

— Почему бы нам спокойно не поговорить?! — почти произвольно вырвалось у него.

Мать Левана повернулась и незаметно вышла, а Марика смотрела куда-то в сторону.

— Потому что силы наши не равны!..

— Ну, знаешь...

— Не перебивай!.. Я буду говорить вам неприятные вещи, хамить и издеваться... а вы будете все терпеть, потому что с парализованным полутрупом не спорят!

— Глупости!.. — очень спокойно, но твердо сказала Марика. — Я спорила и буду спорить!.. Подумаешь, хотел разжалобить — «полутрупом»?! Да ты

был настоящим трупом, когда у тебя были парализованы и руки, а ведь теперь они у тебя работают!.. Так же заработают и ноги, я же врач и понимаю!..
— В своей диатрибе ты пропустила главную фразу: «Только нужно время!» — и Леван засмеялся каким-то непривычным для Гиви истерическим смехом.

— Да, время!.. И желание выздороветь!.. — спокойно отрезала Марика.

«С ним надо говорить вот так, как она», — подумал Гиви.

— У меня есть только одно желание... — глухо, с мечтательными интонациями начал Леван, — чтоб только на один день мне вернули возможность быть таким, как раньше!..

— Потерпи, Леван, дорогой.. и все будет хорошо! — Гиви взял в свою его похудевшую горячую руку, но Леван вырвал ее.

— Я отыщу этого мерзавца, который оставляет на проспекте открытым канализационный люк... и как собаку зарежу его!.. И не только его, а всю его семью!..

Марика встала, накапала в стакан с водой успокоительного, но Леван отказался выпить.

— И если б машиной правил какой-нибудь новичок, а не опытный шофер, оставивший двух сирот!..

— Хорошо, не будем об этом больше говорить! — перебил Гиви Левана.

— А о чем мне говорить, о чем?.. Об альпинизме или футболе?!

— Да!.. У меня для тебя что-то есть. «Оно» на кухне. Сейчас принесу! — Гиви пошел за транзистором.

На кухне тетя Тамара варила для них турецкий кофе. На подносе уже стояли чашечки и бутылка коньяка.

— Вот так он все время нервничает... Господи, что с ним сделали!.. А ты, Гиви, не потакай ему, иначе он совсем...

— Нет, тетя Тамара.

— Но очень тоже не спорь!..

— Хорошо.

Гиви вернулся к Левану и прямо на его кровати стал распаковывать картонную коробку, в которой был транзистор.

Леван с интересом смотрел, а когда Гиви вытащил поблескивающий никелированными кнопками транзистор, спросил:

— Надолго ты мне его одалживаешь?..

— Он твой! Это мой подарок тебе.

— Но ведь ты его купил для себя... а теперь даришь мне?

— Имею же я на это право как твой лучший друг.

К удивлению Гиви Леван не отказывался, он только сказал:

— Спасибо. После смерти я его завещаю тебе...

Гиви сделал вид, что не расслышал, и стал показывать Левану, как меняется батарейки.

Леван был по-детски рад, и очень довольный этим Гиви, кажется, допустил оплошность, сказав:

— С этим транзистором теперь ты можешь слушать весь мир!..

Леван нахмурился, одно время что-то размышлял, а потом спросил:

— Ты помнишь высказывание Габриэле Д'Аннунцио, над которым мы столько смеялись?

— Нет... которое?

— Он сказал: «Весь мир — это я! А я — это весь мир!»

— Под старость он, говорят, немного свихнулся, поставил у себя в комнате мраморный гроб и в нем спал, — сказала Марика.

— А какое мне дело, где он спал?.. Главное, что он гениально сказал!..

— В этих его словах, по-моему, больше колоссального самомнения, чем гениальности!.. — Гиви был очень рад, что Леван отвлекся от мрачных мыслей, и это было самое главное.

— Неужели вы не понимаете?.. «Весь мир — это я!» говорит о том, что восприятие всего мира с его техникой, искусством, красотой природы и глупостью людей заключено в самом человеке!.. И следовательно, раз он хозяин самого себя, то и хозяин мира... И от него зависит, чтоб этот мир существовал или не существовал!..

Теперь Гиви понял, куда клонил Леван, и проклинал себя за необдуманно произнесенное слово.

В это время Марика заинтересовалась какой-то музыкой и настояла, чтоб Леван снова отыскал эту станцию.

«Вероятно, она тоже догадалась и старается его отвлечь», — подумал Гиви.

Они выпили принесенный Тamarой Александровной кофе, Леван немного пскапризничал, когда ему не дали вторично коньяка, а затем всецело увлекся транзистором, что обрадовало и успокоило Гиви.

Только Марика сидела с окаменевшим, ничего не выражающим лицом, а когда Гиви, радостно улыбнувшись, показал ей глазами на занятого своей игрушкой Левана, абсолютно не прореагировала.

«Это не девушка, а какой-то сфинкс», — подумал немного обиженный Гиви и стал разглядывать комнату.

По-прежнему на самом видном месте висел его портрет, нарисованный Леваном, а под ним карикатуры на одетого клоуном Додика и скалящего громадные зубы Дато.

Леван очень неплохо рисовал, и все думали, что он станет художником, но он решил стать архитектором, «сразу убив трех товарищей и двух зайцев», как он шутил говорил, и действительно сразу же проявил себя с лучшей стороны.

— Марика, ты сегодня работаешь с двенадцати до восьми? — спросил Леван.

— Да. Ты что, выгоняешь меня?

— Уже полдвенадцатого.

— Может быть, мы его утомили? — сказал Гиви.

— Ты на своей новой машине, Гиви?

— Да... — словно виноватый, что у него есть машина, ответил Гиви.

— Ну вот, отвезешь ее, иначе она опоздает.

— Ладно. Я завтра с утра зайду к тебе, ведь я еще в отпуске. Да... и принесу тебе запасные батарейки, я их забыл.

— Пошли, раз он нас выгоняет... — почему-то вернулась к своему Марика.

— Ну не обижайся, Рыжик!.. Я немного посплю.. — очень ласково сказал Марике Леван.

Они встали и направились к выходу.

— Гиви, большое тебе спасибо!.. И не обижайся, что я немного психовал...

Мне очень...

— Да что ты, Левушка, дорогой!

— Подойди, я тебя поцелую... — Они поцеловались. — Передай привет дяде и тете!..

— Они зайдут к тебе на днях!

— Да, да... конечно...

Глаза Левана перебежали с Марики на Гиви, затем он улыбнулся им и отвернулся.

Гиви отвез в железнодорожную больницу по-прежнему упорно молчавшую Марику, немного шокированный ее неразговорчивостью.

— Конкретно можете сказать, какой у него диагноз? — спросил он у нее по дороге. — Я не знал, что у него были парализованы и руки.

— Да... — она словно думала совсем о другом, — tetraplegia inferioris..

— Понима... дальше?

— Теперь paraplegia...

— В конце концов, вы говорите с врачом!.. — грубо перебил он ее, — Какие сегменты?

— Извините!.. — Видно было, что она это делала не нарочно. — Сегменты D₄ и D₅, кровоизлияние и повреждение спинного мозга...

— Нужно какое-то чудо... — вздохнул Гиви.

— Чуда не бывает... — она больше не произнесла ни слова.

Затем Гиви поехал домой.

Дома никого не было. Гиви уселся за письменный стол и проработал до позднего вечера, сам удивляясь, откуда у него столько энергии.

За ужином они говорили только о Леване и его несчастных родителях и искали разные выходы, как помочь им, чтобы в то же время не задеть их болезненного самолюбия.

Расстроенный Гиви после ужина уже не смог работать и пошел спать.

В час ночи его разбудила тетя, сказав, что звонит какая-то девушка, настойчиво требующая, чтоб его разбудили.

С предчувствием какого-то несчастья Гиви побежал к телефону.

Это была Марика, она просила немедленно приехать — Леван перерезал себе вены.

Как сумасшедший гнал Гиви машину, моля бога, чтоб не встретились ему автоинспекторы и не заставили его потерять время.

Перед подъездом Левана стояла машина «скорой помощи». Не ожидая, пока спустится лифт, Гиви взбежал на пятый этаж.

Входная дверь была приоткрыта, а у закрытых дверей комнаты Левана стояли его мать и отец.

Гиви словно покуснули по сердцу ножом, когда они посмотрели на него затуманенными от слобоси глазами.

— Как? — спросил Гиви и, не получив ответа, приоткрыл дверь.

— Нельзя, — сказал мужской голос по ту сторону двери, и она с силой захлопнулась.

Через некоторое время вышла Марика и повела его на кухню.

— Думаю, выживет, — сказала Марика. — Дайте сигарету.

— Как он?

— Потерял много крови. Хорошо, что быстро достали и перелили.

Сказала она это деловито, спокойно и только по тому, как дрожала сигарета, когда она затыгивалась, Гиви догадался, каких усилий стоит ей это спокойствие.

— Когда он это?.. — спросил Гиви.

— Вероятно, около десяти часов, когда сказал матери, что устал и хочет спать. А я приехала без четверти одиннадцать. После работы я поехала домой, но меня все время беспокоили его слова, что «это от него зависит, чтоб этот мир существовал или нет!..». И то, что поцеловал вас... А теперь выйдите отсюда, пожалуйста!.. — почти приказала ему она.

— Почему? — удивился Гиви.

— Я буду плакать.

«Дурочка, заплачь... тебе будет легче», — ласково подумал Гиви, выходя в коридор.

Мать и отец по-прежнему стояли у двери сына, не замечая никого и ничего.

— Гиви! — через несколько минут позвала его Марика.

— Да?

— Они вас послушают... приведите их сюда.

Гиви пошел и стал уговаривать стариков пройти на кухню, но они только отрицательно качали головами. Тогда он их взял под руки, и они покорно пошли с ним.

Марика усадила стариков и стала им выговаривать:

— Возьмите себя в руки, в конце концов!.. Он жив!.. Всю кровь, которую он потерял, ему перелили... но он был очень возбужден и ему дали снотворное, и он будет спать!.. Вот увидите, врач больше не нужен будет и скоро уйдет. Главное, чтоб вы были здоровы и могли за ним ухаживать!

— Да!.. Да, да!.. — внезапно заговорила мать.

— Вот и хорошо!.. А я пошла к нему.

Отец сидел выпрямившись, положив на колени большие, как кувалды, руки. Вошел, улыбаясь, молодой краснощекий санитар.

— Все в порядке!.. — весело сказал он. — Не бойтесь, наш врач и не таких ставил на ноги!..

— На ноги?.. — стоном вырвалось у матери.

— А что?! Через три дня... Да вы не переживайте, тетя!.. Поверьте мне, клянусь моими двумя детьми!.. Можно стаканчик воды?

— Сейчас я тебе дам натуральное вино!.. — засуетилась Тамара Александровна.

— Можно... — обрадовался санитар, — а то от воды, говорят, в животе лягушки заводятся!..

На столе уже стояли три стакана и большая бутылка вина.

— Ты меня извини, что кроме хлеба и сыра никакой закуски нет!

— Нет, нет!.. Есть я ничего не хочу!.. Позвольте!..

Санитар очень ловко разлил по стаканам вино.

— За скорое выздоровление вашего сына! — первым выпил он. — А зачем он!..

Гиви сделал ему знак, чтоб он пил и молчал. А затем обратился к отцу Левана:

— Выпейте, дядя Захарий, это поможет!

— За моего Левана!.. — дядя Захарий слегка пригубил и поставил стакан. — Я не могу, но вы молодые, пейте!

Гиви тоже не мог, зато санитар не заставлял себя просить, и видно было, как он огорчился, когда пришли врач и медсестра и отбили у него возможность продолжать дальше.

Врач оказалась пожилой полной женщиной с низким грудным голосом, большим носом и умными глазами.

— Вы можете совершенно успокоиться!.. — очень задушевно сказала она родителям. — Он будет долго спать, ранение пустяковое... самое главное, чтоб он не сорвал повязки. Кто-нибудь должен около него сидеть. Завтра утром я заеду... а если что, то Марика прекрасный врач! До свидания!..

— До свидания, доктор!.. Большое, большое спасибо!..

— Это наш долг, — скромно улынулась она, а затем повернулась к санитару. — А с тобой я потом поговорю!.. Пойди возьми аптеку!

Когда они ушли, тетя Тамара и Гиви вошли к Левану. Приспущенная ночная лампа оставила в тени его красивое лицо с обескровленными губами и закрытыми глазами с длинными, как у девушки, ресницами.

Когда же Гиви увидел вытянутые вдоль тела, перебинтованные у запястья руки, то ему стало до боли обидно за своего друга.

— Садитесь, тетя Тамара. — Марика усадила мать у изголовья, а сама затем обратилась к Гиви: — Пойдите успокойте отца, а мы посидим.

На кухне дядя Захарий сидел, уставившись в одну точку, и, казалось, даже не заметил его прихода.

— Все как нельзя лучше! Успокойтесь, дядя Захарий...

Теперь эти немигающие глаза упорно смотрели на Гиви.

— Нет у вас чего-нибудь покрепче вина? — спросил Гиви, отводя глаза, словно был в чем-то виноват.

Старик встал, выплеснул вино из стаканов в раковину и вымыл их. Затем долго искал в шкафу.

— Был коньяк, но я не могу его найти. Чачи выпьешь?.. — наконец заговорил он.

— Давайте!..

Чача была очень крепкая, и пили они ее чайными стаканами, к удивлению Гиви, почти не пьянея.

— Я не трус, но боюсь войти и посмотреть на него! Тебе это трудно понять, но... он захочет, как в детстве, извиняться... а я не могу...

— Я понимаю, дядя Захарий.

— Он был таким хорошим сыном!.. И какой талантливый во всем!.. Я так гордился им...

— И опять будете гордиться! Уверю вас, дядя Захарий!.. Леван очень сильная личность... и даже, если ноги...

— Он сказал матери, что хочет рисовать, — внезапно перешел на другое дядя Захарий. — Она принесла ему бумагу, карандаши... и лезвия, чтоб их точить...

— У него просто какие-то царапинки. Через неделю все пройдет!.. — очень хотел успокоить несчастного отца Гиви.

Действительно через неделю Леван сняли повязки.

Проведя весь этот день у Левана, Гиви возвращался домой с каким-то двойным чувством.

С одной стороны, он был рад, что смерч, выбравший своим эпицентром семью Захария Гелашвили, прошел, оставив Левана живым, с другой — он понимал, что основное произошло раньше и горе и отчаяние твердо, если не навсегда, стали уделом этой семьи.

Со второго же дня, когда Леван очнулся, никто ни одним словом не заикнулся ему о происшедшем. Да и сам Леван всего один раз вспомнил об этом, когда обессилевшая мать упала, неся ему тарелку с супом.

— Ничего!.. — смеялась она, когда Гиви и Марика поднимали ее. — Разбитая тарелка приносит счастье!..

Бедная, о каком счастье она могла говорить, но она сказала это, чтоб успокоить сына.

Тогда Леван долго молчал, а когда мать, прихрамывая, вышла, сказал:

— Да... большое несчастье делает человека эгоистом!

Это был упрек самому себе, и несмотря на все, Гиви был доволен — теперь вторичного самоубийства Леван не совершит.

Вечером за ужином Гиви сказал дяде и тете, что завтра он едет в Гори, на могилу родителей.

— Очень хорошо, — сказала тетя, — если б не постоянное ожидание, что вот-вот привезут Левана, ты, конечно, уже давно съездил бы.

Дядя ничего не сказал, но застывшая в воздухе ложка ясно говорила, что мыслями он был с покойными братом и невесткой.

* * *

Эка, как и все, кто не лишен способности посмотреть на себя со стороны, имела более или менее правильное представление о своей личности.

Разумеется, были у нее и пробелы, но они были продиктованы скорее желанием того, какой она хотела бы быть, чем неумением объективно судить. Основным критерием ее морально-этических концепций было чувство порядочности, и вот тут-то она поймала себя на том, что виновата по отношению к Гиви.

Человек мог ей нравиться или не нравиться, но она должна была всегда быть лояльной. В особенности, когда этот человек был с ней абсолютно безупречен... и, к тому же, она никак не могла выкинуть его из головы, что довольно легко проделывала с другими.

Уверив себя, что это чисто женское любопытство, Эка стала искать встреч с определенным типом женщинами, которых кроме всех других прозвищ именуют еще и «всезнайками».

Такие всезнайки в обширной и могучей области всякого рода интриг и про-
исшествий непременно должны были бы знать о Гиви.

Встретившись с этими ходячими справочниками, Эка в беседе довольно
ловко заводила разговор о Гиви Капанадзе.

Да, его все эти женщины знали. Оказывается, он считался подающим боль-
шие надежды молодым хирургом и одним из самых красивых мужчин города,
за которым «гонялись». А вот о том, что у него были какие-либо столкновения
с правосудием, они не знали.

Эка продолжала стараться что-то узнать о Гиви и упорно работала. За это
время она написала большую статью об умершей художнице, сделала доклад о
«передвижниках» в университете культуры, приняла участие в дискуссии о
«поп-искусстве» в Союзе художников... и поссорилась с матерью.

Наконец, на одной конференции Эка заметила знаменитую своей «осве-
домленностью» Нуцу Унапкошвили и подседа к ней.

Старая дева и неудавшаяся художница, Нуца очень обрадовалась подвер-
нувшейся собеседнице, и они шепотом начали тот женский, ни к чему не обя-
зывающий разговор, который вызывает скучный докладчик.

Потом, во время перерыва, они вышли в фойе, уселись в мягкие кресла и,
куря сигареты, так и остались, когда началась вторая половина.

Для Нуцы Эка оказалась очень приятной собеседницей, в нужные момен-
ты поддакивающей, смеющейся или возмущающейся, а самое главное, ни разу
не перебивающей ее словесный поток.

«Боже мой, когда я смогу перевести разговор на интересующую меня те-
му», — думала усталая Эка. А та все рассказывала и рассказывала про какие-
то альковные дела совершенно не интересующих Эку людей про молодую же-
ну старого профессора, наставляющую ему рога, про мужчину, бросившего же-
ну с тремя детьми из-за какой-то нестоящей женщины, останавливаясь только
для того, чтоб провести острым язычком по тонким, накрашенным белесо-фио-
летовой помадой губам.

«Господи, когда же?»

Но спрашивать Эке не пришлось. Нуца сама заговорила о нужном:

— Говорят, что вами интересуется этот красавец, Гиви Капанадзе... Ос-
торожно, можете обжечься!..

Это было неожиданно. Эка растерялась и сказала то, что никогда не на-
до говорить некрасивой старой деве:

— А я что, разве некрасива?!

Тонкие губы Нуцы растянулись в какой-то неопределенной улыбке, и Эка
сразу догадалась, что надо исправлять ошибку.

— Да, я с ним познакомилась... — как можно более безразлично произнес-
ла Эка. — По-моему, он совершенно обыкновенный молодой человек... и слиш-
ком мнит о себе, как все...

— Что вы?! — перебила ее Нуца. — По нему сходят с ума!... В нем столь-
ко обаяния!..

— Возможно... но мне он совершенно не нравится!.. Не мой тип.

Но опытную и вдобавок хорошо информированную Нуцу не так-то легко
было провести.

— Сомневаюсь... когда вы с ним шли по Руставели, то никого не замеча-
ли!.. — и снова острый язычок забегал по тонким губам, а маленькие глубоко-
сидящие глазки так и впелись в собеседницу.

«Надо быть хитрее нее, лучше всего грубая прямолинейность», — реши-
ла Эка.

— Может быть, я была очень уставшая после доклада. А потом, говорят,
у него темное прошлое!.. И как умная женщина, вы сами понимаете, это меня
не устраивает!

— Да, разумеется! — почему-то обрадовалась Нуца.

— Он мне звонил на другой день, а я ему сказала, что не желаю дальше
продолжать знакомство.

«Я же говорю правду», — подумала Эка, но все же осталась недовольна
собой.

— Молодец!.. — с такой торжественной злостью произнесла Нуца, слов-
но Эка за нее отомстила всем мужчинам.

— Я не знаю, что у него там было... но он, кажется, сидел, — безраз-
лично сказала Эка. — И потом, это меня совершенно не интересует.

Но «это» до удивительного интересовало Нуцу.

Нахмутив выщипанные брови, она стала водить по горбинке носа пальцем
с длинным заостренным ногтем.

— Да, да... я что-то вспоминаю... Это было лет десять тому назад... он
был студент... да, да, точно!.. Он, кажется, сидел за убийство или изнасилова-
ние... не помню.

— Я так и думала, — сама не зная почему, вставила Эка
— Но теперь это не имеет значения!.. Я бы не обратила на это никакого
внимания и вышла бы за него замуж!..
— Я могу только пожелать вам счастья! — съязвила Эка.
— Или даже без всякого ЗАГСа... он так красив и мужествен!..
— Чтоб он вас убил или изнасиловал?
— Ох, ох... нет, только не убил!..
Не скрывая снисходительной улыбки, Эка смотрела на свою собеседницу
и думала, до чего же она глупа и откровенна.
— Разумеется, когда вам двадцать с чем-то лет, то вы можете смеяться...
— обиженная улыбкой Эки сказала Нуца. — А время проходит так быстро...
Эке стало жаль ее, и она начала извиняться:
— Да нет, просто он недостоин вас!.. У вас все впереди... вы еще молоды,
красивы!..
— Да нет... что вы?! Вы делаете мне комплимент...
— Уверю вас!.. Мне ничего от вас не надо, чтоб делать вам комплименты!
— Да, это правда, — согласилась Нуца.
Еще немного поговорив, они разошлись по домам.
Дура, дура!.. Всю дорогу думала про Нуцу Эка. Неужели желание вый-
ти замуж может так затмить мозги женщине?.. Хотя, почему нет... а лучше все-
го оставить в покое королеву Франции...
Весь следующий день Эка запрещала себе думать о Гиви и на душе у нее
было тяжело и пусто. Но так как природа не любит пустоты... вечером она
позвонила Гураму, и они пошли на концерт.

* * *

Гиви встал рано, но уехать сразу же не удалось. Кисточка, которой он
собирался красить ограду на кладбище, была намертво схвачена на дне банки
затвердевшей как асфальт черной краской.

— Эх, дядя... дядя!.. — укоризненно произнес Гиви, закрывая за собой
дверь подвала, куда он не спускался более двух лет.

К девяти часам Гиви подъехал к скобяному магазину на Колхозной пло-
щади, но оказалось, что он открывался только в десять. Лучше было подо-
ждать, чем потом искать все нужное в Гори.

Гиви оставил машину перед магазином и пошел бродить по площади. Ему
нравилось быть среди спешащих по своим делам людей. Это напоминало ему,
что он здесь — у себя дома, о чем мечтал целых два года, будучи в Африке.

Люди торопливо выходили или брали с боя устарелые трамваи, красивые
новые автобусы, толпились в гастрономах или у журнальных киосков.

Пройдя на находившуюся рядом базарную площадь, Гиви остановился на
противоположном от двухэтажного здания базара тротуаре и, заложив руки в
карманы, стал наблюдать.

Окопавшиеся за горами арбузов и дынь, вооруженные длинными ножами
продавцы «на разрез» молча ждали покупателей или же на острие ножа по-
ворачивали перед носом клиента ярко красные пирамидки, вырезанные из
выбранного ими арбуза.

Гиви показалось, что все идущие на базар шагали бодро, с готовым к еди-
ноборству с продавцами волевым выражением лица и, смело преодолев арбуз-
ный рубеж, исчезали в освещенном гирляндами лампочек первом этаже или
же по наружной лестнице поднимались на второй.

А вот возвращались они какими-то расслабленными, с добрыми лицами, хо-
тя это могло быть и просто усталостью, и только тогда обращали внимание на
арбузы.

Гиви стал присматриваться к лицам, чтоб проверить себя — не разучился
ли он распознавать людей по национальности, что с детства умеют все тби-
лисы.

Нет, это интуитивное, часто необъяснимое чувство не оставило его.

Различив грузин почти со всех концов своей маленькой родины, Гиви про
себя стал перечислять — русский, армянин, азербайджанец, еврей, грек, че-
ченец или лезгин, ассириец или езид... а вот этот, явно видно по его бороде,
молоканин...

Юркие цыганки предлагали прохожим дефицитные заграничные лезвия от
брить, карандаш для подведения глаз и жевательную резинку, а их босоногие
курчавые детишки там же кланчили «копеечку».

И как ни странно, именно сейчас Гиви почувствовал, что он по-настоящему
у себя на родине.

Купив кисточку и краску, Гиви правым берегом Куры поехал в сторону
Гори.

Уже выезжая из города, Гиви произвольно посмотрел туда, далеко направо, где под склоном небольшого горного кряжа цепочкой выстроились высокие белоснежные здания.

Там, в одном из них, на пятом этаже лежал в своей кровати так зло обиженный судьбой его друг Леван, и Гиви ничем не мог ему помочь, и никто не мог ему помочь... Никто ничего не мог!..

Гиви вспомнил случай из его африканской практики, глубоко травмировавший его. В изолированном боксе умирал двадцатилетний атлетического сложения парень, покусанный бешеной собакой. Несчастному уже ничем нельзя было помочь, его привезли слишком поздно.

В зарешеченное окно Гиви видел, как бедняга страдал от жажды, отвергая из-за спазм горла воду и фрукты, и как затем в ужасных конвульсиях переломал себе позвоночник и умер. Умер... и это было для него высочайшей благодатью.

«А не лучше было бы, чтоб и Леван...» По спине у Гиви пробежал холодок от этой кощунственной мысли, и ему стало стыдно за самого себя.

Нет, он сможет ему помочь!.. Конечно, не так сразу, надо, чтоб прошло время и Леван, хоть частично, привык к своему положению, бою уважения и понимания. Да я сам, окажись в положении Левана, был бы Леваном давно и окончательно решен.

Тогда что, господи... что?.. А тут еще эта девушка, денно и ночью напоминающая ему, что он любил... и что теперь не имеет на это никакого права!..

Но разве Марика виновата, что любила и продолжает любить?.. Наоборот, она сама достойна жалости... конечно, не той, нищенской жалости, равной самому большому оскорблению, а настоящей человеческой жалости, полной глубокого уважения и понимания. Да я сам, окажись в положении Левана, был бы счастлив, если б Эка... А почему именно Эка, черт побери?!»

Целая вереница мощных самосвалов везла чернозем, вероятно, в какое-то новое парниковое хозяйство.

«Какой он должен быть приятный на ощупь, — подумал Гиви, с детства знающий цену земле, — мягкий, рассыпчатый и черный, как порох».

А затем сам же удивился парадоксальности этого сравнения — порох был как синоним смерти, а этот чернозем нес в себе колоссальный заряд жизни. Гиви нажал на конус и обогнал идущие на большой скорости самосвалы.

«К первому сентября должны вернуться Дато и Додик, тогда все вместе мы что-нибудь придумаем», — постарался успокоить себя Гиви.

Ушедший в свои мысли, Гиви доехал до Гори, так и не заметив ни красоты окружающей его природы, ни изящества обрисовывающихся на фоне безоблачного неба силуэтов монастырей и крепостей.

Поставив машину под полувысохшей осиною, Гиви вытащил из багажника пакет с рабочими брюками и рубахой, старые туфли, краску и кисточку и по солнцепеку направился к входу на кладбище.

Путаясь у него в ногах, по раскаленной земле бежала его тень, маленькая из-за стоявшего в зените солнца и смешная из-за пакета под мышкой и оттопыренных рук, в которых он держал туфли и банку с краской.

«Вероятно, у меня очень глупый вид? — подумал Гиви, патологически боящийся показаться смешным. Но по мертвой тишине можно было догадаться, что по крайней мере на целый километр вокруг не было живой души».

Кладбище сильно разрослось, и Гиви направился в сторону давно посаженных деревьев... и старых могил.

Уже издали было видно, что изгородь в прекрасном состоянии и в покраске не нуждается.

«Это дядя Георгий... но почему он мне не сказал?.. А потому, что я его и не спрашивал. А ведь я должен был догадаться, когда в подвале увидел банку из-под краски с прилипшей к ней кисточкой...»

Что со мной... я стою у могил отца и матери и думаю о разных глупостях?! Нет, к мертвым никогда не надо идти с каким-либо делом, к ним надо приходить с одними чувствами!..»

Но и этот внутренний монолог не смог направить его чувства в нужном направлении. Вместо отца и матери, о которых он столько думал за эти годы отсутствия, перед ним лежали два надгробных камня с мраморными табличками-паспортами: имя, фамилия, год рождения и смерти.

Мать умерла 34 лет, отец 37.

Гиви открыл ключом дверку и вошел.

Тень от шеренгой вытянувшихся кипарисов уже почти целиком покрывала надгробные камни.

Непреодолимое желание заставило Гиви приложить ладони к еще теплым надгробным камням. Затем он присел в ногах отцовского камня... как в детстве садился к отцу на колени.

Стояла необычайная тишина, но это только казалось, надо было только хорошо прислушаться, чтоб услышать жужжание мошканы, едва донесшийся с той стороны Куры гудок электровоза и, наконец, рокот приближающегося реактивного самолета, который в действительности оказался большим джетом, сделавшим два круга над его головой и деловито полетевшим дальше.

И все же это была тишина, и она давила своей неопределенностью, как тогда, в их маленьком домике на затененной деревьями окраинной улице...

...Внезапно в ночной тишине раздался крик... душераздирающе резкий, гортанный крик разъяренного животного... Крик волной ворвался в его комнату, а потом понесся дальше, заполнив всю долину Куры, поднялся по ущелью Лиахви и замер где-то далеко в горах.

Девятилетний Гиви лежал в своей кровати, один в запертом доме, и ждал, ждал... и снова раздался этот душераздирающий крик, заполнив комнату густым, все обволакивающим страхом...

...Приехавший из командировки отец отвез лежащую в жару мать в больницу, а Гиви остался дома один.

Несколько дней тому назад мать, по обыкновению, перед тем как пойти с ним в школу, где она преподавала, вышла покормить кур и самку павлина, которая больше месяца, с тех пор как сдох самец, ужасно кричала.

Гиви с сумкой под мышкой стоял на веранде и ждал, пока мать закончит. Внезапно самка павлина бросилась на мать и, зацепившись когтями за платье, стала клевать ее в лицо. Гиви бросился на помощь матери и с трудом оторвал от нее разъяренную птицу.

Мать успела рукой защитить глаза, но по щеке и подбородку у нее текла кровь.

Потом он помог матери обмыть ранки одеколоном и смазать их йодом, и они пошли в школу.

А вот сегодня мать вернулась из школы с высокой температурой и слегла... затем приехал отец и отвез ее в больницу.

До рассвета Гиви не сомкнул глаз, а отец все не приходил; значит, матери было плохо...

Запсрев дом на ключ, Гиви пошел в больницу, но его не пустили.

— Впусти мальчика, — обратился к вахтеру в дверях проходивший санитар, — он сын нашего ветеринара.

— Нельзя, у его матери гангрена.

Целый час Гиви слезливо умолял пропустить его к матери и наконец разжалобил вахтера.

Когда Гиви отыскал одиночную палату, где лежала мать, и открыл дверь, отец запрещающе поднял руку, но он все же вошел.

Увидев его, мать попыталась улыбнуться... как-то странно скривив не подчиняющиеся ей губы. Гиви бросился целовать ей руки... и отец насильно вывел его.

А потом вот здесь, на месте камня, была глубокая яма со свеженасыпанной по бокам желтой землей, на которой стоял гроб.

Он прижимался спиной к отцу и чувствовал, как дрожали у него на плечах большие отцовские руки.

Это был какой-то кошмарный сон, от которого он никак не мог проснуться...

Это невозможно, чтоб мамы не было!.. Она сейчас придет со своей ласковой, такой дорогой ему улыбкой... а эта, в гробу... Это неправда! Неправда!..

Дядя Георгий взял отца под руку и повел, а за ними повели Гиви тетя Нина и Додик, школьный товарищ, все три года сидящий с ним за одной партой.

Дома, во дворе, были поставлены столы...

Затем дядя и тетя хотели взять его с собой в Тбилиси, но он ни за что не согласился, был даже груб с ними.

Они все-таки взяли его с собой в Тбилиси через год, когда умер отец.

Гиви даже не знал, что отец на войне получил ранение в области сердца... а теперь он стал пить... Пил отец с пастухами, которым лечил скот, с соседями и знакомыми, и даже с незнакомыми. Когда отец бывал навеселе, первое время Гиви это даже нравилось. Отец как пушинку подымал его на руки, так же как раньше он подымал его и маму вместе, в комнате, чтоб не видели соседи... но теперь он делал это там же, у калитки, где Гиви встречал его... и всегда приносил подарки, иногда очень дорогие.

Маленькая старушка — бебо Тэкле, которая следила за домом, только укоризненно качала головой и украдкой утирала слезу.

После выпивки отцу всегда бывало плохо... а потом становилось все хуже и хуже, а он продолжал пить...

— Эх, что поделаешь, сынок... — сказала один раз Гиви бебо Тэкле, — другие через год женятся... а твой отец однолюб.

— Что такое однолюб? — спросил Гиви.

— Ну... которые, как твой отец, только один раз любят...

Э. А. М. Б. В. С. П.
Э. А. М. Б. В. С. П.

— Правильно, я тоже так буду!..

Отец умер сразу, утром, перед уходом на работу.

Они пили чай, и Гиви рассказал отцу, что в школе один мальчик украл у другого авторучку, но потерпевший слабее и боится воришки.

— Напрасно боится, — сказал отец.

— Он мой товарищ...

— Кто, воришка? — встрепенулся отец.

— Нет, у которого украли... и я побил воришку... а теперь учительница вызывает тебя. Сказала, что, вместо того чтоб драться, надо было сказать ей.

Отец молчал и о чем-то думал, а осмелевший Гиви продолжал:

— Мы же не девочки какие-то, чтоб ябедничать!

— Да... хорошо, я пойду. Только больше не дерись!

— Нет, палочка!

Затем бебо Тэкле сказала, что «своровавший иголку сворует и верблюда», и сообщила, что у директора универмага украли «Москвич».

Гиви сказал ей, что «Москвич» не имеет ничего общего с верблюдом, и все смеялись.

Последние слова, которые слышал от отца Гиви, были: «Если любишь мать, отца и родину, то должен быть всегда честен!. Понимаешь всегда и во всем!»

Гиви побежал в свою комнату, чтоб собрать тетради и книги и вместе с отцом пройти полдороги до школы... а когда вернулся, отец сидел, склонив голову на грудь, — он был мертв.

Отца похоронили рядом с матерью, а Гиви с дядей и тетей поехали в Тбилиси. На вокзал провожать его пришли все товарищи. Додик даже плакал.

В четвертом классе тбилисской школы, куда его определили, бывший отличник, Гиви очень плохо учился, не слушал на уроках, все время думая о чем-то своем, и самое главное — из-за всякого пустяка дрался.

«Конечно, мы все понимаем, — сказала директор школы, — но он очень плохо влияет на других учеников. Грубит учителям, ни с кем не дружит... и терроризовал всех одноклассников.

Это было не совсем так — Гиви дрался и со старшеклассниками.

Дяде и тете пришлось перевести Гиви в другую школу. Тетя Нина ушла в отпуск без сохранения содержания и два месяца подгоняла оставшего Гиви.

В канун Нового года, когда дядя и тетя вернулись домой, нагруженные подарками для Гиви, то застали только старушку-соседку, преспокойно спавшую в кресле, а Гиви исчез.

После первой ночи, прошедшей в беготне по отделениям милиции и больницам «скорой помощи», Георгий Иванович догадался, что делать, и ранним утром поехал искать пропавшего племянника в Гори.

Не надо было быть Шерлоком Холмсом, чтоб распознать на снегу возле кладбищенской ограды следы детских ботинок, в особенности перед входом, где мальчик, видно, долго стоял, переминаясь с ноги на ногу.

Георгий Иванович послал срочную телеграмму жене, что Гиви в Гори и он его скоро найдет и привезет... и целый день тщетно искал мальчика по всем знакомым и незнакомым местам.

С наступлением темноты, когда все знакомые и милиция были оповещены, Георгий Иванович перешел по широкому мосту на другую сторону Куры и направился к вокзалу, где купил билет на Тбилиси с намерением завтра же утром вернуться обратно.

В большом, полном народу зале ожидания слышались веселые возгласы, смех и пьяное пение, как и подобает первому дню Нового года.

Обескураженный и изрядно уставший, Георгий Иванович присел на свободный край скамьи, с укором вспоминая слова, сказанные ему очень благодушно настроенным и, возможно, немного подвыпившим дежурным офицером милиции: «Не беспокойтесь, если он в Гори, то мы его непременно найдем!..».

Это ни на чем не обоснованное утверждение офицера милиции ему, серьезному человеку, казалось, по меньшей мере, необдуманным.

К скамье Георгия Ивановича подошел, волоча ногу, мальчик лет десяти и стал просить милостыню, протягивая руку со скрюченными пальцами.

Профессор заметил, что, несмотря на то, что у несчастного попрошайки была парализована также и правая сторона лица и изо рта текли слюны, он был довольно обаятелен. А ко всему этому и довольно сносно одет.

Глаза нищенки жалостливо смотрели на профессора, а скрюченные пальцы его руки не менее выразительно требовали помощи, болтаясь перед самым носом ученого мужа. Георгий Иванович стал рыться в карманах, но как на зло мелочи не находил. Тогда он протянул мальчику бумажную рублевку.

Рука со скрюченными пальцами неожиданно ловко схватила рублевку, и мальчик, уже ни к кому не подходя, заковылял прямо к буфету.

«Несчастный, видно, он очень голоден», — подумал Георгий Иванович. Он действительно увидел, что буфетчик, взяв рублевку, протянул мальчику большой кусок хлеба и кусок колбасы.

Все было ясно как день. Теперь мальчик набросится на еду... но нет... Мальчик подошел к двери и стал кого-то подзывать... и к нему подошел съевшийся от холода и голода... Гиви.

— Гиви! — бросился к нему, расталкивая по сторонам встретившихся ему на пути людей, дядя Георгий.

Гиви и не собиравшись бежать, он стоял, прижимая к груди хлеб с колбасой, и во все глаза смотрел на своего дядю.

Георгий Иванович поднял продрогшего мальчика и сильно прижал его к груди. В этой грубой мужской ласке было столько чувства, что даже голодный и продрогший до мозга костей Гиви понял это,

Немного приди в себя, Георгий Иванович увидел, что, еще больше припадая на хромую ногу и как-то странно размахивая скрюченной рукой, убежал благодетельствовавший Гиви нищенка.

— Мальчик, подожди!.. Подожди!.. — закричал вслед убегающему калеке с рыцарской душой Георгий Иванович, но тот выбежал в открытые на вокзальную площадь двери и исчез.

Уже в мягком и теплом вагоне поезда, основательно наевшись всех сладостей, которые купил ему на вокзале дядя, Гиви заговорил. Он хотя и признавал свою вину по отношению к дяде и тете, но в то же время требовал, чтоб поняли и его:

— Я хотел провести Новый год... с папой и мамой!..

— Да, детка... но если б ты нам сказал?! Мы с тетей привезли бы тебя сюда!.. — почему-то очень долго сморкался в свой платок и невзначай протирал им глаза дядя Георгий.

— Мне очень трудно без них!..

— Понимаю, мой мальчик... но что поделаешь, это не в наших силах воскресить их...

— Я был на кладбище, пока стемнело... а потом стало так страшно, что я... — Гиви не умел врать.

— А где ты провел ночь?

— На вокзале, а утром пошел к моему другу Додикю. Он звал меня к себе домой, но я не пошел.

— Ну почему не пошел? Он же твой друг, и будь ты на его месте, ты же не оставил бы его, я в этом уверен!

— Да, конечно... Но и он меня не оставил!

— Тебя не оставил этот несчастный, но такой благородный калека!.. Как жаль, что он убежал, мы могли бы ему чем-нибудь помочь!..

— А ему не надо помогать!

— Почему?... Как это так «не надо»?! Неужели ты уже забыл, что он для тебя сделал?

— Он и есть Додик... дядя Георгий!.. — Гиви смутился и смолк.

— Подожди, подожди... тот, который на похоронах все время был рядом с тобой?

— Ну да, Додик!.. Он играл калеку, чтоб заработать мне на еду!.. — а затем, заливаясь звонким детским смехом, забыв все пережитое им за эти два дня, с гордостью за друга добавил: — Он артист!.. Он может упасть на землю, закатить глаза и биться, как настоящий эпилептик, или вывернуть руку, хромать и пускать слюну, и даже...

— Что?! — вырвалось у Георгия Ивановича.

— И даже плакать, как грудной ребенок!

Теперь они хохотали уже вдвоем.

Когда они приехали домой, то радость и слезы тети Нины так подействовали на Гиви, что он горячо обещал больше никогда не делать.

После новогодних каникул Гиви стал прилежно учиться.

В пятом классе Додик, отца которого перевели директором аптеки в Тбилиси, оказался снова за одной партией с Гиви, хотя и жил довольно далеко от этой школы. Мальчики, видно, переписывались.

* * *

Испокон веков люди восхваляли дружбу как самую красивую и сложную форму человеческих отношений. О дружбе создано неисчислимое количество как устных, так и письменных сочинений... но по сей день никто не смог создать учебника по дружбе — это природный дар.

Через некоторое время к Гиви и Додо присоединились Леван и Дато, и тогда и началась эта беззаветная дружба четырех мальчиков, которая потом, вероятно, должна была пройти и через всю их жизнь.

Душой этого плотно спянного маленького коллектива был Гиви, который очень рано познал тяготы жизни и поэтому лучше других понимал всю силу настоящей дружбы.

Расцветшая романтика дружбы, после бесчисленного количества прочитанных мальчиками приключенческих книг, требовала не менее романтического посвящения в «Рыцарей дружбы», и оно состоялось.

Для мальчишек соблюдение всех условностей ритуала посвящения не имеет значения... впрочем, как и для взрослых.

Главное, это чистосердечно верить в произнесенную клятву, а затем свято выполнять ее.

Какое это имело значение, что вместо подземелья старинного замка был подвал тоже довольно старого дома, где жил дядя, вместо факелов были стеариновые свечи, стяннутые на кухне у тетушки, а вместо кинжалов, которыми они должны были порезать себе руки и смешать кровь в знак «дружбы до смерти» — обыкновенные перочинные ножи.

При свете четырех стеариновых свеч было видно, насколько мальчики бледны и сосредоточены. Громадные тени, начинаясь у самого потолка, спускались по четырем стенам с приставленной к ним старой мебелью и ненужной рухлядью, которая казалась рыцарскими доспехами или прикованными цепями скелетами.

— Клянусь! — прозвучал в тишине торжественный, немного дрожащий от волнения голос Гиви.

— Клянусь!.. — повторили за ним Леван, Додик и Дато.

Руки со свечами поднялись высоко над головой и соединились, а тени соскользнули со стены и притаились у мальчиков в ногах.

—...Что ничто на свете не сможет поколебать нашу дружбу! Ни деньги, ни страх и ни женщины!.. — голосом верховного жреца произнес Гиви, в то же время думая, что совершенно ни к чему были приплетены в этой клятве женщины. Но так было в прочитанной им книге.

— ...Что ничто на свете не сможет поколебать нашу дружбу!.. Ни деньги, ни страх... — голоса мальчиков были хрипловато торжественны, а вот окончание «и ни женщины» они произнесли с явным пренебрежением.

Это был тот период в их жизни, когда девчонки были самыми презренными существами.

— Один за всех, все за одного! — прогремел голос Гиви.

— Один за всех, все за одного! — с фанатической убежденностью, что только так и будет, повторили Леван, Додик и Дато.

Затем снова до потолка выросли тени и стали качаться из стороны в сторону... Мальчики перочинными ножами стали себе надрезать мизинцы левой руки, держащей свечу.

Во дворе дома на завалинке перед полуподвальным помещением сидел дворник Амо и наслаждался воскресным отдыхом, скребя осколком стекла рукоятку нового веника.

По заведенному им порядку, по воскресеньям улицу перед домом и двор подметали его жена и старшая четырнадцатилетняя дочь.

Дочь скоро надо было выдавать замуж, и Амо в уме подсчитал, сколько тысяч рублей он получит от жениха, на какую сумму он купит ей подарков и сколько останется ему.

Эти, как могут ошибочно показаться некоторым, «презренные» мысли не мешали ему следить за порядком в своем дворе.

Вот по лестнице из подвального помещения поднялся, шурясь от солнечного света племянник профессора Гиви, а за ним, также шурясь, поднялись еще три его товарища.

Странно, что у всех оказались перевязаны платками мизинцы левых рук, но самым странным было то, что они прошли с высоко поднятыми головами, гордо и независимо, как никогда не проходят напраказившие мальчишки.

«А все-таки в следующий раз надо будет следить за ними», — подумал Амо.

Действительно, мальчики чувствовали себя как никогда сильными и гордыми.

В классе уже никто не мог обидеть Додика, самого слабого из их четверки, и даже старшеклассники старались не связываться ни с кем из них, так как на выручку немедленно бросались трое остальных.

И разумеется, к четверке друзей стали тянуться многие, чистосердечно предлагая свою дружбу. Но никто так и не смог стать пятым. Это и было следствием того, что желающий их дружбы оказывался хуже них, просто их

самых не хватало на большее — вся энергия Гиви, Левана и Дато уходила на усмирение фантазий Додика.

Да и называя фантазией все то, что вытворял Додик, можно было только условно. Розыгрыши и мистификации терпимы, когда они остроумны и не переходят границ, а Додик не знал меры. Часто его розыгрыши превращались в явную издевку, а мистификации — в злой фарс.

Друзья, как могли, старались удерживать Додика от эксцессов, но большей частью им приходилось спасать его от взбешенных его проделками людей.

Несколько раз возмущенные последствиями проделок Додика ребята даже отказывались дружить с ним... но у Додика было столько положительных качеств и он так беззаветно был предан им, что в конце концов ему прощали.

Меньше всех ростом, с правильными чертами лица и по-детски наивным выражением больших карих глаз, Додик производил на всех самое хорошее впечатление... пока не выкидывал свой очередной номер.

Даже то, что потом они поступили в разные вузы, ничем не повлияло на их дружбу.

Гиви стал врачом, Леван — архитектором, Дато — инженером, а Додик — театральным режиссером.

* * *

В один из последних дней августа Эка была приглашена на домашнюю выставку картин молодого многообещающего художника, который вернулся из поездки в Чехословакию и привез несколько картин и много эскизов.

Ценителей было шесть человек, и после осмотра гостей пригласили к столу.

Эка сидела рядом с хозяйкой, немного старше нее, обаятельной Мананой Цискаришвили, и они как-то сразу подружились.

Пока мужчины спорили о достоинствах и недостатках установленных в городе скульптур и подбадривали себя напитками, у Эки и Мананы завязался интересный разговор. Манана увлекалась поэзией и на память прочла Эке несколько неизвестных ей переводов французских поэтов.

— Это ваши переводы? — спросила Эка.

— Нет, что вы!.. Это переводы Ониани, молодого поэта. Хотите, я прочту вам его собственные стихи?

— С удовольствием!

Стихи очень понравились Эке.

— У него большое будущее! — сказала она.

— Нет у него будущего... Он умер. Повесился восемь лет тому назад.

Эка была по-настоящему огорчена, и Манана рассказала ей, как это произошло:

— Нам тогда было по девятнадцать-двадцать лет, а дружили мы со школьной скамьи. КакО Ониани учился на вечернем, а днем работал в издательстве. В то же время он печатал свои стихи и переводы с французского. Полубил он, к его несчастью, одну красивую девушку...

— А сам он был интересен? — спросила Эка.

— Даже очень красив, но маленького роста. И кажется, из-за этого роста она ему отказала... Разумеется, богема КакО часто опаздывал на работу, но сотрудники делали вид, что не замечают этого, а иногда даже исполняли за него кое-какую работу... и только один, пожилой мерзавец, ранее погубивший уже несколько человек, писал на него доносы.

Директору ничего не оставалось, как вынести это на общее собрание, и бедного КакО сняли с работы. И какое злосчастное совпадение: в то же время любимая девушка отказала ему... Он повесился на шнуре от электрической лампочки в своей комнатухе...

— А люди что? — спросила Эка.

— Эх, люди... Только один не выдержал и попал из-за этого в тюрьму. На панихиде мы все стояли во дворе, так как в комнате, кроме приехавших из деревни родителей и еще нескольких человек, больше не вмещалось, как вдруг выразить свое соболезнование пришел этот доносчик. Это я первая сказала Гиви: «Посмотри, пришел этот подлец!».

— Какому Гиви? — с замирающим сердцем спросила Эка.

— Гиви Капанадзе, нашему школьному товарищу. Я держала его за локоть, а он от возмущения дрожал как в лихорадке.

Эка хотела поднести руку к груди и опрокинула себе на колени полный бокал вина.

Пока хозяйка помогала ей вытирать платье, а мужчины временно прервали свой спор, Эка все спрашивала:

— Потом?... Потом?..

— Потом этот мерзавец ушел, а Гиви последовал за ним... и до того избил его, что тот пролежал полтора месяца в больнице. Ну и, конечно, подал в суд. Мы сделали все возможное, но...

— И сколько ему присудили? — так радостно спросила Эка, что хозяйка удивилась.

— Два года. Но ходатайства, петиции, общественное мнение... Он просидел около шести месяцев. Мы его все так любили...

— А сейчас?

— И сейчас. Он такой замечательный...

Зашумели отодвигаемые стулья, гости собирались уходить, и хозяйка занялась ими.

Эка ушла вместе со всеми, не успев больше ничего спросить у Мананы, только горячо расцеловав ее.

Домой Эка пришла в прекрасном настроении, первой ласково заговорила с матерью, хотя большей частью инициативу примирения брала на себя менее «волевая» мать, и ушла к себе в комнату, чтоб наедине с собой разобраться в своих чувствах.

* * *

— Нет, я больше пить не буду, спасибо... — Додик накрыл ладонью стакан, куда Гиви собирался налить вино. — Меня удивляет одно... почему ты считаешь, что Леван не сможет заняться чем-либо другим, более подходящим для его теперешнего положения?!

Спор шел в основном между Гиви, Додиком и Дато, а Георгий Иванович внимательно слушал, иногда вставляя свои замечания или незаметно указывал жене, чтоб она принесла новую бутылку вина или заменила тарелку.

Друзья собрались, чтоб отметить приезд Гиви, а также обсудить перед тем, как пойти к Левану, какой линии поведения с ним придерживаться.

— Как ты не хочешь понять, — Гиви обращался к Додиду, — что Леван до мозга костей архитектор... У него уже автоматически выработались профессиональные навыки, как пространственное мышление, творческая фантазия, контролируемая обширными знаниями... наконец, любовь к своему делу. Он вполне слжившаяся личность, а ты хочешь все это менять?!

— К сожалению, да... А ты не думал, что архитектору нужна и физическая выносливость?.. Что ему, черт побери, нужны ноги, которых у него нет! — и Додик зажмурился, как от сильной боли.

— Да, архитектору нужна частая смена пространства, общение с людьми, — подтвердил Дато.

— Но нельзя же человеку, получившему колоссальную физическую и психическую травму, так сразу перестраиваться. Он просто этого не сможет... и, кроме того, я не вижу, чем другим он может заняться.

— Я тоже не вижу, — сказал Дато.

— А я... — как бы про себя начал Додик, — если и против некоторой архитектуры в театре, то в жизни... что же тогда делать? Выходит, мы ничего не можем?..

— Можете!.. — вмешался Георгий Иванович, и все повернулись к нему. — Главное ведь, чтоб у Левана появился интерес к жизни!

— Пойми, дядя, что Леван всегда был очень целеустремленным, деятельным, и только в творческом труде его спасение!..

— Да, конечно. Я, разумеется, понимаю, чем продиктовано это ваше желание быстро и рационально решить вопрос... а не лучше ли не торопиться и предоставить все ему самому, в то же время незаметно, с большим тактом помогая ему в выборе?

— Сколько же ждать? — вырвалось у Гиви.

— Уже девятый месяц, как он лежит и переваривает свое несчастье, — добавил Дато.

— Гиви, как и все хирурги, привык к быстрым решениям и действиям, но ты же инженер... — улыбнулся профессор Дато. — А ты что скажешь, Додик?

Додик ответил не сразу, хотя и поднял бокал.

— Георгий Иванович прав. А теперь я хочу выпить за Левана!..

— Да, да, так и сделаем. За Левана!.. — залпом опорожнил свой бокал Дато.

— Ладно, — нехотя согласился Гиви, — сперва еще немного присмотримся к нему. За здоровье Левана!..

— А я для Левана купил у одного матроса попугая, — сказал Додик.

— Живого? — спросил Дато.

— Нет, жареного!.. Что за глупые вопросы ты задаешь?..

— А тебе не надо больше пить... — посоветовал Додик Дато, ^{инна} скажешь еще такое... попугай?

— Ты шутишь или правду говоришь? — спросил у Додика Гиви.

— Я сейчас не в настроении шутить!

— Кто тебя знает? — фыркнул Дато.

— Увидите!.. Настоящий какаду... только еще молодой и не умеет говорить.

— А это понравится Левану? — спросила Нина Петровна.

— Он в детстве гонял голубей, значит, понравится, — сказал Дато.

Затем разговор перешел на другую тему, говорили о новых книгах, переменах в Совете Министров, о разводе известного артиста. Нина Петровна рассказала об одной своей студентке, которая ожидает ребенка, а будущий отец, тоже студент, отказывается на ней жениться.

— Вот мерзавец!.. — возмутился Дато, вкусивший всю прелесть отцовства. — Я бы такого в три шеи выгнал из института!

— Это решать не институту, а суду, — ухмыльнулся Додик.

— Мерзавцы всегда были и будут! — не унимался Дато.

— Да, да... — почему-то заулыбался Георгий Иванович.

— Что тут смешного? — обиделась на мужа Нина Петровна. — Несчастливая девушка...

— Погоди!.. — перебил ее муж. — Я вспомнил аналогичное дело, в свое время прозванное «Соломонов суд».

— Ах, да, да!.. Расскажи им, это очень интересно.

— Это было в середине 20-х годов... — начал Георгий Иванович, явно довольный просьбой жены. — Вот также, студентка родила, а виновник этого факта отказался признать ребенка. На суде подлец заявил, что она жила не только с ним, а со многими. Мы, ее товарищи, знали, что это неправда... Но вышли поочередно трое его друзей и заявили, что тоже жили с ней... и в доказательство совершенно одинаково описали несколько ее интимных деталей.

Возмущение присутствующих на суде не имело значения, суд есть суд, и показания свидетелей, между прочим, державшихся довольно развязно, очень много значили.

Суд удалился на совещание и только через три часа вернулся и вынес приговор: «Платить полные алименты всем четверем!»

— Здорово!.. — сказал Дато. — Вот это я понимаю!..

— А те трое лжесвидетелей? — спросил Додик.

— Говорили, что они сильно избили отца ребенка. Но то, что они платили алименты, это я знаю.

— Теперь такое невозможно... тогда была эпоха военного коммунизма, — констатировал Гиви.

— Была очень хорошая эпоха! — ответил ему дядя.

— Нам уже время ехать, — посмотрел на часы Додик, — Гиви, надо будет заехать ко мне за попугаем.

Уже в машине Гиви спохватился:

— Эх, я забыл твой подарок... Додик, что ты предпочитаешь, авторучку «Паркер» или мужской несесер?

— Что тебе не жалко.

— Мне ни одно не жалко!

— Ну, тогда я возьму оба...

— Нахал!.. — возмутился Дато.

— Почему? Ему не жаль, а мне хочется и одно и другое...

Гиви смеялся от всей души, прекрасно зная рыцарскую щедрость Додика.

— Через десять минут я приеду на такси, — слезая у своего дома, сказал Додик.

— Тогда я подожду тебя

— Нет, нет!... Я могу задержаться, поезжайте.

— Чего ты боишься за своего попуга, не бойся, мы не съедим его! — вставил Дато.

— Ты-то съел бы его с удовольствием. Но не по твоим зубам птичка!.. Ну хорошо, поезжайте.

— Он опять что-то выдумал... — когда они отъехали, сказал Дато.

— Нет... с больным... не думаю.

— Может быть, научил попуга плохим словам?

— Это не ново... хотя, может быть...

Дверь им открыла Тамара Александровна и радостно сообщила:

— Уже полдня, как Марика читает ему какой-то английский директив!

— Детектив, — поправил Дато.

— Да, да... он сегодня в хорошем настроении.

Захарий Шноевич сидел на кухне и ужинал. Увидев их, он привстал.

— Сидите, сидите, дядя Захарий!..

Они вошли в комнату. Марика, склонившись к самому изголовью Левана, читала.

«Как красиво сочетаются золотые волосы Марики с черными волосами Левана, и как они подходят друг к другу», — подумал Гиви.

— Наконец, приехали... — обрадовался Леван.

— Через пятнадцать минут будет и Додик, — целуя друга, сказал Дато. — Здравствуй, Марика!

— Здравствуй, Дато, как малыш?

— Он уже прекрасно ходит!.. — с гордостью ответил Дато, затем еще что-то хотел добавить, но внезапно покраснел и осекся.

— Напрасно ты это, Дато... — очень задушевно, с укором сказал Леван, — неужели ты думаешь, что слово «ходит» меня травмирует?.. Наоборот, я так счастлив за вас и вашего сынишку!..

— Конечно!.. — поддакнул Гиви, но все же какая-то неловкость овладела всеми.

К счастью раздался звонок, и в коридоре послышался голос Додика, а затем и сам он появился в дверях, в театральной позе, держа в высоко поднятой руке большую круглую клетку, покрытую золотой парчой со свисающими помпончиками.

— Конечно, ты не испанский король, а я не твой верный конкистадор, вернувшийся из Южной Америки со слитками золота, но попугая канаду я тебе все же достал!

Утомленный длинной речью, Додик опустил руку с клеткой, и, видно, от резкого движения попугай упал с жердочки и сильно затрепыхал крыльями.

— Специально ездил из Гагры на толкучку в Сочи, — уже менее высокопарно добавил Додик.

— Ну к чему это было?! — сказала стоявшая рядом с Додиком Тамара Александровна.

Додик извиняющеся улыбнулся Тамаре Александровне, подошел к постели и, встав на одно колено, передал клетку Левану.

Леван держал на груди клетку, не решаясь снять парчу.

— Снимай, снимай!.. — подбодрил его Додик.

Леван стал поднимать парчовый колпак, и в клетке красными, синими, зелеными и желтыми цветами заиграли перья... цыпленка. Самого обыкновенного покрашенного инкубаторского цыпленка средних размеров.

Сперва все оторопели, кто-то не удержался и хихикнул.

— Дурацкая шутка! — рассвирепел Дато.

— Я от тебя всего ожидал, но не этого... — с ничего хорошего не предвещающим спокойствием сказал Гиви.

А Леван хохотал и не мог остановиться.

— Гениально!.. Абсолютно гениально!.. — наконец смог произнести он. — Это номер!.. Ха, ха, ха!..

Смелись Марика и Тамара Александровна, счастливые, что впервые слышат такой непосредственный смех Левана.

Гиви и Дато какое-то время дулись, но потом захохотали и они, а им вторил вошедший Захарий Шюевич.

— Вынимай, вынимай его из клетки, он совершенно ручной!.. Я выменял его на полное обмундирование футболиста у моего племянника... — обрадованный, что все закончилось так хорошо, объяснял Додик.

Действительно, цыпленок преспокойно сидел на руке Левана и клевал с его ладони раскрошенный бисквит.

Дядя Захарий передал жене парчовый колпак и с видом знатока рассматривал клетку.

— Хорошая старинная работа, — сказал он, — такая клетка должна стоить дорого!

— И как ты до этого додумался? — спросил Леван.

— Из-за клетки. Ее продавец, на толкучке в Сочи, сказал, что каждое воскресенье там продают и попугаев. Я купил клетку... а потом еще два воскресенья ездил в Сочи на толкучку, но как на зло попугаев не было.

— А краска не повредит ему? — спросил Леван.

— Не беспокойся. Синий, красный и зеленый — это чернила для авто-ручек, а желтый, — это чем красят яйца.

— Ой!.. — внезапно вскрикнула Тамара Александровна, и все вместе с ней усталились на пятячок, оставленный цыпленком на простыне.

— Тетя Тамара, дорогая!.. Простите меня... я сам понесу в прачечную!..

— Что ты, Додик?! Если б ты знал, какое ты нам доставил удовольствие!..

— Глупости... — сказал Леван. — Положи вот сюда клеенку, и он будет сидеть на ней!..

— На кровати? — спросила Марика.

— Да... а ты что, ревнуешь, что ли?
 — Во-первых, неизвестно это петушок или курочка? — отшутилась Марина.
 — Курочка, — сказал Леван.
 Тетя Тамара пошла готовить кофе, а дядя Захарий унес клетку.
 — Я вас хотел бы попросить об одном.. — поглаживая перышки цыпленка, сказал Леван.
 — Пожалуйста!..
 — Мы слушаем!
 — Говори без предисловий..
 — Только дайте слово, что выполните.
 — Если это возможно, то и никакого слова не надо, — заверил его за всех Гиви.
 — Так вот... — немного глухо начал Леван, — я знаю, что общение со мной для вас утомительно..
 — Ну, что за глупости ты говоришь! — взорвался Дато.
 — Подожди, дай договорить. Утомительно, потому что между вами и мной, словно пропасть, лежит случившееся со мной. Вы все время напряжены, чтоб не сказать чего-либо такого, что напомнит мне о моем несчастье. Вот, например, Дато: он сказал, что его Гиви начал ходить... и затем это слово «ходить» испугало его!..
 — Нет, почему?.. Я... я только..
 — Умоляю тебя, Дато, дай мне договорить до конца!
 — Замолчи, наконец, что с тобой!.. — цыкнул на Дато Гиви.
 — Я много думал, перед тем как сказать вам это, но иначе нельзя. Мне тоже трудно, но, самое главное, я не хочу потерять вас!..
 — Ты никогда не потеряешь нас!.. — выкрикнул Додик.
 — Потеряю, потому что сам не выдержу!
 — Хорошо. Тогда говори конкретно, чего ты хочешь! — грубо сказал Гиви.

— Я хочу, чтоб вы совершенно забыли о том, что случилось со мной!..
 Чтоб между нами была та прежняя простота и откровенность!..
 — Тогда я скажу откровенно... — отвел глаза Додик, — это очень трудно! Нам придется играть комедию..
 — А разве сейчас вы ее не играете?.. А вот если вы мне будете говорить прямо все... даже то, что, к сожалению, является моей трагедией, то будет легче!.. Легче, потому что я буду чувствовать себя вместе с вами, а не так далеко... на самом дне моего несчастья.

Воцарилась тягостная тишина, каждый напряженно думал.
 — Ты прав!.. — наконец нарушил молчание Гиви. — И если мы будем делать тебе больно, да простит нам это... наша дружба!..

А на голове Левана сидел вспорхнувший туда раскрашенный цыпленок и победоносно поглядывал сверху на задумчиво молчащих людей.

Улыбался только Леван, хотя и неизвестно чему... раскрашенному цыпленку сидящему у него на голове, или победе, одержанной над друзьями и, может быть, над самим собой.

* * *

Когда решение принято и остается только его выполнить, то можно сказать, что самое главное уже позади.

Так думала и Эка, приняв решение во что бы то ни стало встретиться с Гиви. Только как и где? Надеяться на счастливую случайность?.. Нет, это было не в ее характере... хотя, если этой «случайности» немного помочь?..

С Гурамом же после принятого решения Эка стала намного ласковей и внимательней.

Это хотя и походило немного на излишнюю нежность некоторых женщин к тем, кому они изменяют, к Эке не относилось.

Раньше Эка думала, что любит Гурама за его ум, деловитость, воспитанность, наконец, за то, что он любил ее... и в то же время ее никогда не покидало подспудное чувство недовольства тем, что он полон самомнения и где-то педант и эгоист.

Все эти противоречия не могли не вызвать в Эке внутренней борьбы, и поэтому она так медлила и не говорила окончательного «да».

Когда же, после знакомства с Гиви, Эка поняла, что никогда не любила Гурама, то сразу внутренне освободилась и недостатки Гурама сразу стали несущественными, а он сам намного лучше — хорошим, не будоражащим чувств товарищем, таким, которым обычно говорят, что «любят его, как брата».

Гурам же, одно время почти потерявший надежду, что когда-либо окончится это постоянное откладывание на потом, с радостью думал, что день бракосочетания не так уж далек.

Высокого роста, хотя и немного узкоплечий, с длинным хеленым лицом, Гурам был довольно представителем. К тому же он хорошо одевался и умел красиво говорить.

Экономист по образованию, Гурам работал в статистическом управлении начальником отдела.

— Если ты мне позволишь, наш сегодняшний маршрут буду выбирать я, — сказал Гурам Эке, когда они отъезжали от ее дома.

— Пожалуйста.

— Тогда поедем сперва на выставку, посмотрим мебель, люстры, а оттуда — ужинать на фуникулер.

— Как хочешь, мне все равно.

— Ты сегодня какая-то податливая...

— Мужчины ведь любят это?..

— Да, конечно, любим...

Но Эка думала о другом мужчине. А ни о чем не догадывающийся Гурам, который без боя проиграл то, из-за чего наши далекие предки бились насмерть, был очень доволен.

На обширной территории выставки, в причудливо оформленном большом бассейне плавали лебеди.

— Пойдем сперва посмотрим лебедей, — предложила Эка.

— Это всегда успеем. Уже поздно, и выставка может закрыться.

Они вошли в один из павильонов, который был сплошь завешан хрустальными люстрами всевозможных форм и размеров.

— Молодцы чехи!..

— И словаки.

— Ты, как всегда, права. Эта тебе нравится? А вот эта... Нет, нам все же нужна немного поменьше... Вот такая тебе нравится?..

— У меня идиосинкразия к хрусталю...

— Я тебя понимаю. Но это когда хрусталем набиты серванты, горки, витрины и... А вот когда в столовой висит красивая люстра из хрусталя, то это солидно... и совсем не мещанство!

— Да, разумеется, — согласилась Эка и подумала, что очень скоро ей надо будет сказать ему всю правду.

Потом они пошли в павильоны, где экспонировалась мебель Румынии, Венгрии, Германской Демократической Республики и Грузии.

Продолжение следует

Наши
интервью

Для блага народа

На вопросы «Литературной Грузии» отвечает министр легкой промышленности Грузинской ССР тов. Г. П. ГАМЦЕМЛИДЗЕ

— Георгий Павлович! Как известно, предприятия легкой промышленности нашей республики должны обеспечить выпуск товаров народного потребления в таком количестве и такого качества, чтобы любой человек на свой вкус всегда мог выбрать и купить нужную ему вещь. Как решается эта задача у нас?

— Легкая индустрия — одна из тех немногих отраслей промышленности, работа которой у всех на виду. Запросы трудящихся, их потребность в изделиях высокого качества и широкого ассортимента растет из года в год. Нашим фабрикам и комбинатам, как и всем производственным коллективам, программа работы определена Директивами XXV съезда КПСС. За пятилетие легкая промышленность республики должна увеличить объем производства на 42,2 процента. В ряде отраслей, в частности в хлопчатобумажной, трикотажной, шерстяной, темпы роста превысят 40—65 процентов. Успешное претворение в жизнь поставленной задачи потребует комплексного подхода к решению проблем, связанных с производством товаров народного потребления, широкого использования достижений науки и техники, максимальной мобилизации имеющихся ресурсов, изыскания внутренних резервов, соблюдения строгого режима экономии, а главное, развития инициативы, творческого, заинтересованного отношения к делу каждого труженика, на каком бы посту он ни находился.

Как мы начали десятую пятилетку — пятилетку эффективности и качества? Прирост объема валовой продукции в 1976 году по сравнению с предыдущим составил 6,5 процента. Сверх плана выпущено продукции более чем на 19 миллионов рублей. Дополнительно реализованы изделия почти на пятнадцать миллионов рублей. Особое внимание было уделено расширению и обновлению ассортимента товаров массового спроса, улучшению их качества. Например, в трикотажной отрасли было внедрено около двухсот новых моделей изделий, а в швейной — 480. Ассортимент продукции обновлен почти на две трети.

Успешно начат и второй год пятилетки. Отрасль идет с опережением намеченного графика. В производство внедряются сотни улучшенных моделей и фасонов изделий. Для их массового освоения используются современные и материалы, и конструкции.

— Что, по вашему мнению, надо сделать для того, чтобы об изделиях с маркой предприятий легкой индустрии республики покупатель всегда говорил: «Грузинское — значит отличное!»?

— Говоря о качестве и ассортименте изделий, мы отмечаем, что положение заметно улучшилось. Однако сделанного все же недостаточно.

В нынешней пятилетке впервые в практике планирования народного хозяйства для предприятий и объединений установлены конкретные задания по выпуску изделий с государственным Знаком качества и с индексом «Н» (новинка) к общему объему производства. Все внимание работников министерства,

тружеников отрасли сосредоточено на максимальном использовании имеющихся резервов.

Как известно, на IV пленуме ЦК КП Грузии, рассмотревшем задачи партийной организации Грузии, вытекающие из решений октябрьского (1976 года) Пленума ЦК КПСС и речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, основное внимание было уделено изысканию и использованию дополнительных резервов, тому, как эффективнее поставить их на службу народному хозяйству.

Для успешного выполнения намеченной цели мы уже внедрили ряд организационно-технических мероприятий. Так, в швейной отрасли проведена комплексная механизация пошивочных потоков по изготовлению пионерской формы и женских халатов. По примеру московских швейных фабрик «Вымпел» и «Салют» нами внедрен укрупненный поток пошива женских пальто. Введены в эксплуатацию комплекты для влажно-тепловой обработки изделий. На трикотажных предприятиях освоена прогрессивная технология отделки продукции, выработки жаккардового и плюшевого полотна, маркировочных лент. Для окраски ацетатных полотен у нас стали применять синтановые красители.

На многих предприятиях легкой промышленности внедряются комплексные системы управления качеством, разработаны положения о материальном стимулировании для улучшения качества изделий, о премировании за сдачу продукции с первого предъявления и с государственным Знаком качества.

Значительно улучшилась и аттестация товаров народного потребления. Например, из аттестованных в 1976 году 2.409 наименований изделий, в том числе 1.440 вновь созданных, к первой категории качества отнесено 93,2 процента, остальная часть — к высшей. Полностью снята с производства продукция второй категории.

Таков далеко не полный перечень мер, принятых министерством для улучшения качества изделий. Однако больше внимания следует уделить внедрению новой техники и прогрессивной технологии, научной организации труда, укреплению и совершенствованию служб стандартизации, повышению персональной ответственности руководителей предприятий и непосредственных исполнителей технологических операций.

Важную роль призвана сыграть комплексная система управления качеством. Улучшению качества выпускаемой продукции во многом будем способствовать совершенствование связей с торговыми организациями, правильное прогнозирование спроса населения. Обоснованные заказы торговли позволят нашим модельерам и конструкторам полнее удовлетворять потребности населения в высококачественных изделиях с учетом направления моды. Серьезное внимание должно быть уделено дальнейшему развитию социалистического соревнования и правильному использованию средств материального стимулирования рабочих и ИТР, как важных рычагов повышения качественных показателей.

Для кожевенно-обувной и швейной отраслей необходимо изыскать дополнительные капитальные вложения для строительства домов моделей, реконструкции и технического перевооружения Тбилисской швейной фабрики имени Серго Орджоникидзе, Батумской обувной фабрики, тбилисской фабрики «Нарикала», Сухумского и Кутайского кожевенно-обувных комбинатов, а также для сооружения новой обувной фабрики мощностью три миллиона пар обуви с вводом ее в эксплуатацию уже в 1980 году.

За десятую пятилетку, как я сказал вначале, выпуск товаров массового спроса должен возрасти на 42,2 процента.

— Расскажите, пожалуйста, какова сегодня роль объединений и филиалов. Хотелось бы знать, что они дают отрасли?

— Сейчас в системе министерства действуют десять производственных и одно промышленное республиканское объединения. В состав производственных объединений входят 27 ранее самостоятельных предприятий, или 38 процентов из общего количества, которые выпускают почти треть всей продукции.

Сосредоточение в рамках объединений значительных материально-технических, финансовых и трудовых ресурсов создало широкие возможности для ускорения научно-технического прогресса и развития производства, углубления специализации предприятий и филиалов, повышения производительности труда, увеличения прибылей.

Достигнута значительная оперативность и четкость в решении технических и экономических задач, созданы условия для более рационального хозяйствования, маневрирования ресурсами, более эффективного использования специалистов.

О преимуществах новой формы управления промышленностью свидетельствуют некоторые обобщенные данные. План по объему валовой продукции за

1976 год в целом по министерству выполнен на 101,2 процента, производственными объединениями — на 102,3 процента, а у остальных предприятий эти показатели намного ниже.

В решениях XXV съезда КПСС немало внимания уделено созданию филиалов предприятий в горных и предгорных районах как одной из действенных форм полного использования трудовых ресурсов, увеличения выпуска товаров народного потребления. Сейчас по министерству функционируют 20 филиалов, которые за год производят продукцию в среднем на шесть миллионов рублей. Они укомплектованы молодыми специалистами. Основные рабочие кадры из районов прошли подготовку в Тбилиси. И сейчас они сами передают навыки новичкам. Многие из них для перенятия передового опыта командированы на ведущие родственные предприятия страны.

До конца нынешней пятилетки предусмотрено открыть два филиала в районах городов Болнис и Ахалцихе с охватом до одной тысячи человек. Будет построен новый производственный корпус в поселке Хуло.

— Недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии в 1976 — 1980 годах производства товаров массового спроса и о мерах по повышению их качества», несомненно, важный документ и новое яркое свидетельство последовательности курса партии на всемерный подъем жизненного уровня трудящихся. Расскажите, пожалуйста, какие в связи с этим намечены задачи.

— Во исполнение постановления ЦК КПСС и Совмина СССР издан специальный приказ, определивший конкретные мероприятия, обеспечивающие выпуск товаров народного потребления высокого качества и изыскание возможностей для увеличения таких изделий, спрос на которые еще не удовлетворяется.

Для оперативного решения вопросов, связанных с организацией и развитием производства изделий высшего качества в министерстве создана специальная комиссия. Осуществляется ввод новых мощностей за счет расширения и реконструкции действующих предприятий, предприятиям предоставлено право на использование кредитов Госбанка СССР и Внешторгбанка СССР в иностранной валюте для закупки оборудования комплектующих изделий, запасных частей, дефицитного сырья и материалов.

Проблема совершенствования продукции будет решаться комплексно, охватывая всю цепь — от создания образцов до организации массового выпуска, от повышения требований к сырью и комплектующим изделиям до отделки и упаковки готовых изделий.

В условиях современной конъюнктуры большое значение придается популяризации — рекламе предметов широкого потребления. Однако рекламное дело нуждается в резком улучшении.

— И последний вопрос, Георгий Павлович. Как поддерживаются на предприятиях отрасли патриотические начинания?

— В целях претворения в жизнь решений XXV съезда КПСС на предприятиях легкой промышленности широко развернуто социалистическое соревнование под девизом «Ни одного отстающего и нарушителя дисциплины — рядом!» за высокие качественные показатели работы по примеру стерженщика тбилисского завода «Центролит», Героя Социалистического Труда Г. Куртанидзе.

Все больше обретает крылья почин руководителя бригады вырубщиков обувной фабрики «Исани», лауреата Государственной премии СССР Г. Римниставели, за экономию материалов и открытие личных счетов в честь 60-летия Великого Октября. По итогам работы в 1976 году его бригада с опережением графика выполнила социалистические обязательства и сберегла свыше ста тысяч квадратных дециметров кожматериалов. В этом большая доля заслуги Г. Римниставели. Он обязался выполнить два пятилетних задания в одну пятилетку.

Мы понимаем, что перед министерством в десятой пятилетке поставлены большие и сложные задачи. Но чем сложнее эти задачи, тем выше должна быть наша организованность, крепче государственная и трудовая дисциплина на каждом участке — всюду и во всем! Быстрая перестройка работы отрасли в соответствии с требованиями времени — наш главный долг.

Интервью взял Роберт МЕГРЕЛИШВИЛИ

Строгая доброта

ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ — не только известный поэт и прозаик, но и драматург. Он автор трех пьес, две из которых — «Убийство» и «Забятая история» — стали значительным фактом грузинской драматургии, прочно вошли в репертуар нашего театра. В них, как, пожалуй, ни в одном другом драматическом произведении, созданном о нашей действительности в последние годы, отчетливо и, что самое главное, с глубоким ощущением правды очерчено время. Во взаимоотношении с ним такое огромное достоинство писателя, как правдивость, дает точное и полноценное изображение жизни. Но тут необходимо учитывать и такой важный момент, как степень возвышения поставленной автором проблемы над конкретным временем, общением, определяющие ее долговечность.

РАЗДУМЬЯ О ПЬЕСАХ ТАМАЗА ЧИЛАДЗЕ

К слову: именно об этом говорил Юстас Марцинкявичус в известной его беседе с критиком Евгением Сидоровым. Он подчеркивал необходимость чаще задумываться над тем, насколько нам удалось передать наше время так, чтобы в нем был «момент вечности».

Прежде чем стать драматургом, Тамаз Чиладзе прошел школу поэзии. А его рассказы хорошо послужили развитию грузинской прозы. В ту пору была написана и пьеса «Убийство», ставшая истинным проводником общественного мнения, его активной позиции. Такое преобразование поэта и прозаика (после пьесы «Аквариум» прошло несколько лет и создавалось впечатление, будто некоторая незрелость «Аквариума» заставила писателя отказаться от драматургического поприща, впоследствии же мы убедились, что в «Убийстве» расширились, стали более отчетливыми контуры «Аквариума»), естественно, было и неожиданным, и интересным.

Есть пьесы, построенные с учетом строгого следования всем классическим канонам драматургии — поднятие занавеса перед началом представления, обычная последовательность картин, занавес, опускающийся после окончания спектакля, — без каких бы то ни было попыток обновить традиционную форму. Собственно, таков наиболее распространенный вид драматургической продукции. Но существуют пьесы, которые условно можно несколько архаично назвать **литературными**. В них почти полностью отвергаются занавес, принцип драматургического, картинного развития. Со всей определенностью выступают здесь театральные новации (которые обычно оказываются крайне недолговечными), с точки зрения формы более современные, чем принципы построения пьес первого типа, где вполне ощутима рука писателя. Такие пьесы, бесспорно, в большей степени принадлежат к сфере литературы. Им обычно недостает главного признака драматургии — драматургического мастерства. Их создатели — прежде всего — писатели, художники, которые либо сознательно пренебрегли законами драматургии, либо просто не одолели классических рамок драматургической специфики. Подобные произведения хотя и способствуют развитию литературной мысли, не обогащают жанр собственно драматургии.

По ясности замысла и конкретности к драматургии первого типа я бы отнес пьесы Чехова, чьи принципы в современной русской драматургии ревностно

исповедует В. Розов, которым следовал и Ал. Вампилов. Я назвал этих двух писателей потому, что в их творчестве с наибольшей полнотой проявилась верность классическим драматургическим формам.

Т. Чиладзе тоже верный последователь чеховской драматургии. Свой замысел он стремится выразить именно во всей сложности классической драматургической формы.

Этот момент со всей наглядностью и ясностью выкристаллизовался в драме «Убийство», в свое время литературным критиком Акакием Баградзе названной «драмой добра с закрытыми глазами». И произошло это как раз тогда, когда против этого произведения, обретшего сценическую жизнь в Руставском театре, не на шутку ополчились. В этих словах Ак. Баградзе и таится ключ к разъяснению драмы, к тому, что акцент спектакля автор перенес с так называемого отрицательного персонажа Гайоза на жертву драмы — Георгия Сихарулидзе. Если глубоко разобраться во всем и не брать в расчет примитивного толкования пьесы, Георгий Сихарулидзе не является жертвой Гайоза. Георгий Сихарулидзе убил не Гайоза, а та атмосфера, которая царила вокруг него. У Гайоза, активно насаждавшего эту атмосферу, своя «правда». К несчастью, эту «правду» исповедует не он один — в том и заключается самая большая опасность. Гайоз только представляет определенную категорию людей, позиция которых и стала для них жизненным кредо, а потому и силой, противопоставленной истинному общественному мнению. На протяжении всей пьесы Гайоз почти каждому персонажу представляется олицетворением добра и добродетели. Он всем готов помочь, всех пригреть, утешить, снять боль. Но этот человек чужд нашей общественной формации. И поэтому совершенно естественно возникающие у Георгия Сихарулидзе вопросы: — «Кто же такой Гайоз?», «Почему он может сделать все?»...

И действительно, как удается Гайозу быть таким всемогущим?

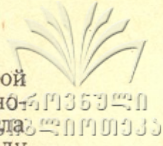
Если его социальную суть разложить на составные, со всей очевидностью одной из главнейших предстанет перед нами именно то «добро с закрытыми глазами», о котором говорил Акакий Баградзе. Оно вместе со способностями, инициативностью и энергией Гайоза и создает его личность. «Добро с закрытыми глазами» проявляется по отношению к нему и обществом (вспомним деушку, к которой по просьбе Саломе его отец должен «отнестись с вниманием»). Сколько среди нас людей, подобных Георгию Сихарулидзе, творящих так называемое «добро», не задумываясь, чем оно обернется: не злом ли, направленным против общества, против людей? Беда как раз в том, что Сихарулидзе не ведает этого. Но когда он осознал суть содеянного им «добра», то пришел в отчаяние и понял, что порождает «гайозовский» институт.

А сколько людей уходит в небытие, так и не поняв этого? Постигание непредвиденной сути содеянного неизбежно породило бы в них протест, который возник в душе Георгия Сихарулидзе. Но часто вместо протеста мы сталкиваемся с совершенно иным обстоятельством — ведь Гайоз и все, что им порождено, стало для определенной части общества нормой жизни. Более того, все это представляется некоторым как вполне закономерное явление. Таким и видится Гайоз всем персонажам драмы «Убийство» до тех пор, пока смерть Георгия Сихарулидзе не обнажила сути его натуры. Но ведь не всегда обстоятельства способствуют такому разоблачению, и гайозы подчас процветают, воспринимаются как естественное порождение благополучной жизни. Уверенно, спокойно заняв в ней определенное место, они уже даже и не вызывают нашего протеста, неприятия.

Одно из значительных достоинств этой пьесы Т. Чиладзе в том, что образ Гайоза не утрирован, не заострен сатирически. Писатель стремится заглянуть в самую глубину проблемы и показывает, что Гайоз со всеми сопутствующими этому явлению атрибутами не возникает сам по себе. Его создает окружающая среда.

Что представляют собой окружающие Гайоза люди? На какой почве произрастают подобные ему личности?

Почти каждый персонаж испытывает чувство неудовлетворенности в связи с нехваткой каких-нибудь благ. Одних угнетает отсутствие квартиры, других — неумение раздобыть мрамор для роскошного надгробья, третьи охотятся за пресловутым доходным местом. Размах и масштабы возможностей Гайоза будоражат воображение, притягивают к нему людей, возвышают его в их глазах. Ведь Гайоз именно благодаря доброте общества, его слепой доброте всем находит желанный кусок. Будь каждый член общества на своем месте, выполняя он добросовестно свои обязанности и удовлетворяйся тем, что заслужил, — не возникло бы всеислие Гайоза, никому не нужна была бы порожденная им «система».

Если принципиально разобраться в каждом персонаже пьесы, в отводимой ему роли, закономерно возникнет вопрос: может быть, Гайоз не так уж и виноват в том, что происходит вокруг него: окружающая среда сама обуславливает его появление и процветание? Эта мысль подтверждается и диалогом между Гайозом и Георгием в конце пьесы.

«Гайоз: Может быть, скажут и то, что ваше бездушие, ваша кристалльная порядочность привели Гурама в тюрьму — откуда им знать, что вы руководствовались высокими принципами. Разве вы могли предполагать, захлопнув перед ним дверь института, что он окажется на улице. Быть может, скажут и то, что своей повисшей в воздухе порядочностью вы перекрыли своим детям дорогу к счастью. Да, возможно, и это скажут».

Таким образом, Георгий Сихарулидзе может помочь девушке, которая, оказывается, вовсе этого не заслуживает, и в то же время из принципиальности или порядочности преграждает дорогу в вуз собственному сыну, который впоследствии сообразит с правильного пути, попадет в руки Гайоза и в конце концов окажется на пороге тюрьмы. Чему же служит это безотчетное, пренебрежительное, слепое добро, эта куца порядочность? Не истинному ли злу?

Потому-то Гайоз и вправе отвергнуть требования Георгия (сначала породили Гайоза, а теперь, видите ли, предъявляют к нему претензии: почему ты такой?).

Напрашивается вопрос: кто же виноват — сам Гайоз или люди, его породившие? Чтобы ответить на него, вспомним разговор, происходивший между Георгием и Гайозом.

«Гайоз: Сколько на свете бездельников и ловкачей, ничего не давших обществу, а пользующихся всеми благами и живущих куда лучше вас.

Георгий: Мне до этого нет дела.

Гайоз: Я почему-то был уверен, что это должно вас занимать».

Вот и итог такого «добра вслепую» — повисшая в воздухе и никак неоправданная порядочность.

Так, закрывая на все глаза и живя по принципу «моя хата с краю», мы часто творим «добро», которое равнозначно злу.

Драматург недвусмысленно предложил нам эту весьма важную и заслуживающую одобрения тезу. Конечно, деятельность Гайоза противопоставляется нашим нравственным принципам, но Т. Чиладзе нацеливает свое оружие не столько на Гайоза, сколько на то, что порождает его как явление. Все это свидетельствует о глубокой, глобальной постановке вопроса, наличие которой в художественном произведении делает его явлением литературного процесса.

В замечательной пьесе Е. Шварца «Дракон» рассказывается о том, как долгие годы дракон отравлял, душил город. Пришел народный герой и убил этого дракона. Но это почти ничего не изменило, так как живы были те корни, которые рождал в народе «драконизм» — место одного дракона занял другой...

Кто же те люди, с которыми борется писатель? Что в их сущности, образе жизни, взаимоотношениях, критериях вызывает в нас импульсы протеста? Ясно, что Гайоз — социально опасный элемент, и естественно, еще более опасны те, кто порождает Гайоза со всеми его атрибутами. Мы отвергаем Гайоза, пытаемся освободиться от него, но это не означает, что он не возродится вновь, возможно, в ином обличье, поскольку еще будет существовать благоприятная для него почва и благоприятная среда. Но ведь ни один персонаж «Убийства» (понятно, кроме Гайоза) по первому впечатлению будто и не является носителем пороков, которые вызвали бы наш резкий протест. Ни в ком не заподозришь дурных намерений, не разглядишь потенциального ниспровергателя установившихся общественных взаимоотношений. От Георгия Сихарулидзе до домработницы Даро все воспринимаются как добропорядочные люди и так называемые положительные персонажи. И все же их роль в нашем обществе не вызывает одобрения, поскольку содействует возникновению большого социального зла. Конечно, каждый из них был бы поражен, если бы ему об этом сказали.

Терпеливо, не ошеломляя внешними эффектами, писатель приводит нас к выводу о том, что нравственная чистота — понятие чрезвычайно широкое. Мол, если ты не убил человека, не воровал, не совершал подлых поступков, это еще далеко не показатель твоей безусловной моральной чистоты.

Автор подходит к человеку с такими высокими моральными критериями, оценивает его с позиций таких нравственных идеалов, при которых человеческая доброта служит только истинному добру, не становясь истоком зла. Слепая же доброта Георгия Сихарулидзе равнозначна злу.

Почему Гайоз позволяет себе быть развязным и циничным в семье Георгия Сихарулидзе, почему в его ответах ощутим ироничный подтекст? Прежде всего он отличный психолог и знает людей, которые вызвали его к жизни. Он талантлив и умеет пользоваться слепой добротой тех, кого может поддержать и уте-

шить в трудные для них минуты. Саломе ищет иллюзий — и он находит их в реальности иллюзиями. С его помощью пытается улучшить условия жизни, получить квартиру молодой ученый Бадри, а Элисабед достает камень для надгробия усопшему супругу. Нуцико воспринимает Гайоза как звезду этой жизни: ведь он спас Гурама от тюрьмы! С его помощью хочет поудобнее устроиться в Тбилиси Абесалом и т. д. Таким образом, люди с самыми различными характерами, судьбами и устремлениями уповают на всеислие Гайоза, на его поддержку и внимание, тем самым вселяя в него уверенность в своем всемогуществе.

Следующая пьеса Т. Чиладзе «Забывтая история» снова звучит призывом к истинному человеческому добру. Здесь речь идет о добре, которое принципиально отличается от того, с чем мы столкнулись в «Убийстве», — о добре бо-рющемся. Доброта и порядочность воплотились в этой пьесе в конкретном человеческом образе. Одинокий и потерявший зрение Матэ Бабуа чувствует себя отверженным, и это мучительное состояние обуславливает непреложность борьбы. Обращаясь к людям, он говорит:

— Любите друг друга, говорю я вам, не наступайте на хлеб и не изменяйте народу, пять тысяч лет твержу я одно и то же...

Матэ предстает символом овеществленного, оживленного добра. Именно на него возлагает писатель роль проповедника истинного понимания добра. Хотя Матэ Бабуа и не является как будто главным действующим лицом пьесы, по воле драматурга этот образ несет необычайно большую нагрузку. Действие каждого персонажа пьесы проходит словно через него. Сквозь призму его видения мира происходит оценка всего и вся. С его позиции проясняется и вскрывается суть «добра с закрытыми глазами и добра истинного, то есть сущность «добра» Георгия Сихарулидзе и добра Матэ Бабуа. Мы уже видели, какие всходы вззошли от добра, посеянного Георгием Сихарулидзе.

Доброта же Матэ несет в себе совсем иное начало, она имеет иной характер, ибо никогда не сослужит дурной службы людям, а наоборот, всегда будет выступать их заступницей и советчицей. Она была поддержкой для Эки — одного из персонажей пьесы.

Эка бежит из города и из семьи брата не только потому, что здесь ей трудно оставаться. Матэ Бабуа раскрыл ей глаза на духовную сущность Нодара, на то, к чему может прийти эта семья. И она порвала с ним, делая вполне осознанный шаг. Но главное — Эка уходит в деревню вместе с Матэ Бабуа. В этой пьесе деревня отнюдь не «штрафная скамья», на которую иные авторы подчас загоняют положительных героев. Деревня Тамаза Чиладзе — символ порядочности, чистоты, искренности, естественности. Именно оттуда пришел Матэ Бабуа, оттуда принес он свое мироощущение, и Эка, внимательно оглядевшись, поверив мудрости старика, пошла с ним.

В пьесе до предела обнажен цинизм взаимоотношений в мещанской среде, где люди постоянно изменяют самим себе, своей любви, призванию... И так мало остается поводов их уважать. Некоторые мечтают о так называемой удобной жизни, другие вспомнили о любви, лишь когда уже устроились поудобнее и обзавелись «высшей метой современного бытия» — ученой степенью. Женщина любит одного, а выходит замуж за другого. Мужчина любит одну, а стремится жениться на той, которую не любит. Таким образом, взаимоотношения людей в этой среде запутаны, неупорядочены. Они скверно влияют на чистые молодые души, которые тянутся к истинному добру. Но молодежь не примет этих норм жизни, отмечает подобную психологию, не идет по этому пути — и это главный признак нравственного здоровья нашего общества. Истинные добро и порядочность достигли цели. Появление этой пьесы оправдано даже только одним раскрытием сущности современного молодого человека, в данном случае — позиции Эки, так как всегда очень важно, каким путем идет молодой человек, что выбирает в жизни.

Каждый персонаж пьесы очень отчетливо и точно заявлен, каждый образ наделен определенной функцией, будь то главные герои — Нодар, Резо, Анна, Эка, Матэ Бабуа или второстепенные персонажи — бабушка и Шалва. Но самым сложным и интересным представляется образ Нодара, ибо в нем с наибольшей полнотой выражена характеристика явления, построенного на принципах, противоречащих общественной морали, нашим нравственным устоям.

Это уже следующая ступенька развития образа Гайоза из «Убийства». По сравнению с Нодаром он примитивен, неотесан — уступает ему в гибкости, тонкости, интеллигентности. Гайоз открыт для окружающих, и все, что в нем неприемлемо, — очевидно. Нодара же голыми руками не возьмешь. Под прикрытием приветливой улыбки, благородных манер, высказываний, как будто исполненных чистых помыслов, не дающих повода к обострению отношений (хотя всегда побеждают его личные интересы и устремления), он способен на гряз-

жую сделку, на подлый поступок, на крайнюю низость. Он увлекся Анной, женой своей, любимой его другом Резо, увел ее от него. Он спокойно относится к тому, что его жена любит другого, и в то же время человеку, любящему ее, предлагает в жены свою сестру. Эта мастерски написанная сцена представляется одной из лучших в пьесе. В ней автору удалось полностью высветить всю глубину человеческого порока, показать суть мещанина и вынести ее на суд зрителя.

Под стать Нодару и Резо. Он лишь тогда вспомнил об Анне, когда устроил свою жизнь. Но еще хуже то, что Резо с легкостью готов жениться и на Эке. Он не противится гнусному предложению Нодара, оно его не оскорбляет. По-прежнему соглашаясь с ним, Резо расставляет на столе посуду, не усмотрев в своем поступке ничего противоестественного и аморального.

Этот факт и стал основным стержнем эмоционального и смыслового воздействия пьесы. Эка, вырвавшись из хаоса лжи, грязных помыслов и сделок, стала личностью, поскольку ей открылись сущность и смысл жизни. Ее отъезд в деревню с Матэ Бабуа — показатель солидарности с ним, притягивает его морали и идеалов, заступничества, истинного добра, очищения его от всяких извращений, ограждения от посягательств мещанского клана. И нам становится ясно, что Эка, даже оставшись в городе, все равно бы шла тем путем, на который ее направил, с одной стороны, протест против морали Нодара и Резо, а с другой — Матэ Бабуа.

Коротко хотелось бы сказать также о тех приемах и способах, которыми Т. Чиладзе пытается раскрыть духовный мир персонажа, показать движения его души. Жесткие законы драматургии лишают прозаика тех возможностей и свободы в выборе средств, которыми он пользуется при написании прозы. Тем не менее он твердо следует им в своих пьесах. Если в «Забытой истории» ремарки, обрисовывающие душевное состояние героя, сведены к минимуму, то в «Убийстве» писатель их вовсе отвергает. Внутреннее состояние героя, его настроение целенаправленно подготавливаются развитием сюжета, чтобы потом естественно вскрыться в словах, произносимых персонажем. К ремарке Т. Чиладзе обращается лишь тогда, когда хочет передать физическое состояние персонажа или указать его действие.

«Убийство» и «Забытая история» Т. Чиладзе уже поставлены во многих театрах. Эти пьесы наверняка ждет большая сценическая жизнь, так как они заключают в себе присущие подлинной литературе «элементы вечности», о которых говорил Ю. Марцинкявичус в вышеупомянутой беседе. Именно поэтому они и дают возможность нового прочтения с позиций сегодняшнего дня.

ПЕРЕРАСТАЯ НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ГРАНИЦЫ

Лирика Галактиона Табидзе и французская поэзия

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ — «поэт легендарной славы», как назвал его А. М. Горький, занимает в истории грузинской поэзии XX века особое место. Он рожден был для поэзии, которая «объемлет» и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления его жизни». Современник Галактиона поэт Симон Чиковани свидетельствует: «Никто никогда не видел его выключенным из силового поля поэтических импульсов, его нельзя было застать врасплох — непоэтом, — он никогда таковым не бывал»¹. Поэт большой культуры, самых широких и разносторонних познаний, Галактион Табидзе великолепно знал не только грузинскую, но и русскую, а также европейскую поэзию.

По общему замыслу и принципам подхода к материалу эта статья далека от узкой постановки проблемы влияния. В свое время Б. М. Эйхенбаум выдвинул плодотворную идею, согласно которой, говоря о влияниях, мы часто забываем, что «иностранный автор сам по себе образовать нового «направления» не может, потому что каждая литература развивается по-своему, на основе собственных традиций... Один и тот же иностранный автор прививается на чужой почве не по собственному желанию, а по вызову...»².

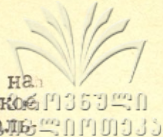
Творчество Галактиона Табидзе нужно рассматривать в широком, сравнительно-историческом плане, к которому все чаще обращаются видные наши исследователи. Касаясь творческого наследия А. Пушкина, академик М. П. Алексеев пишет: «Творчество великого русского поэта следует изучать на фоне и в тесной связи с историей мировой культуры, потому что и сам он представляет собою явление широкого исторического значения, переросшее национальные и языковые границы. Всеобъемлющий и необыкновенный по своему масштабу и универсальности гений Пушкина может быть понят... только после многих и длительных усилий, которые мы должны затратить на то, чтобы сопоставить его творчество с различными и разновременными явлениями в мировой литературе»¹.

Литературные вкусы Галактиона Табидзе определились довольно рано. Юному поэту едва исполнилось одиннадцать лет, когда в журнале Г. Церетели «Квали» («Борозда»), он познакомился с произведениями Адама Мицкевича, и с тех пор великий польский поэт стал его любимым автором. За чтением романов Ч. Диккенса Г. Табидзе проводит ночи напролет, и как отголосок этих ночных бдений рождаются строки стихов: «Снега вразлет, наискосок лежали... Как в книгах Диккенса, на склоне дня — Поленьев треск, раз-

¹ С. Чиковани. Мысли. Впечатления. Воспоминания. М., 1968, с. 148.

² Б. Эйхенбаум. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924, с. 28.

¹ М. Алексеев. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 3—4.

думье у огня...». В архиве поэта встречаются записи, содержащие упоминание писателей, которые так или иначе находили живой отклик в его собственном творчестве. Так, на листке календаря за 1948 год с обозначением даты рождения и смерти Джека Лондона рукой Г. Табидзе написано: «Всего 40 лет!» и тут же: «Он оказал на меня огромное воздействие. «Мартин Иден» и «Морской волк» повести замечательные, незабываемые. Под его влиянием я написал стихотворение «На конном ристалище»¹. Однако в литературных пристрастиях Г. Табидзе, необычайно обширных и многообразных, особое место принадлежит, пожалуй, все же французской поэзии. Выход в свет академического собрания сочинений поэта, его личный, исключительный по богатству материалов архив, наконец, переводы французских поэтов на грузинский язык, с которыми читатель знакомится впервые, позволяют по-новому осветить эту сторону творческой биографии писателя.

Раннее творчество Галактиона Табидзе в грузинской литературной критике оценивается по-разному — одни безоговорочно относят его к романтикам, другие отмечают наличие в его стихах элементов поэтики символизма, а совсем недавно было выдвинуто утверждение о том, что Г. Табидзе пришел в литературу как сложившийся реалист.

Отдельные статьи, обзорные главы, посвященные литературному процессу и группировкам 10 — 20-х годов, не дают, к сожалению, полного о них представления, и здесь все еще не выработан общий критерий учета тех элементов, из которых складывалось лицо грузинского модернизма.

Интерес к французской поэзии зарождается у Г. Табидзе уже в самом начале 10-х годов, обретая впоследствии все более интенсивный характер. Грузинский поэт увлечен Францией, ее историей. Парижем — в каждом облачке на небе ему грезится знаменитый Версаль, отягощенные старинными гобеленами стены дворца, придворная жизнь французской аристократии с ее неизменным менюэтом:

Вот колонна Версальского дворца.
Слышу шорох массивной двери:
В зале приглушенно звучит менюэт
Отягощенных пейзажей..

(«Гнутса под ветром деревьев»,
подстрочный перевод)

Первый номер «Журнала Галактиона Табидзе» за 1923 год открывается такой импрессионистической зарисов-

кой-этюдом самого поэта: «Было это на исходе октября, в пору, когда всякое облачко на небе напоминает Версальский дворец. Осенний воздух пропитан сплитом. Меланхолично опочившие на небе облака внезапно смецались, солнце скрылось. Дрогнули застывшие в звонкой тишине деревья, желтый столб листьев закружился в воздухе, зашумели сухие ветви, куда-то попрыгали исполошившиеся змеи. Бронзовый амур над фонтаном погрузился в марево из листьев и пыли. Ветер распахнул книгу Шелли на том месте, где начинаются лучшие строки «Минувших дней». Всякий раз в новогоднюю ночь я вспоминаю эту картину, беру с полки томик Мюссе, где один из сонетов завершается так: «Ах, я не ожидал, сударыня, измены!». Разве строка эта не стоит целой поэмы?!».

Как выясняется, Г. Табидзе пленил сонет Альфреда де Мюссе, переведенный в начале века на русский язык В. Чехихиным:

Дыханье первое зимы люблю я.
Ноге охотника противится легка,
Сорока на стogu покоится лениво,
И замок веселит сиянье камелька...
Как я люблю тогда прохожих, воды
Сены,
Нарядной, царственной под лентой
фонарей!
Стремился я к зиме, спешил и к
счастью, к ней!
Вот дом заветный. В нем мне милы
даже стены!
За ними—рай и взгляд восторженных
очей!...
Ах, я не ожидал, сударыня, — измены!

Пристрастие к поэзии Альфреда де Мюссе, замечательного романтика первой половины прошлого столетия, показательное и само по себе, и по тому поэтическому приему, на который обращает внимание читателя Г. Табидзе,— это финал стихотворения с неожиданным поворотом событий и их дальнейшим исходом, недоговоренность, намек, ставшие впоследствии излюбленными для многих поэтов символического направления.

Притягательная сила творчества «чародея французской литературы», «парнасца» Теофиля Готье оказалась на редкость долговечной. В одном из своих поздних стихотворений Г. Табидзе вспоминает и поведает читателю трогательную историю Мадлен де Мопэн из одноименного романа Т. Готье. И видимо, это не случайно, ибо «секрет Готье, — как заметил один из поэтов, — не в том, что он совершенен, а в том, что он могуч, заразительно могуч, как Рабле». Анализируя раннее творчество Г. Табидзе и, в частности, стихотворение

¹ Литературный музей Грузии. Архив Г. Табидзе, рукописи, отд. 021370—237.

«Ж Готье» (1920), академик Г. Джибладзе пишет: «Воспоминание о Пимодане Готье, красках Деларюша, Брюмеле и Лозене словно вызвано желанием объединить поэзию «парнасцев» и символистов, а для грузинской поэзии это поиски нового на этой почве»¹.

В 1919 году в Тбилиси выходит поэтический сборник под весьма необычным названием — «Череп в артистических цветах». Этот второй по счету сборник Галактиона Табидзе тематически, по особенностям разработки образа в определенном смысле продолжение и углубление его первой книги «Стихотворения», изданной пятью годами ранее в Кутаиси. В новой книге уже совершенно явственно обозначилось новаторство поэзии Г. Табидзе, основные признаки его поэтики. Все это верно подметил в своей статье «Кавалер ордена Единчества» (газ. «Сакартвело», 1916, №№ 3—4) Тициан Табидзе. Его наблюдения положены в основу более поздних изысканий и работ наших литературоведов; и одно из этих наблюдений — принцип музыкальности стиха Галактиона, его инструментовка, восходящие к поэтике П. Верлена.

Сборнику «Череп в артистических цветах» Г. Табидзе предпослал эпиграфы на французском языке, взятые из стихотворений поэтов-символистов — Шарля Бодлера, Поля Верлена, Анри де Ренье и «ларнасца» Теофиля Готье, которых, по словам самого Г. Табидзе, объединяла «безупречная преданность форме».

В первом томе академического собрания сочинений Г. Табидзе эпиграфы из французских поэтов предпосланы стихотворению «Кто эта женщина?», и таким образом, они относятся как бы к одному стихотворению, которое вместе с другими вошло в сборник «Череп в артистических цветах». Между тем эпиграфы вынесены автором на титульный лист и **предваряют всю книгу**. Они как бы указывают на истоки, послужившие творческим импульсом для создания второго поэтического сборника. Не исключено, что его несбыточное название навеяно французской поэзией — стихотворением Ш. Бодлера «Амур и череп», сборником Реми де Гурмона «Цветы», откуда, по свидетельству самого Г. Табидзе, он заимствовал эпиграфы из произведений Ш. Бодлера, Т. Готье, А. де Ренье. Противопоставляя смерть (череп) и искусство (артистические цветы), поэт вопрошает: «За которым же из них останется победа? — Конечно же, за искусством!». Возможно, это определенная трансформация мысли стихотворения Ш. Бодлера «Амур и череп», написанного по мотиву правюры Генриха Гольциуса, где изображается Эрот,

сидящий на черепе и пускающий мыльные пузыри, которым подобна быстротечная жизнь.

Стихотворения сборника «Череп в артистических цветах» во многом характеризуются теми же мотивами — культ призраков, сна, мечтаний, культ Дионисия, смерти, широко представленными в творчестве поэтов-голубороговцев — сборнике В. Гаприндашвили «Дансеби» (1919), стихотворном цикле Т. Табидзе «Города Халдеи», поэме «Конь с ангелом» и других.

..Чего ищу я, слоняясь как бродяга?
Быть может, счастья? О, нет, о, нет!
Любви? Но разве же она — любовь —
Не схоронила лучшую мечту мою?!
Желаю ли чего иль жду чего?
Сквозную рану сердца моего...

(«Обреченность», подстрочный перевод)

Или:

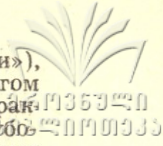
Я больше не скорблю...
Желаю ли чего, иль жду чего?
Как солнца свет и ночи мрак
Смерть воцарилась — владычица
тленья.

(«Цветение персика», подстрочный перевод)

В творчестве Галактиона Табидзе символизм носит характер эклектичный; главное же в том, что элементы символизма сопряжены в творческом единстве глубоко индивидуально, восприняты сквозь национальную апперцепцию, как продолжение традиции собственной литературы. Он никогда не забывал, что «у грузинской поэзии своя собственная жизнь, свой процесс исторического развития»¹. Показательно и то, что Г. Табидзе не унифицирует, как это нередко случается, поэтов символического направления. Известно ведь, что внутри этого направления, в свою очередь, наметились «декадентские наросты», как черты более поздние. Теофиля Готье, автора «поэтических шедевров, исключительных по своей пластичности и красоте», «нежную и вместе с тем могучую музыкальность поэтических аккордов» Поля Верлена, поэтов, так много сделавших для роста поэтической культуры стиха, Г. Табидзе выделяет из среды тех декадентов, чьи усилия целиком были направлены «на пустые эффекты непостижимости и неизъяснимости... Прикрываясь девизом — «искусство для искусства», они пытались оторвать искусство от общественной жизни, не понимая главного, что «поэзия — порождение, результат,

¹ Г. Джибладзе. Критические этюды, т. III, Тб., 1959, с. 46.

¹ Г. Табидзе. Поэзия — прежде всего. Журнал «Ломиси», 1922, № 1.

отзвук этой жизни, своеобразный итог ее».

В своих высказываниях разных лет Г. Табидзе отмечал как негативные, так и позитивные стороны этого явления, имевшего значение и для его поэтической практики. Однако при всем этом к высказываниям поэта следует относиться с известной осторожностью, ибо нередко он мистифицировал своих литературных критиков, запутывал их, но делал это с какой-то только ему свойственной непосредственностью, детской восторженностью, а порою и без лукавства.

В статье «Лирика», написанной уже в сороковые годы, дается определенный ответ на вопрос об отношении Г. Табидзе к декадентскому искусству. Поэт проявляет исключительно трезвый подход к освоению эстетического наследия прошлого и говорит о том, что социалистическая мысль должна критически осваивать все лучшее, что в нем есть. «Мы теперь далеки, конечно, от любого мистического опьянения, тумана, от тематики различного рода символистов, декадентов, парнасцев, но было бы небесполезным приучать наш слух к высокому благозвучию их поэзии, овладеть столь же разработанной техникой и богатой культурой стиха для того, чтобы создать новые поэтические ценности¹. Но наряду с этим Г. Табидзе ясно осознает все безоговорочное превосходство реализма — «этого величественного стиля, заслуживающего самого бережного и серьезного отношения». Ему никак, разумеется, не может противостоять стиль поэзии новейшей, где слово, как правило, становится самоцелью. «Для современного поэта, — замечает Г. Табидзе, — слово вопреки его смысловому значению имеет свою собственную красоту, самоценность, подобно драгоценным камням, нити жемчуга, перстням... Знающий им цену приходит в восторг от красоты слов. Существуют слова алмазы, яхонты, рубины, есть слова, которые лучатся фосфоресцирующим светом, — таков современный стиль, который ни в какое сравнение не может идти со стилем прошлого (речь идет о стиле классической грузинской литературы XIX века, т. е. о реализме. — Н. Ц.). «величественным, достойным преклонения»².

Галактион Табидзе не выступал, как известно, с декларациями, призванными эпатировать читающую публику, не становился в воинственную позу, как это делали поэты «голубороговцы». В этом смысле его никак, конечно, не причислишь к ортодоксальным символистам, сгруппировавшимся вокруг журнала

«Циспери канцеби» («Голубые роги»), но тем не менее Г. Табидзе во многом предвосхитил своей поэтической практикой творчество грузинских «голубороговцев». В одной из программных статей 1916 года Галактион Табидзе выделен особо из среды грузинских поэтов того времени, так как «он более других тяготеет к символизму, а поэтический импульс его первого стихотворного сборника свидетельствует о том, что Г. Табидзе вырастит «цветы Зла» символизма, и мы многого ждем от него». Пути развития новой поэзии определялись так: «В будущем большом художнике Грузии должны встретиться Руставели и Малларме. Руставели я понимаю как синтез грузинского слова, а Малларме в том же значении — европейского презентизма и футуризма. Путь этот неминуем¹. Показательно и то, что грузинская поэзия определяется, оценивается эстетической и философской «формулой», выдвинутой Реми де Гурмоном. «Что такое символизм? — вопрошает один из видных теоретиков этого направления. — Если держаться прямого грамматического значения слова, почти ничего. Если же раздвинуть вопрос шире, то слово это может наметить целый ряд идей: индивидуализм в литературе, свободу творчества, отречение от заученных формулировок, стремление ко всему новому, необычному»².

Переводы Галактиона Табидзе из европейской поэзии — новая страница его творческой биографии. Впервые они опубликованы в седьмом томе его сочинений. Установить точную дату большинства переводов представляется затруднительным: часть из них не датирована, а даты, проставленные под его переводами в более позднее время, не всегда достоверны. Между 1921 — 1922 годами Г. Табидзе уничтожил свой личный архив. Погиб ценный для нас материал. «Ничего подобного я не испытывал — вместе с рукописями умерла и моя юность, — с горечью признавался поэт, прощаясь с набросками «будущих толстых романов, с драгоценными книгами Гюте, Верлена, Рембо!»³. Сохранившиеся переводы из Поля Верлена, Виктора Гюго, Хосе Марии Эредия, Сюлли Прюдома, Теофила Готье являются, по нашему глубокому убеждению, лишь частью переводческого наследия грузинского поэта. Мы не располагаем ни одним переводом из Шарля Бодлера. Между тем

¹ Г. Табидзе. Дадаизм и «Голубые роги». — Журн. «Меоснебе ниамереби», 1922, № 10.

² Реми де Гурмон. Книга масок. М., 1913, с. 6.

³ И. Лордкипанидзе. Хроника жизни Г. Табидзе. Тб., 1968, с. 123.

¹ Г. Табидзе. Собр. соч. в 12-ти томах, т. XII, Тб., 1975, с. 70—71.

² Там же, т. XII, с. 70.

эпиграф «Внезапное очарование драгоценностей розовых и черных», предпосланный сборнику «Череп в артистических цветах», свидетельствует о том, что Г. Табидзе был знаком с оригинале со стихотворением «Лола Валенсийка» из сборника «Цветы Зла», так как русского перевода этого стихотворения к тому времени не существовало.

В седьмом же томе помещен переведенный Г. Табидзе сонет «Plus ultra» Хосе Мария Эредия из широко известного сборника «Трофеи». Интересно отметить, что сонет был излюбленной формой поэтов «голубороговцев» — Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, Валериана Гаприндашвили и других. Именно Эредия довел сонет до его полного совершенства. П. Верлен назвал автора «Трофеев» «королем сонетов», а исследователь Л. Гроссман, специально изучившей вопросы сонетного мастерства, писал: «В центре сонетистов, быть может, всех времен, как самый утонченный и уверенный мастер стоит Хосе-Мария де Эредия»¹. Прежде чем взяться за перевод сонета Эредия, Галактион Табидзе, несомненно, составил себе хотя бы самое общее представление о творчестве этого писателя, его сборнике «Трофеи», открывшем перед автором двери французской академии.

Обращение к поэзии Поля Верлена — автора «самого оригинального, самого грешного и самого мистичного, самого сложного и самого простого, самого смятенного, самого безумного, но уж, конечно, и самого вдохновенного и самого подлинного из современных поэтов»² — оказалось на Галактиона Табидзе, так же как в свое время на Валерия Брюсова («таких певучих, поющих стихов во французской литературе еще не бывало!»), сильное, неизгладимое впечатление. В стихотворении «Чиануреби» Г. Табидзе имеются такие проникновенные строки:

Часто вспоминаю Верлена,
Как погибшего огня,
Пролет безумец слезы —
Воспоминаний гамму...

(Подстрочный перевод)

Несомненно, за строками этого стихотворения, исполненными горечи, вызванной неудачливой жизнью Поля Верлена, его падениями и раскаяниями, чувствуется известное духовное родство. И, видимо, не случайно Г. Табидзе берется переводить именно этого поэта. Если другие поэты представлены по преимуществу одним или двумя стихотворениями, то из Поля Верлена Галактион Табидзе перевел двенадцать

стихотворений. Ручкой поэта на двух переводах проставлена дата: 1925 год, а под остальными переводами, в том числе и из В. Гюго, Т. Готье, Х. Эредия, в автографах поэта, которые хранятся в его личном архиве, даты не значатся. Отдельные строфы из стихотворений П. Верлена «Chanson d'automne» и «La chanson des ingenues» как оригинальные вошли в стихотворение Г. Табидзе «Симебис квдома» («Угасший аккорд»), датированное 1916 годом.

Сопоставление переводов Г. Табидзе с подлинником показало, что из двенадцати десятя сделано по русским переводам, а два — с французского оригинала. Комментаторам академического издания не удалось установить первоисточник двенадцатого перевода Г. Табидзе из Поля Верлена. Ознакомившись с подлинником стихотворения «Dans la grotte»¹, а так же с его русскими переводами, мне удалось установить, что двенадцатый перевод стихотворения П. Верлена «В гроте» выполнен грузинским поэтом по переводу В. Брюсова. Галактион Табидзе перевел две строфы, слегка интерпретировав первую строку и опустив заключительную, третью:

Ах! мне погибнуть неизбежно!
Моей печали где граница?
И лютая Гирканская тигрица,
В сравненьи с вами, агнец нежный!

Да, здесь, в отщепенце Климене,
Мой меч, не ведающий равных,
Сразивший столько Киров, Сципионов
славных,

Меня избавит от мучений...²

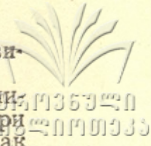
Переводы Галактиона Табидзе из А. Пушкина, В. Гете, Д. Байрона, В. Гюго, особенно же — из Поля Верлена, значительная часть которых, правда, выполнена по русским переводам, свидетельствуют не только о принципиальной возможности художественного перевода, но и выявляют тот метод, которого придерживался в том или ином случае великий поэт. Некоторые переводы Г. Табидзе из П. Верлена представляют вольное переложение лирики французского поэта, но в стихотворениях «Никогда», «незнакомке», «Гротеск», где поэт стремится точно воссоздать смысловую, образную структуру произведения, адекватную оригиналу, он проявляет себя как замечательный переводчик, виртуозный мастер стиха. В переводе стихотворения «Никогда» первую строку четвертой строфы оригинала — «О первые цветы, как вы благоухали» Г. Табидзе несколько

¹ Л. Гроссман. Собр. соч., т. IV, М., 1928, с. 333.

² А. Франс. Собр. соч., т. VIII, М., 1960, с. 234.

¹ Paul Verlaine. Oeuvres complètes, t. I; Albert Messein, ed. Paris, 1911, p. 89.

² Поль Верлен. Собр. стихотворений в переводе В. Брюсова, М., 1911, с. 160.

изменил: «О магия благоуханья первой розы», и тут нет никакого насилия, своеобразия переводчика, так как «благоуханье первой розы» не выпадает из поэтической системы П. Верлена, равно как и в строке: «холодного и худого вашего трупа будут гнущаться даже волки» из стихотворения «Гротески», где поэт слово «волк» заменил словом «тиена». Незначительные отклонения, дополнения, поясняющие текст подлинника, уточнения имеются и в переводе стихотворения «Незнакомке». Так, например, вместо слов «первый человек, изгнанный из рая» у Г. Табидзе фигурирует Адам и т. д., но в целом поэт великолепно воссоздает на грузинском языке французский подлинник.

Стремясь выявить то общее, что сближает раннего Г. Табидзе и П. Верлена, невольно обращаешься к импрессионизму в поэзии, названному В. Брюсовым, переводившим французского автора в течение семнадцати лет, «чисто верленовским методом творчества». Правда, разграничение приемов и методов внутри самой символической поэзии затруднительно и для самих поэтов-теоретиков этого направления. Так, К. Бальмонт отмечал, что «символическая поэзия неразрывно связана с другими разновидностями современного литературного творчества, известного под названием декадентства и импрессионизма», и считал себя «совершенно бессильным строго разграничить эти оттенки» (К. Бальмонт. Горные вершины, 1904). В. Иванов, говоря об импрессионизме, придерживается такой точки зрения: «Еще недавно за символизм принимали многие прием поэтической образительности, родственный импрессионизму, формально же могущий быть занесенным в отдел стилистики о тропах и фигурах». Однако сам В. Иванов, разбирая в другом месте поэзию И. Анненского, говорит об импрессионизме как об одной из основополагающих черт символической поэзии. (В. Иванов. Борозды и Межи. Опыты эстетические и критические. М., 1916). Особенность импрессионистического метода, по В. Брюсову, в том, что «поэт не стремится нарисовать связную картину или рассказать последовательно события; он просто дает ряд образов, один за другим, соответственно тому, как они являлись перед его взором или сознанием, представляя читателю самому объединить их в целое». (В. Брюсов. Поль Верлен. М., 1911). Таким импрессионизмом, где содержание довольно аморфно, неопределенно, а все стихотворение покоится на ассоциациях глубоко субъективных, отмечены стихотворения Г. Табидзе «Пиримзе», «Заснежила зима сады», «Осенний фрагмент», «Ворон», «Кто эта женщина?», «Эдгар в третий раз», «Ше-

лест занавесей», «Ангел держал свиток пергамента» и многие другие.

Черты общности наблюдаются в лирике П. Верлена и Г. Табидзе и при изображении пейзажа. Природа, как правило, имеет в поэзии Г. Табидзе не столько самостоятельное, самоценное значение, сколько знаменует увядание, старение, смерть, закат последней любви, когда в стихах изображается глухая пора осени или томления, тревога ожидания в стихийных порывах ветра: «Ветра стук, ветра звон, ветра стон. Застыла лства небосклон...».

Ветер плакался, неистов,
На поле ночном,
Подхватив охапку листьев
Сломанным крылом, —
Словно для него пустыней
Был весь белый свет,
И ему в долине синей
Нет приюта, нет...

(Перевод Г. Цагарели)

Или:

Вчера всю ночь в окно стучался ветер,
И долго, долго я заснуть не мог:
Я дома, в комнате, а он один на свете,
Он бесприютен, гол и одинок...

(Перевод М. Троицкого)

Знарок поэзии Поля Верлена профессор Е. Эткинд пишет: «Осень, о которой так охотно пишет Верлен, это не столько время года и увядания, сколько метафора усталости, старения, обреченности, близящейся смерти. Ветер, порывы которого так часты в лирических миниатюрах Верлена, не столько пригибает к земле реальные кусты и рвет с деревьев листву, сколько символизирует всевластный Рок, грозящий гибелью беззащитным осенним листьям...»¹.

Таким образом, как мы видели, генетически целый ряд стихотворений Г. Табидзе десятых, двадцатых годов по характерным признакам поэтики близок традициям лучших представителей «парнасской» школы и символизма. Но при этом совершенно очевидно и то, что интересы грузинского поэта никак не исчерпывались этими явлениями и простирались значительно шире. Усвоение эстетического феномена западной поэтической культуры сыграло известную роль в преобразовании образной структуры его поэзии, утверждало новаторские принципы его творчества, его собственной стихотворной системы. Галактион Табидзе создает в эти годы не одно произведение, по своим поэтическим достоинствам превосходящие те образцы лирики, которые вызывали его восхищение.

¹ Е. Эткинд. Лирика Поля Верлена. М., 1969, с. 8.

„Хотелось жить, творить...“

ОБ ОДНОЙ ТБИЛИССКОЙ ЗАПИСИ РУССКОГО ПОЭТА
ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО

ИЗВЕСТНЫЙ русский поэт, друг Владимира Маяковского, вместе с ним принимавший участие во многих литературных вечерах в дореволюционные годы, Василий Васильевич Каменский в 1943—1944 годах находился в Тбилиси и на курорте Цхалтубо.

Сохранилась запись самого поэта, сделанная в «Книге впечатлений больных хирургического отделения больницы лечебного комбината г. Тбилиси». Озаглавленная «Начало», она знакомит с событиями, происшедшими здесь с поэтом. Вот строки самого автора:

«С далекого моего родного Урала, из города Перми, меня, с больными ногами, направили лечиться в Цхалтубо. Говорили: вот чудесное место, где совершается чудо! Где излечиваются за 20 дней все болезни, особенно неходячих ног. У меня было чувство, что я буду спасен, если попаду в ванны Цхалтубо. О! Я скоро буду ходить, как все люди, твердо, уверенно, по-хорошему...

С первых же дней, принимая ванный бассейн № 1, я был приглашен... выступать в клубе этого санатория со своими произведениями для его пациентов и наших доблестных солдат и офицеров из соседних госпиталей. В течение пяти вечеров рядом я читал в этом милом клубе стихи и говорил речи, вдохновляя больных и раненых к победоносной жизни во славу великой Родины!

Славное место — Цхалтубо! А бассейн № 1 — как в сказке. Но я был плох ногами, и меня таскали на носилках. Я по пути кричал: «У меня здесь такой успех, что на руках носят!».

Вскоре из Цхалтубо В. Каменского перевезли в Тбилиси, снова в больницу лечебного комбината, где известный тбилисский хирург Андрей Романович Гвамичава произвел ему 14 февраля 1944 года ампутацию ноги. По словам поэта, Гвамичава рыцарски следил за ходом его болезни и помогал всячески, как только мог, поддерживая его своим глубоким оптимизмом.

«Надо терпеть, надо смириться, надо жить! — писал тогда В. Каменский. — А тут рядом — кругом идут победы Красной Армии. Радио у изголовья приносит много радостных вестей во славу Родины... И действительно, хотелось жить, творить, создавать свою Родину еще более чудесной, расцветающей. К тому же приближался мой юбилей».

В Тбилиси Василию Каменскому отметили 60-летие. Здесь же он узнал о своем награждении и получил орден. Его посещали грузинские писатели.

«18 апреля 1944 года, — вспоминает поэт, — мне исполнилось 60 лет... Здесь, в Тбилиси, и дома, в родной Перми, решили широко отметить мой юбилей... В день юбилея я утром по радио узнал, что мое родное правительство наградило меня орденом Трудового Красного Знамени... И мне снова принесли

цветы... разодели как жениха... А через несколько дней здесь в зале больницы дирекция организовала блестящий юбилейный вечер, на который явились мои друзья — грузинские писатели (они посещали меня и ранее), и с ними много друзей пришло. Вечер прошел дивно, незабываемо... Прочитали адрес от работников больницы. Грузинские писатели поднесли свой дружеский адрес. Были приветствия от профессоров и студентов. Я, вывезенный на коляске, прочитал из своего «Пугачева» и сказал слово. Мне поднесли несколько корзин цветов с шампанским. А мой стол в палате был заполнен телеграммами со всех концов СССР. В грузинских газетах были статьи, портреты. В «Заре Востока» Борис Корнеев напечатал прекрасную статью. По радио из Москвы сообщали о моем юбилее. Словом, меня свели с ума от счастья... Ну как тут возможно забыть пребывание в этой изумительной больнице, где я пролежал семь месяцев, и, не смотря на все свои мучения, всегда буду помнить этот волшебный дом, ибо здесь мое горе больного сочеталось с невероятным счастьем юбиляра. Здесь 12 июня дали мне орден Трудового Красного Знамени, сказали вдохновенные речи во славу побед Родины, во славу нашей поэзии и моих скромных заслуг... И расставаться с такой милой больницей, с такими друзьями спасения... очень трудно, будто с родными и близкими сердцу разлучаешься. Моей благодарности нет предела».

Запись «Начало» заканчивается словами: «С приветом от всей души», затем подпись — «Василий Каменский» и дата — «20 июня 1944 года, Тбилиси».

Надо отметить, что Василий Каменский был большим другом Грузии и что в Тбилиси, а затем в Кутаиси он приезжал еще в 1914 году вместе с Владимиром Маяковским. Этот приезд Василий Каменский описал в своей книге «Юность Маяковского» (издательство «Заккнига», Тбилиси, 1931). Вот несколько строк из этой книги: «Каменистый берег Риона, развалины древнего храма Баграта, тучные деревья, сады, базар, улицы, дома, люди — все были свидетелями кутаисского детства Володи... Кутаисские друзья Маяковского устроили ему жаркую встречу...».

Василий Каменский всегда писал о Грузии с большой душевной теплотой и радостью. Вспоминая тяжелое состояние поэта в 1943 — 1944 годах, удивляешься его стойкости, негасимой энергии и истинной любви к жизни.

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

О том, что представлял собой Илья Чавчавадзе как человек, как личность и как общественный деятель, свидетельствуют воспоминания его современников.

Иона Меунаргия приводит несколько интересных фактов из его личной жизни. В своих воспоминаниях он пишет: «Сначала И. Чавчавадзе жил на Ново-Бебутовской улице, против дома Старосельского (свояк Ильи. — Г. Д.), затем, во второй половине восьмидесятых годов, он перебрался в Кукую и поселился в доме своей сестры Лизы Сагиновой, а позже купил дом на Андреевской улице.

Дом И. Чавчавадзе не отличался широким гостеприимством, в нем вы бы не встретили высшее городское общество, великосветскую публику. В его салоне бывали только писатели, артисты, общественные деятели, из женщин только родственницы...»¹.

Веселый хозяин, Илья Чавчавадзе всегда был окружен преданными, любящими людьми.

Современники смотрели на него, как на «некоронованного царя» Грузии, как на великого и мудрого человека. В своей личной жизни «...он был неторопливым, степенным, даже медлительным», — пишет Иона Меунаргия.

Дело в том, что такое впечатление создавалось потому, что, решая тот или иной вопрос, И. Чавчавадзе всесторонне изучал его, взвешивал все «за» и «против», думая при этом не только о настоящем, но и о будущем. Так, например, занимаясь делами Общества по распространению грамотности в условиях, когда «яновские» и «юдины», как церберы охранявшие интересы царизма, всячески старались найти какую-нибудь зацепку для наступления на любое проявление национальной самобытности грузинского народа, он действовал осторожно, неторопливо, при решении тех или иных вопросов глубоко вникая в сущность дела.

Будучи государственным человеком, он в каждом деле проявлял государственную мудрость. Его продуманные, неторопливые действия, удивительный такт не раз помогали грузинской общественности с честью выходить из казавшегося безвыходным положения. Эта осторожность и такт помогали нередко и самому поэту: ведь агенты жандармерии, подобно ищейкам следившие за каждым его шагом, так и не смогли на протяжении всей его жизни заполучить никаких сведений, которые позволили бы с ним расправиться.

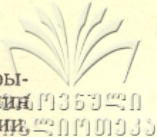
В своих воспоминаниях Иона Меунаргия отмечает также, что «Илья, как это свойственно поэтам, часто и легко приходит в восторг и впадает в пафос».

«В полемике Илья был непобедим, — пишет тот же Иона Меунаргия. — Его диалектику, его остроумие, его богатую лексику никто в Грузии не смог превзойти».

Современники характеризуют Илью Чавчавадзе как удивительно простого, душевного и доброго человека, верного друга, всегда готового прийти на

¹ И. Меунаргия, Грузинские писатели, II, 1944, с. 189—190 (на груз. яз.).

Продолжение. Начало в №№ 4, 5, 6, 7, 9.

помощь попавшему в беду. Щедрость его (правда, оспаривавшаяся некоторыми исследователями) и бескорыстие послужили, несомненно, одной из причин того, что поэт постоянно находился в материально затрудненном положении. Действительно, его кристальная чистота как художника и мыслителя, его исключительно ответственное отношение к литературному труду ощущаются в каждом его творении, в каждом поступке. Служение искусству всегда было для него святым долгом, полностью исключавшим какие-либо корыстные соображения. Подобно великому Буало, «Илья никогда ничего не брал за свой литературный труд, — пишет Кипшидзе, — он отказался от гонорара даже тогда, когда «Товарищество грузинских издателей» решило напечатать в 1892 году собрание его сочинений. И. Чавчавадзе считал, что литературный гонорар — это палка с двух концах: с одной стороны, он совершенно необходим для существования писателя, а также как средство обеспечения его независимости, дающее возможность посвятить все свое свободное время литературному труду. С другой стороны, получение платы как бы делает предметом торговли произведение писателя — результат его вдохновенного труда, — которое должно быть задумано и сочинено с чистым сердцем и добрыми намерениями, а не из расчета. Если писатель начнет гоняться за гонораром, это может вынудить его пойти на искусственное увеличение объема своего произведения, в результате чего оно проиграет в художественном отношении»¹. Жить в расчете на гонорар в то время фактически было немисливо. И. Чавчавадзе предпочитал надеяться на жалованье государственного служащего.

Такой бескорыстный человек, каким был И. Чавчавадзе, естественно, никогда не смог бы разбогатеть. В связи с этим Яков Гогешашвили замечает: «Мы все считали Илью Чавчавадзе богатым человеком, в действительности же оказалось, что оба его имени в Кахети и Сагурамо были заложены, причем на такую сумму, что доходы от них даже не покрывали полностью процентов, и если бы не пенсия, назначенная банком, то на старости лет ему пришлось бы голодать»². Материалы и документы полностью подтверждают тот факт, что, помогая другим, заступаясь за других, сам Илья Чавчавадзе на склоне лет действительно оказался перед угрозой полного разорения. Об этом свидетельствует, например, извещение, посланное на его имя руководителем Тифлисского дворянского поземельного банка 13 сентября 1906 года. Этот документ подписывают: за председателя — А. Н. Пурцеладзе, член правления светлейший князь М. А. Грузинский, секретарь — князь Джорджадзе и бухгалтер — Гвамичава. Они извещали поэта о том, что его имение будет продано с публичных торгов, если он не внесет в банк до 15 октября недоимку в размере 752 рублей 88 копеек. Сухим, казенным языком ему сообщало об этом то самое учреждение, которым на протяжении десятилетий он руководил, являясь одним из его основателей.

* * *

Характеризуя разностороннюю многолетнюю деятельность Ильи Чавчавадзе, нельзя не сказать о том, что, правда, сравнительно недолго, он работал также присяжным поверенным. Право занимать эту должность давало ему полученное в Петербурге камеральное образование, подразумевавшее и определенные познания в области юриспруденции.

Как явствует из архивных материалов, писатель сам выразил желание работать присяжным поверенным. В этой связи определенный интерес представляет его прошение, написанное на русском языке и датированное 4 июля 1875 года: «На основании 2 п. 44 ст. высочайше утвержденного 19 октября 1865 года Положения о введении в действие судебных уставов я имею честь покорнейше просить Тифлиссский окружной суд зачислить меня в число присяжных поверенных округа Тифлисской судебной палаты, причем долгом считаю заявить, что постоянным местом жительства я избираю город Тифлис и что для моего поступления в звание присяжных поверенных нет ни одного из тех препятствий, которые означены в 355 ст. учр. суд. установлений»³.

16 июля того же года это прошение было рассмотрено окружным судом на общем собрании, которое постановило принять Илью Чавчавадзе в число присяжных поверенных. Свои новые обязанности писатель исполнял до 1881 года, то есть в течение шести лет. 7 апреля 1881 года он вновь обращается в Тифлиссский окружной суд со следующим прошением: «На повестку Тифлиссского окружного суда от 7 апреля 1881 года за № 4987 имею честь объявить, что я не в состоянии более исполнять обязанности присяжного пове-

¹ И. Чавчавадзе. Сочинения, 1914, т. 1, с. 32—33.

² Я. Гогешашвили. Небольшое пояснение. — См. «Смерть и похороны Ильи Чавчавадзе», 1907, с. 219.

³ «Сансторно моамбе», III, 1947, с. 193.

ренного, а потому прошу уволить меня от обязанностей присяжного поверенного и об этом сделать надлежащее распоряжение»¹.

2 мая 1881 года Тифлиссский окружной суд удовлетворил просьбу Чавчавадзе, которая была вызвана тем, что к тому времени на него было возложено немало других ответственных дел и он уже физически был не в состоянии выполнять обязанности присяжного поверенного. Ведь с 1875 года И. Чавчавадзе являлся бессменным председателем правления банка, а с марта 1877 года руководил еженедельным журналом «Иверия». Для человека творческого труда, обогащавшего родную литературу выдающимися художественными творениями, это было чрезмерной нагрузкой.

Журнал «Иверия» с 1886 года был объявлен ежедневной газетой. Илья Чавчавадзе работал с необычайной энергией. Он не только сам правил все материалы, но и выполнял черновую работу. И. Чавчавадзе заказал типографский текст специальных обращений, которые разослал намечаемым будущим сотрудникам газеты. В этих обращениях он писал: «Из газет Вам должно быть известно, что с 1 января 1886 года начнет издаваться ежедневная грузинская газета «Иверия», редактировать которую взялся я. Конечно, я не возложил бы на себя столь тяжелого бремени, если бы не надеялся, что мне окажут помощь такие уважаемые общественные деятели, как Вы. Я убежден, что эта надежда, давшая мне смелость взяться за столь трудное дело, оправдается. Газета — дело общественное, особенно для нас. Ваше прошлое и вся Ваша деятельность служит для меня неопровержимым свидетельством того, что там, где имеет место общественное дело, сердце заставляет Вас принять в нем горячее участие. Следовательно, просьба моя здесь может быть сочтена излишней. Я только хочу напомнить, что страницы нашей газеты всегда будут охотно представлены произведениям, вышедшим из-под Вашего пера, и сотрудничество Ваше всегда будет приятным и желательным. Газета по размеру будет крупнее «Дрозба». Предлагаю Вашему вниманию программу газеты»².

Этот текст обращения Илья Чавчавадзе не направил только Акакию Церетели. 5 января 1886 года он обратился к нему со специальным письмом, свидетельствующим о его почтительном отношении и глубочайшем уважении к адресату. «Брат Акакий, — писал он, — я не дерзнул бы послать тебе официальное письмо, которое разослал другим. Другие — это другие, а ты — единственный Акакий. Помимо моего собственного желания, патриотическое чувство вынудило меня отправить избранному сыну нашего отечества особое письмо и просить украсить нашу газету и озарить ее своим талантом. То, что я до сих пор задержался с письмом, прошу не приписывать ни моей пресловутой лени, ни какому-либо недоброму движению моей души, для которой ты всегда будешь предметом гордости, как отважный воин, самоотверженный борец за счастье нашей родины. Причина состояла в том, что я не знал, где ты находишься. Вначале я думал, что ты в Тифлисе и в новогоднюю ночь пригласил тебя, однако в ответ мне сообщили, что тебя нет в городе. Сегодня я узнал, что ты приехал, и поэтому пишу тебе... Пишу и не знаю, что у тебя просить и как просить. Все время, пока выходил журнал «Иверия», ты обходил его издали, не приближался. Хотя это было для журнала большим изъяном, я не обижался, ибо думал: «Может быть, ему не нравится мое направление». Это — такое серьезное основание, против которого никакой разумный и честный человек возразить не может. Рассуждая таким образом, я, естественно, предпочел тебя не беспокоить».

И сегодня я нахожусь в таком же положении, поскольку наша новая газета будет придерживаться того же направления, какое имел журнал, да и сам я не изменил своих взглядов. Однако все же я искренне желаю, чтобы твое имя украсило нашу газету; сердце подталкивает меня просить у тебя помощи, но вместе с тем я испытываю и некоторое смущение: а вдруг эта просьба будет нравственным насилием и человеку трудно будет ответить и «да», и «нет»... Я откровенно сказал тебе все, что хотел сказать, и откровенно повторяю, что твое отсутствие будет большим изъяном для нашей газеты. Теперь — поступай как знаешь. Все же прошу: будь уверен, что независимо от того, поможешь ты мне или нет, я был, остаюсь и буду искренним почитателем и ценителем твоей двадцатипятилетней деятельности»³.

Это письмо — один из документов, характеризующих отношения двух великих людей. И. Чавчавадзе и А. Церетели, как неоднократно отмечалось выше, относились друг к другу с величайшим уважением, не раз взаимно подчеркивая ту огромную роль, которую играли они в жизни грузинского народа. Под руководством И. Чавчавадзе и его последователей «Иверия» стала тем орга-

¹ «Саясторно моамбе», III, 1947, с. 198—199.

² И. Чавчавадзе. Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 112—133 (на груз. яз.)

³ Там же, с. 114—115.

ном печати, на который была возложена историческая миссия — широко рас пространять в массах просветительские идеи.

Как рассказывает Иона Меунаргия, «редакция в то время находилась Кукийской улице, в доме сестры поэта Лизы Сагиновой. На первом этаже оборудована типография, а над ней помещалась редакция и жил редактор».

Взойдя на второй этаж, через левую дверь вы входили в редакцию газеты, а через правую — в квартиру Ильи. У входа слева находился кабинет редактора — маленькая комната, обставленная именно так, как подобало ее хозяйку — поэту и редактору — патриоту.

При входе в кабинет ваше внимание сразу же привлекал потолок, пестревший цветными картинками. В четырех углах потолка были нарисованы портреты царя Луарсаба, Дмитрия Самопожертвователя, Георгия (отца Тамары) и Давида Строителя, а посередине — святой Нины.

На стенах висели портреты царей Ираклия и Горгасала, а также портреты крестьянина и мясника работы Габаева, гравюры Мурильо и картины мифологического содержания.

Кабинет был заставлен шкапами, столами, книгами, скульптурами. Оглядевшись по сторонам, вы бы увидели бюсты Шекспира, Гете, Руставели и Гарибальди...

По исконно грузинской традиции в кабинете на стенах были развешены 8 рогов, один крупнее другого.

Главный стол в кабинете был завален чем угодно: книгами, газетами, орудиями письма; все на этом большом столе было смешано как бы для того, чтобы оправдать высказывание о поэтическом беспорядке. Вот стоит большая выскошенная чернильница, в которую кто-то поставил вторую чернильницу меньшего размера, вот статуэтка лани, на рог которой навешена шапочка поэта. Вот раскрытая книга, с окурком папиросы посередине, глобус, счеты, очки, оригиналы газет, огромный красный карандаш...

Если сейчас вечер, то за столом сидит и сам редактор, и здесь, на этой небольшой фабрике, изготавливается сегодня та мысль, которая, может быть, завтра станет руководящей для каждого грузина начиная с Баку и до Сухуми и даже за пределами Кавказа.

Как глава и руководитель газеты Илья был исключительно плодовитым. Он писал много и длинно. Писать длинно, к сожалению, было его недостатком»¹.

Но именно потому, что И. Чавчавадзе писал в «Иверии» «длинно», сохранился даваемый им глубокий анализ международных событий, широкий отклик на внутреннее положение страны.

Параллельно с этой трудоемкой редакционной деятельностью И. Чавчавадзе с 1879 года работал заместителем председателя (председателем был Дмитрий Кипиани) правления Общества по распространению грамотности среди грузин, а с 1885 года стал председателем этого общества. Ему приходилось выполнять как большие, так и на первый взгляд «мелкие» дела. Приведем несколько фактов, характеризующих деятельность И. Чавчавадзе в Обществе по распространению грамотности и свидетельствующих о том, как много времени отнимало у писателя выполнение его обязанностей председателя.

И. Чавчавадзе часто приходилось писать докладные записки, свидетельствующие о том, насколько правильной была ориентация, которой придерживался он в области народного просвещения. Достаточно упомянуть адресованную им на имя тогдашнего попечителя Кавказского учебного округа Яновского докладную записку от 8 октября 1893 года, в которой речь идет о заведующем дворянской школой в Дзвели Сенаки Самсоне Кипиани. Вопрос был поставлен 20 июля 1893 года директором народных школ Кутаисской губернии, который потребовал, чтобы правление общества уволило Кипиани как «в моральном отношении крайне сомнительного человека». (Дело в том, что некая Шапатава заявила, что имеет от Кипиани незаконнорожденного сына). К этому обвинению добавлялись и нарушения педагогического характера: несоблюдение третьего параграфа устава общества — преподавание на грузинском языке вместо мингрельского. Поставив этот вопрос, директор народных школ Кутаисской губернии потребовал, чтобы преподавание в дворянской школе Дзвели Сенаки велось на русском или мингрельском языке, а грузинский язык преподавался бы в качестве отдельного предмета².

Неустанный борец за правду и справедливость, И. Чавчавадзе активно вмешался в это дело, всесторонне изучил вопрос и написал докладную записку. Опытный юрист, имевший не только теоретическую подготовку, но и богатый практический опыт, он убедительно доказывал, что в основе дела Кипиани ле-

¹ И. Меунаргия. Грузинские писатели, II, 1944, с. 194—195.

² «Саисторно моамбе», III, 1947, с. 238.

жат не интересы школы, а интрига и шантаж, организованные его личными недоброжелателями. Местные чиновники и жители, на глазах которых в течение ряда лет неустанно трудился обвиняемый, а также местный священник, два мировых посредника, десять князей и дворян, а также уездный начальник дали Кипиани положительную характеристику. «Все эти лица, — писал И. Чавчавадзе, — на виду которых прошла в продолжение нескольких лет вся деятельность г. Кипиани в сфере школьной и частной жизни, удостоверяют его похвальные нравственные качества, добросовестное исполнение им своих обязанностей, уважение, которым он пользуется среди местного общества, его особенные заслуги по возведению здания для сельскохозяйственных классов при Сенаской дворянской школе...».

На основе неопровержимых аргументов и выводов И. Чавчавадзе убедительно доказал несостоятельность как первого, так и второго обвинений, выдвинутых против Кипиани.

Опираясь на неопровержимую аргументацию и логически обоснованные выводы, И. Чавчавадзе от имени правления общества потребовал, чтобы заведующий Сенаской дворянской школой Самсон Кипиани был оставлен на занимаемой им должности. Яновский, против которого великий поэт вел справедливую борьбу, не мог не пойти на уступки под воздействием глубоко аргументированных доводов.

И. Чавчавадзе практически заботился о грузинских школах и стремился к тому, чтобы делом обучения и воспитания подрастающего поколения руководили достойные люди.

За какое дело он ни брался, неизменно не только проявлял большое усердие, но и выступал с передовых позиций, руководствовался просветительскими, гуманистическо-демократическими идеями, увлекшими его еще в юности. И. Чавчавадзе проповедовал их в своем творчестве, руководствовался ими в своей практической деятельности.

Прогрессивная деятельность Ильи Чавчавадзе, естественно, не могла ускользнуть от внимания царского правительства, с точки зрения которого она была опасной. Это подтверждается секретным обращением начальника жандармского управления Тифлисской губернии полковника Пекарского к тифлисскому губернатору, в котором, в частности, сказано:

«По распоряжению Департамента полиции учрежден негласный надзор полиции над служащим в Тифлисском дворянском поземельном банке кн. Ильею Григорьевичем Чавчавадзе и сыном коллежского секретаря Игнатием Анисимовичем Иоселиани, как за лицами сомнительной политической благонадежности... О чем сообщая, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего превосходства об учреждении вышесказанного надзора за поименованными лицами и о всякой перемене места жительства их не оставить уведомлением»¹.

Это обращение было написано 13 июля 1884 года, а 31 июля того же года тифлиссский полицмейстер направляет докладную записку тифлисскому губернатору и совершенно секретно сообщает ему о том, что учрежденный над Ильей Чавчавадзе негласный полицейский надзор приведен в действие и разосланы соответствующие распоряжения. «На предписание от 21-го сего июля за № 146, — писал полицмейстер, — имею донести Вашему превосходству, что Илья Чавчавадзе в настоящее время проживает с семейством в имении своем — сел. Сагурамо Душетского уезда, почему мною вместе с сим за № 660 сообщено душетскому уездному начальнику об учреждении над ним негласного полицейского надзора»².

Дело, однако, на этом не кончилось. Должностные лица прилагали все усилия к тому, чтобы негласный полицейский надзор над великим поэтом во всех инстанциях и во всех учреждениях, которых это касается, был соответственным образом оформлен, чтобы этот надзор дал действительные результаты. Поэтому тифлиссский полицмейстер 13 сентября 1884 года направил рапорт тифлисскому губернатору, в котором вновь сообщал, что негласный надзор над Ильей Чавчавадзе и Игнатием Иоселиани учрежден. «Над служащими в Тифлисском дворянском поземельном банке Ильею Григорьевичем Чавчавадзе и сыном коллежского секретаря Игнатием Анисимовичем Иоселиани, — говорилось в рапорте, — учрежден негласный надзор полиции по 4-му и 5-му участкам гор. Тифлиса, о чем также сообщено начальнику Тифлисского губернского жандармского управления... Об этом, во исполнение предписания от 21-го июня сего года за № 146 и в дополнение к рапорту моему от 31 того же июля за № 661, имею честь донести Вашему превосходству»³.

¹ «Санторно моамбе», III, 1947, с. 212—213.

² Там же.

³ Там же.

После этого началось полицейское описание каждого шага Ильи Чавчавадзе. Так, например, 3 апреля 1885 года тифлиссский полицмейстер сообщает тифлисскому губернатору, что находящийся под строгим негласным надзором полиции кн. Илья Григорьевич Чавчавадзе 29 марта 1885 года выехал из Тифлиса в Кутаис и что об этом сообщено соответствующим органам. «Состоящий под строгим негласным надзором полиции кн. Илья Григорьевич Чавчавадзе, — сослал полицмейстер, — выехал 29-го прошлого марта из г. Тифлиса в г. Кутаис. Донося об этом Вашему превосходству, имею честь доложить, что о выезде из Тифлиса кн. Чавчавадзе мною вместе с сим послано уведомление начальнику Тифлиссского губернского жандармского управления и кутаисскому полицмейстеру»¹.

О том, насколько строгим был этот негласный полицейский надзор, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что агентам полиции было поручено сообщать в соответствующие инстанции даже о таких фактах, как выезд И. Чавчавадзе из Тифлиса в Сагурамо. Так, 15 июня 1885 года тифлиссский полицмейстер направил рапорт тифлисскому губернатору, в котором писал: «Имею честь донести вашему превосходству, что состоящий под негласным надзором полиции кн. Чавчавадзе выехал в свое имение — селение Сагурамо Душетского уезда на несколько дней и что в течение лета он часто будет выезжать в означенное селение... Сообщив душетскому уездному начальнику для учреждения за кн. Чавчавадзе надзора, имею честь донести об этом Вашему превосходству»².

Во втором рапорте, датированном 8 июля 1885 года, тифлиссский полицмейстер сообщает тифлисскому губернатору, что Илья Чавчавадзе вернулся из Сагурамо в Тифлис: «Пристав 4-го участка 5-го сего июля за № 83 донес мне, что состоящий под негласным надзором полиции кн. Илья Чавчавадзе приехал в г. Тифлис из м. Сагурамо... Об этом имею честь донести Вашему превосходству»³.

Такой надзор над великим поэтом продолжался почти шестнадцать лет — с 1884 по 1900 год. Фактически же он не прекращался до последних дней жизни Ильи Чавчавадзе. Иначе трудно понять официальное отношение начальника жандармского управления Тифлиссской губернии полковника Безгина к начальнику тифлиссской охраны, датированное 28 сентября 1905 года. Однако, прежде чем привести этот документ, необходимо учесть следующее: И. Чавчавадзе, разумеется, не знал, что за ним был учрежден негласный полицейский надзор. Но он не мог не почувствовать, что царское правительство фиксировало и изучало каждый его шаг, каждое его действие. Поэтому, видимо, великий поэт принимал определенные меры предосторожности. Этим объясняется тот факт, что в отношении упомянутого нами начальника жандармского управления Тифлиссской губернии, направленном начальнику тифлиссской охраны 28 сентября 1905 года, сказано: «Кн. Илья Григорьевич Чавчавадзе, согласно предписания Департамента полиции от 25 апреля 1884 г. за № 1968, состоял в г. Тифлисе под негласным надзором полиции по 18-ое апреля 1900 года и за время его проживания в Тифлисе компрометирующих его политическую благонадежность сведений в Управление не поступало. Где и за что он был привлечен — в Управлении сведений не имеется»⁴.

Надо полагать, что здесь кроется какая-то тайна и что «снятие надзора» 18 апреля 1900 года было вызвано неизвестными причинами, в результате которых и погиб Илья Чавчавадзе.

Одной из причин снятия надзора могла стать огласка. Действительно, трудно представить, чтобы надзор, проводившийся в течение 16 лет, остался совершенно незамеченным. Кроме того, поскольку надзор не принес результатов, он, естественно, был сочтен нецелесообразным.

Второй причиной, несомненно, был исключительно высокий авторитет И. Чавчавадзе. Царское правительство постепенно убеждалось, что благодаря своим прогрессивным воззрениям он стал для него не только опасным, но и нетерпимым деятелем. Трудно было осуществлять мероприятия правительства, если И. Чавчавадзе не поддерживал их. Что же касается его борьбы против некоторых «высочайших актов», то об этом свидетельствуют многочисленные примеры, в том числе — решительное осуждение политики Яновского.

Третьей, наиболее существенной причиной было желание наиболее безболезненно устранить «опасный элемент». А для этого вовсе не нужен был «тайный надзор», да и то по обычным полицейским каналам. Достаточно было подкупить хотя бы одного агента, чтобы физически уничтожить жертву. Для осу-

¹ «Саясторно моамбе», III, 1947, с. 214.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

исполнения этого коварного плана потребовалось целых семь лет после того, как был снят «негласный надзор» над великим поэтом. Вообще же судьба Ильи Чавчавадзе решило его избрание в Государственный совет и то обстоятельство, что он окончательно перешел на позиции левых членов совета.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этих фактов, коснемся последних двух лет жизни Ильи Чавчавадзе, в частности — того периода, когда в России и Грузии вспыхнула революция 1905 года и на бастионы старого мира обрушился народный гнев, когда даже престарелый Акакий Церетели перешел на грузинский язык «Интернационал», написал «Желание» и «Кинжал», воспев по существу революционный дух¹.

В период революционного подъема 1905 года И. Чавчавадзе вновь возвысил свой могучий голос. Это произошло в те дни, когда правительство, желая наказать отважных гурийцев, направило в их села карательный отряд под командованием известного своей жестокостью генерала Алиханова-Аварского. После смерти И. Чавчавадзе некий очевидец, скрывшийся под псевдонимом «Гуриец», так поведал об этом событии в статье «Последний аккорд», опубликованной в газете «Закавказье».

«Это было ранней весной,
В конце февраля 1905 года.

Тяжелый период голицынской эпохи, казалось, миновал навсегда. Народ находился в брожении. Заря новой жизни неудержно пробивалась сквозь щели старых, обветшалых застав и давала о себе знать.

Маленькая, отдаленная Гурия во главе «движения» и приступила к фактическому осуществлению у себя начал новой жизни: ввела преподавание в школах на родном языке, завела свой суд, свое самоуправление и т. д.

Из Тифлиса была снаряжена туда первая экспедиция ген. Алиханова-Аварского.

Общество встрепенулось. Судьба прекрасного уголка Грузии висела на волоске...

За неимением учреждений, заботящихся о народных интересах, общественные деятели собрались в дворянском депутатском собрании совещаться, как помочь делу.

Пессимизму собрания не была конца. Острота момента вносила в прения страстность и беспорядочность. И вдруг все смолкло. Хочет говорить сам Илья — стали передавать друг другу.

И Илья Чавчавадзе, словно старый орел, вырвавшийся из цепей, заговорил могуче и властно. Его умные, пронизательные глаза горели божественным огнем.

— Мы должны сделать все, чтобы спасти Гурию. Все поставим на карту, пойдем и испробуем все мирные средства и разъясним представителю власти положение вещей, а если не добьемся ничего, то все ляжем костями за братьев-гурийцев...

Так закончил он свою речь при бурных аплодисментах всего собрания.

И речь эта была последним аккордом его великого сердца, так трепетно бьющегося за счастье и несчастье всего грузинского народа...

Вопрос сразу разрешился. Была послана депутация к ген. Маламе. По дороге в Гурию на ст. Натанеби Алиханов был остановлен, а в Гурию командировали Султан-Крым-Гирея...

Да, это было ранней весной — на заре «новой жизни».

А теперь, когда ранняя осень так жестоко обрезала лепестки распустившегося было цветка этой новой жизни, Чавчавадзе действительно лег костями, но лег на позор всему краю от руки отщепенцев нашего же общества, презренных убийц...

Мир праху твоему, великий гражданин грузинского народа!²

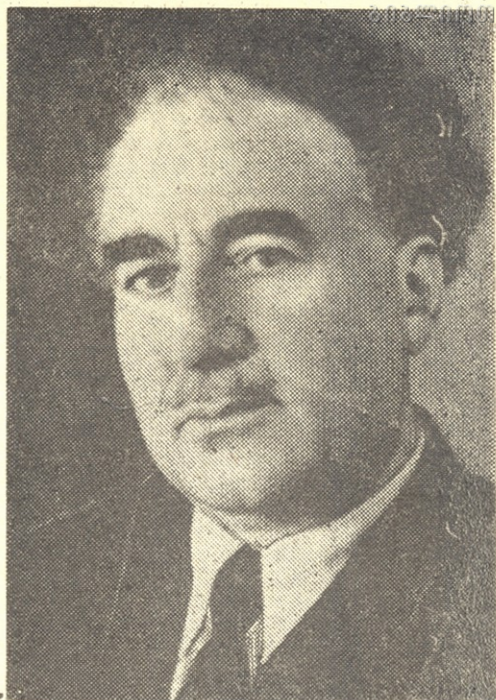
Этот мужественный поступок И. Чавчавадзе прекрасно описан Михаилом Джавахишвили в романе «Судьба женщины»: в Дворянском собрании, которое обсуждает создавшееся напряженное положение, выступает с речью один из главных героев романа реакционер Андро Ахатнели, поющий верноподданические дифирамбы царской монархии. «Внезпно у оратора прервался голос. Стоящий на ногах народ раскололся посредине, и в зале показался Илья Чавчавадзе. Зал всколыхнулся, все смотрели на вновь вошедшего. Невысокий, но плотный, почти семидесятилетний старик степенно шел среди расступившегося народа... Давно уже этот старый лев с истертыми зубами как будто навсегда укрылся в логове. Уже не слышно было его рычания, не видно было его ког-

¹ См.: Георгий Джигладзе. Критические этюды, т. IV, 1963, с. 314 (на груз. яз.).

² «Закавказье», 1907, № 184.

საქართველო
1935

Элгуджа МАГРАДЗЕ

Г И М Н

Ж И З Н И

ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕЙ...

ПЕРВОЙ публикацией, с которой выступил в печати Леван Готуа, были путевые очерки, за которыми вскоре последовали исторические и современные драмы: «Царь Ираклий», «Непобедимые», «Давид Строитель». Напечатал он и рассказы «Кинцвисский ангел», «Печаль земли Крцанисской», «Влуждающий караван».

Впоследствии художественную прозу как самый емкий жанр он предпочел всем другим. Писатель опубликовал роман в четырех книгах — «Удел героев», «Туман в Нахатарском лесу», «Львенок», «Книга Митридата».

Но всеобъемлемость романа как жанра еще не решала задачи: для преодоления высоты нужны были крылья, то есть свобода, позволяющая охватить взглядом широчайшие пространства, чтобы спаять нарушенную связь времен.

Своим творчеством Леван Готуа был кровно связан с прошлым Грузии и через это прошлое — с ее настоящим и будущим. В моем сознании Леван Готуа и история слиты воедино. Он стремился показать родному народу, что история Грузии состояла не из одних героических подвигов и поступков, неисполненных мужества и отваги, добровольных жертв, самоотверженно принесенных на алтарь отечества. Не идеализируя прошлого, писатель стремится с предельной реалистичностью воссоздать картины былого.

Он всегда старается глубоко проникнуть в духовный мир героев, отдающих жизнь за родину. Заключение в крепость Некреси молодого Георгия для душевной поддержки потребовал книгу о епископе Некресском — Абибо.

В период своего могущества Некреси был большим городом, и в нем находился чужеземный очаг огня. Огнепоклонники персы заставляли местных жителей отрекаться от христианства и своей нации. И тогда Абибо Некресский залил тот огонь водой. Персы схватили его, мучили, бросили в темницу, обрекая на муки и смерть. Тогда к нему, «погубителю огня», проникли близкие. Они уговаривали

его согласиться на побег и обещали спрятать. Но он отказался. И на его долю выпали ужасные страдания.

Так Леван Готуа познакомил нас еще с одной историей подвижника-грузина, поднявшего против тирании поработителей. Отказавшись от побега, он обрек себя на страдания и мученическую смерть. И так должен поступать каждый человек, которому дорога родина, — вот вывод, к которому подводит нас писатель.

Леван Готуа не только запечатлел прошлое своей страны, но и отражал современность, своим творчеством пел гимн ее будущему. Всю свою энергию, все силы и талант он отдал служению отчизне и на службе родному народу горел «огнем нерастраченных сил».

Обращаясь к исторической действительности, Леван Готуа ощущал себя не только писателем, которому надлежит воссоздать в художественной форме картины былого, соединяя реальные исторические факты с эпизодами, родившимися по воле писательской фантазии, в ходе его глубоких размышлений, но в одинаковой степени эрудированным ученым-историком, раскапывавшим материал до самых глубин. К работе над романом «Митридат» он приступил только тогда, когда изучил невероятное количество трудов и архивных материалов, как наших, так и иностранных.

Творцом истории в его произведениях всегда был грузинский народ. Потому основное место в его романах отведено выходцам из народа, показу бытовых сторон жизни грузинских племен, описанию их обычаев. Непреходящей литературной ценностью являются описанные Леваном Готуа картины народных гуляний и карнавалов — берикаоба и кееноба. Он как будто умышленно избегал повествований, в центре которых были похождения царей и феодалов, что, к сожалению, часто отягощает исторические романы. Образ родины был для него могущественным стержнем, определившим и развитие сюжета, и поступки действительных или вымышленных героев, и отбор событий или отдельных эпизодов. Говорят, что в литературе тоже действует геометрическая закономерность — если между романистом и его героем такое же расстояние, какое имеет место между реально существующими в жизни людьми, тогда вымышленные персонажи воспринимаются как живые.

В этом смысле любопытны художественные образы романа «Удел героев» — начальника стражи Давида Джандиери и отца Зосиме. Давид Джандиери, безгранично любящий родину рыцарь, с собачьей преданностью служит царю Александру. Но он лишает жизни наследника царя, напоив его ядом, поскольку дела царства были доведены до полного краха, а вокруг царя находились лишь подхалимы со склоненными головами. Царю неуютны преданные стране люди. Симпатии и антипатии автора и, следовательно, Джандиери, Зосиме и других в романе «Удел героев» измеряются только любовью к родной стране. Отец Зосиме с одинаковой беспристрастностью раскрывает глаза и нищему, и наделенному всеми правами венценосцу.

Когда в стране господствуют насилие и меч, лесть, ложь и подкуп, водворяется мрак восточного деспотизма, в котором глаза перестают видеть, а мысль — работать. Беспощадный Шах-Аббас заносит меч над головой кахетинцев с намерением истребить все население страны. И все же находятся силы, которые в этой беспросветной ночи разглядели сияние полярной звезды и в ее свечении узрели путь к исцелению. Эту силу олицетворяют окруженные любовью автора герои: царь Александр, который превратил поиск дороги на север в неотъемлемую часть своей политики и страны кахетинцев, его наследник, преданный последователь и продолжатель его дела Георгий Батонишвили, отец Зосиме, который отправился послом в далекие северные края, не сложенный ни старостью, ни болезнями всесильный начальник стражи Давид Джандиери и возвысившийся при царском дворе крестьянин Заза Кахнаури.

Леван Готуа принадлежал к тем истинным патриотам, для которых углубленное проникновение в прошлое родной страны было не самоцелью и вовсе уж не путем, проторенным к постижению истины, а неопровержимым обоснованием того, что подлинный путь к спасению, единственно правильный путь освобождения от мрака, лежит на север. Он показал удел героев, действовавших в том далеком прошлом, плачевную участь нашего народа и родины, когда Грузия находилась в окружении жестоких соседей, чтобы ни у кого не было сомнения в том, что дорога, проложенная на север, стала дорогой спасения, единственным средством и способом уберечь от гибели весь грузинский народ. Роман Левана Готуа «Удел героев» способствует постижению исторической правды, помогающей соизмерить, осознать, взвесить, тысячу раз осмыслить необходимость пути, по которому пошли во главе с царем Кахетии Александром почти все дальновидные и прозорливые грузинские цари — Теймураз Первый, Арчил, Вахтанг VI, Теймураз II, царь Имеретии Давид и Ираклий II.

С нашествием монголов нашу страну окутала тьма средневековья. Чем измерить всю безысходность мук и бед, угнетения и варварства, выпавших на долю Грузии, когда ее патриоты вступили в схватку не на жизнь, а на смерть? Ценой скольких жизней закладывалась эта дорога! Сколько сильных десниц истинных патриотов строили ее, поливая своей кровью скалистые ущелья от Арагви до Дарьяла! Нужно было пройти через Базалети и Сарабду, Аспиндзу и Ирданиси, сквозь злые козни и самые невероятные требования шахов, султанов и ханов, развешенных в прах грузинскими воинами, чтобы узенькую тропку веры превратить в широкую дорогу спасения народа.

Мудрость бесконечно многострадального отца Зосиме заключается в том, что он ничего не знал на свете такого, что могло бы заставить его преклонить колена перед сильными мира сего.

Жизнь человеческая слишком коротка, и земным радостям и мукам не тянутся долго. Нет нужды пресмыкаться перед временно вознесшимися, пусть это даже и всесильный царь, нельзя унижать и осквернять свое человеческое достоинство и быть кем-либо поставленным на колени, униженным, покорным и постоянно оскорбляемым. Отец Зосиме находит в себе достаточно сил, чтобы быть обличителем, беспристрастным судьей для сильных мира сего и зеркалом, в котором отражено подлинное человеческое лицо. Этот сильный духом человек всегда не колеблясь готов ценой собственной жизни отстаивать свою правду. Он — образец мужества, справедливости, порядочности и стойкости, пример сознательности, беспристрастности. Не побоявшись гнева венценосца, он взял на себя смелость поддержать его брата Нико-Хосро, и произошло невероятное — примирение братьев, дотоле смертельно ненавидевших друг друга. Своим заступничеством и самопожертвованием он сохранил жизнь Нико-Хосро.

Показав пример бескорыстной самоотверженности, писатель нравственно возвысил и нас, читателей, еще более пробудив желание делать добро. Властью своего пера, избегая сухой риторики и назиданий, дидактических проповедей и нравоучительной демагогии, Леван Готуа убедительно показал, как должен вести себя человек, когда на любимого, на ближнего обрушиваются беда и несчастье, какая самоотверженность необходима для поддержки в пору тяжких испытаний.

Произведения Левана Готуа имеют большое воспитательное значение. Все его творчество звучит как призыв: Человек! Не живи бездеятельной и бессмысленной жизнью, твое пребывание на земле должно быть освящено разумом.

Следуя же голосу разума, — убежден он, — человек прежде всего будет служить родной стране, правому делу, стоять плечом к плечу с ближним, который также не щадит себя для родины. «Не проведите свою жизнь в страхе и зависти!» — взывает он к нам.

Любовь для Левана Готуа имеет несколько разновидностей. Прежде всего — всеподавляющее и самое возвышенное чувство любви к родине, требующее абсолютной самоотверженности от каждого — будь то женщина или мужчина, юноша или старец. На алтарь этой любви должно быть чистосердечно принесено все, даже если это придется сделать ценой отказа от желаний, надежд, мечты. В этом внутренняя духовная сущность героев, в которых писатель вдохнул жизнь.

Затем — святая святых, незамутненная любовь к семье. В этом — средоточие благороднейших чувств и нежности в душе человека. На этом зиждется любовь Зазы Каххнаури к Халиане, царевича Георгия к Нателе, царицы Нетеваш к семье и своему супругу.

И еще — любовь неистовая, несбузданная, колдовская, заставляющая человека, обуреваемого любовной страстью, сбиться с пути, утратить равновесие, растеряться в привычной обстановке. Предмет его вожделений преследует его постоянно: в видениях и грезах. Возлюбленная наделяется чертами и свойствами, которыми в действительности не обладает, но ослепленный и безумный влюбленный не способен трезво оценить все. Такое чувство продиктовано честолюбием, жаждой возвеличиться ценой удовлетворения своей страсти. Угрюмая Тамар Амилахвари, властолюбивая, гордая, своенравная в своем неодолимом желании подняться на самую высокую ступеньку общества, чтобы получить право на всех смертных смотреть свысока, не остановилась даже перед тем, чтобы стать женой шаха. Это принесло ей невиданные сокровища, несметное количество золота и драгоценностей, одежду, парчу и атлас, власть над друзьями и врагами, даже покорность родного отца. Но зато под чадрой скрылись ее, как цветущий миндаль, щеки, сверкающие словно жемчуг зубы, принадлежащие теперь только одному шаху. Привыкшая к первенству, она стала первой и среди шахских жен, но, оказавшись на самых высоких ступенях лестницы, стала вселять к себе жалость. Она потеряла родину, потеряла пламенное сердце, преисполненное любви к ней, потеряла сверстников и друзей.

обретя лишь разделенное со многими супружеское ложе. Так в шахском гареме были загублены ее красота и гордая душа.

Писатель считает, что щедрые дары природы человеку, будь то талант, ум, сила, должны быть отданы на службу родному народу, стране. В противном случае, оказавшемуся под чужими небесами, не избежать чадры и рабства, отчаяния и одиночества, безвестности и беславия.

Герои Левана Готуа знают муки пылкой и страстной любви. Бурная любовь к своенравной дочери Амилахвари поразила Зазу Кахνιαური. Здесь, так же как в «Любви измученной» Василия Барнова, «Деснице великого мастера» Константина Гамсахурдиа и «Лашареле» Григола Абашидзе, любовь испытывает сословные ограничения. Однако возвышающее человека чувство заставляет его подняться над этим. И у Левана Готуа любовь борется против сословного чванства.

Любовь Зазы Кахνιαური стремится преодолеть неприступную сословную преграду, уничтожить имущественное неравенство, разбить господствовавшие в том обществе предрассудки и покорить сердце недоступной дочери Амилахвари. В конце концов пламенное чувство Зазы достигает сердца Тамар, ставшей уже женой шаха, заставляет ее сожалеть о собственном безрассудстве. Пренебрегая позором и смертельной опасностью, Тамар примыкает к тайным защитникам своей родной страны, сослужив большую службу стране и родному народу.

Во всем творчестве Левана Готуа постоянно слышится гимн нестигаемому духу грузинского крестьянина, его безграничной преданности родине, неодолимости, твердости и душевной стойкости. Леван Готуа твердо верил в великий смысл и правдивость слов царя Арчила: «Если изнемог крестьянин, Грузия обессилела». И именно потому герои его произведений, вышедшие из крестьянства, предстают людьми здорового духа и смелого мышления. Такими рисует писатель дедушку Окро Кохсаламуру, звоняря Пило, Тутиа, Халиану, Мамуку, русского Матвея, Бабо-Гидиа, Сатино, Хоситу, пастуха Мачуча, сторожа Кака, Сабедо и других.

Разоблачая же изменников родины, он не жалеет ни красок, ни своей ненависти. Художественная правда и психологическая убедительность руководят им при создании образов царей кахетинцев Давида и Константина, Вахо Вахашивили, Омана Чолокашвили и других.

С юных лет увлеченный судьбою Грузии, он искренне и горячо старался внушить всем эту любовь к своей истории.

«История родного народа, — говорит он, — стала для меня прозрачным источником творчества, и, вечно жаждущий, припадал к нему, черпаю и совершенствуюсь».

Леван Готуа всегда был увлечен героическими судьбами многих наших предков. Он до конца осознавал и значение художественного показа этих судеб для воспитания молодого поколения, и влияние его на зрелых граждан. Он верил в силу положительного и отрицательного примера и стремился создать замечательные образы героев, пожертвовавших собой во имя родины. В его романах «Удел героев» и «Митридат», пьесах «Давид Строитель» и «Царь Ираклий», рассказах «Печаль земли Крцанисской», «Блуждающий караван», «Мудрость жизни и смерти» выведены характеры значительные, сильные, люди душевно щедрые.

На автора исторического романа возложена миссия наставника, поскольку воспроизведенные им события служат воспитанию народа, его духовной пищей — таково было убеждение Левана Готуа.

Знакомясь с его творчеством, читатель узнает людей нестигаемых характеров, сильных страстей, тех, кому выпало на долю, выполняя свой долг в беспощадных войнах за независимость родины, пронести сквозь огонь боев опаленный в битвах национальный флаг. Леван Готуа тщательно и настойчиво изучал исторические источники, очень точно и подробно знал все средства обороны, правила осады, приемы штурма крепостей, военное снаряжение своих и вражеских войск, одежду, обычаи, мораль тех времен. Он хорошо знал коварство и пронырливость лазутчиков, дипломатию войны и мира и много других подробностей.

Тяжелые картины нашего прошлого писатель рисовал сдержанно и умеренно. Изображенные им герои, и не только реально существовавшие, но и созданные фантазией писателя, — кровь от крови, плоть от плоти детища своего времени и окружающей обстановки. И даже исходя из того, что действие происходит в далеком прошлом, он не прибегает к подчеркнутой идеализации своих героев, не делает их безупречными, лишенными недостатков. Его герои наделены присущими человеческой природе слабостями и достоинствами, пороками и страстями.

Обладая сильными и темпераментными характерами, в повседневной жизни они в своих интересах опускаются и до бытовых мелочей, и до рязаных человеческих промахов и ошибок. В период же ответственных испытаний сплота проявляются их мужество и самоотверженность, беззаветное самопожертвование во имя родины. Леван Готуа знает, что великие свершения порождены великой отвагой и героизмом и время само рождает героев. И здесь художнику присуще точное чувство меры: за плечами его героев не разглядеть крылышек херувимов, они не уподоблены божествам. Все они сверены с жизненной действительностью, наделены характерами, которым не чуждо ничто человеческое. Они не свободны от любовных страстей, от чувства враждебности, раздоров, зависти. Они способны чувствовать прекрасное, ощущать холод и тепло, и просто, по-человечески выказывают свою радость и обиду. Таков в романе «Удел героев» Александр. Мы видим в нем и отважного, неутомимого борца за свободу своей страны, и искусного дипломата, искреннего патриота, и хорошего семьянина, человека доброго и независтливого, приятного и веселого собеседника, трезво и логично мыслящего. Но мы знаем и то, что он братоубийца и его дорога к трону полита человеческой кровью. Он тиран. Случайно спасшийся от его гнева брат заключен в темницу, и если бы не самоотверженное вмешательство отца Зосиме и Давида Джандиери, он был бы уничтожен.

Царем Александром, по словам писателя, овладел недуг тяжелой злости и жестокости, проникнутой горечью плевел, взшедших на ниве раздробленности Грузии. Этот недуг времени как эпидемия был опасен для всех — от венценосных царей до босых пастухов. Царь Александр развязал братоубийственную войну, он ревнив, безжалостен, вспыльчив, но в нем живут и добрые чувства, и нередко в его натуре добрые начала торжествуют победу. Отец Зосиме, беззаветно любящий родину, разумный, не щадящий сил во имя торжества правды и справедливости, истинный духовный наставник, который всегда служит только добру, тоже не лишен человеческих недостатков. Он вспыльчив и, обличая кого-либо, не знает меры и пощады. В запальчивости он готов лишиться жизни, но не спокойно рассудить и терпеливо взвесить происходящее. Так Леван Готуа, создавая своих героев, сознательно воздерживается от слепой идеализации, беспристрастно показывает их недостатки и достоинства.

Литературное наследие Левана Готуа состоит из огромных художественных полотен, свидетельствующих о необычайной эрудиции, богатой внутренней культуре, остром мышлении, очень четкой направленности ума и широких общественных интересах их создателя. Из его произведений то маленькой струйкой, то мощным потоком проливается огромное человеческое мужество, внутреннее волнение автора, согретое лиризмом, напряженная трагедийность. Леван Готуа был большим художником, чья кисть обогатила не столь уж бедную грузинскую литературу интереснейшими характерами, незабываемыми образами.

Страницы его книг хранят для потомков живые картины самоотверженности, проявленной героями во имя родины, их боевые возгласы и грустные, берущие за душу песни. И если эта преисполненная тоски песня в будущем сможет быть утешением, то боевые клики, знаменующие силу и мощь победителей, будоражат слух и создают торжественно-праздничный настрой.

Своими произведениями Леван Готуа создал гимн красоте, любви, всепожидающей жизни.

Если у колыбели грузинского советского исторического романа стоят Василий Барнов и Шалва Дадиани, а родоначальником грузинского советского исторического романа является Константин Гамсахурдия, то Леван Готуа по праву занимает в этой плеяде достойное место продолжателя их дела и традиций.

ВОСПОМИНАНИЕ

Магнитофонная запись беседы в мастерской Ладо Гудиашвили
9 мая 1972 года

— Батоно Ладо, будьте добры, поделитесь воспоминаниями о японском художнике Фужите.

— Много времени прошло с тех пор, как я расстался с ныне весьма известным японским художником Фужитой. Поэтому сейчас необходимо собраться с мыслями и вернуть воспоминания...

Во Францию, в Париж, мы попали примерно в одно время и поселились в одном квартале. Там же находилось весьма известное кафе, в котором собирались деятели искусства, литературы, культуры. Именно в этом кафе мы впервые и встретились с Фужитой.

На протяжении ряда лет мы нередко выставляли свои произведения одновременно и в одном и том же салоне. Там мы и подружились. Париж в те годы жил весьма интересной жизнью, полной открытий в искусстве, причем следует отметить, что на переднем плане утвердились те художники, которые смотрели в будущее, пытались находить ответы на запросы современности. Париж волновало появление все новых и новых школ. Ими, так сказать, увлекались все люди искусства.

Познакомиться с Фужитой мне хотелось больше потому, что, как я заметил, он был весьма талантливым и мыслящим человеком и художником.

Мени интересовало, в какое положение он попадет во Франции, в каких скажется условиях, удастся ли ему сохранить свое национальное лицо. Постепенно выяснилось, что Фужита сумел очень удачно сохранить национальные элементы, которые сыграли большую роль в его живописи, в его творчестве.

После долгой жизни во Франции Фужита решил остаться здесь навсегда. Он превосходно использовал синтез великой французской культуры, которая помогла ему развить свою оригинальную живопись и в то же время сохранить свое лицо. Это ему удалось настолько хорошо, настолько возвышенно, что он в весьма короткое время добился той славы и того высокого звания художника, которые многим оказались бы не под силу.

Каковы были его интересы, в чем они выражались? Одним словом, ясно что он оказался в том кругу, где вынашивались новаторские идеи. Он часто выступал в больших салонах, в составе тех групп, которые оказали значительное влияние на развитие художественной жизни. Начиная с 1919 и примерно до 1926 года большую роль сыграли в Париже такие родоначальники новой живописи, как Пикассо, Матисс, Дерен, Вламинк и многие другие французские и иностранные художники. Именно они создали большую современную жи-

Окончание. Начало в № 9.

вопись модернистского направления, под которым следует подразумевать и крайний сюрреализм, кубизм, футуризм — первые школы, возникшие в самом начале.

Правда, Фужита в это время был озабочен (не теряя, однако, при этом своею национального своеобразия) поисками того синтеза, который составлял сущность французского строя в живописи.

Одним словом, личная дружба, которая у меня завязалась с ним, выражалась в форме участия в совместных выставках, во встречах в кафе Ротонда и в других местах, на различных диспутах, разборах художественных выставок, творчества различных художников, выставившихся в Париже. Таким образом, Фужита и его живопись постоянно находились в центре внимания.

Как человек, он очень располагал к дружбе, был веселым, человеческим и обладал в изобилии теми свойствами, которые необходимы художнику, и, в первую очередь, большому художнику.

Слава и известность пришли к Фужите очень быстро, так как талант сделал свое, равно как и его ум и сознание поставленных перед собою целей.

Я был и другом, и свидетелем его славы. Как я уже отметил, первый успех пришел к нему очень быстро, с первым его выступлением на том поприще, на котором проверяется обычно каждый художник: чем он обладает, что он может сказать, чего ищет и к чему стремится.

Все же следует сказать, что он любил сложные темы и композиции. Так, например, ведущей темой у него является человеческое тело, преимущественно обнаженная натура, композиционно построенная таким образом, чтобы женщина не потеряла своей прелести, своей доброты. Не избегал он также пейзажей. Все же видно было, что в чем-то он уступал место национальной линии и цвету. В то же время, он весьма обильно использовал элементы парижской модернистской живописи.

В плане повседневном жизнь он воспринимал весьма своеобразно. Встречи в кафе за кружкой пива или чашкой кофе были достаточны для художника, чтобы поднять настроение и расположить его для задушевной беседы. Так встречались десять-пятнадцать художников в кафе Ротонда.

— Можете ли вы вспомнить, как произошла ваша первая встреча с Фужитой, познакомил ли вас кто-либо или встреча обошлась без посредников? А кроме того, не могли бы вы повторить те несколько штрихов из личной жизни Фужиты, о которых я уже как-то слышал от вас?

— Верно, что, если о человеке, тем более художнике, говорить только в разрезе его творчества, это может не полностью охарактеризовать личность.

Знакомство наше состоялось на одной из известных парижских улиц, на улице Ла Боэси. Там находилось множество различных галерей, в которых выставлялись художники тысячи различных манер и тысячи различных школ. В один прекрасный день я очутился на этой улице, на этой прославленной улице и обратил внимание на странные картины, выставленные в витрине одной галереи. Меня это очень заинтересовало, и я со всем вниманием стал рассматривать живопись. Она настолько захватила меня, что я вошел внутрь и познакомился, так сказать, с руководителем галереи, ее хозяином. Затем я спросил его о художнике. Он ответил, что это — японец, недавно приехал и пожелал выставить свои картины у меня.

Одним словом, настолько это заинтересовало меня и понравилось, что я уже не мог оторваться взглядом от картин и я даже спросил его, в каком районе Парижа решил поселиться художник. Хозяин дал мне его адрес, и оказалось, что это как раз в том месте, где я жил, т. е. в квартале Монпарнас. На Монпарнасе и на бульваре находилось множество мастерских для художников, и многие из них поселялись здесь.

И вот однажды в той же Ротонде я встретил художника Фужиту. Я воспользовался тем обычаем, что в кафе можно было сесть за уже занятый столик. Я попросил разрешения сесть рядом с Фужитой и тотчас же сказал ему, что видел его картины в галерее на улице Ла Боэси и что мне они очень понравились. Между прочим, в то время ни он, ни я не блистали знанием французского языка, но нам как-то удалось объяснить друг другу, что мы намерены подружиться и в какой-то степени побрататься в творчестве.

Говорил он со мной с радостью. Спросил и меня, откуда я родом, и прочее. Одним словом, все наболевшее мы очень быстро поведали друг другу, подружились и сумели надолго остаться друзьями. После этого мы уже встречались в салонах, где одновременно выставляли картины.

Виделись мы почти каждый день в кафе Ротонда. Обычно приходил он на встречи один. Как-то я спросил у него: «Ты все время один? Ни отсюда не привез себе подруги, жены, ни здесь не смог занять, ведь это не так уж и трудно». «Да, верно, — согласился он, — но мне пока что трудно создать семью». Затем к нам

подсели еще другие художники, оказавшиеся французами, бельгийцами и представителями других национальностей...

В один из дней... Я хочу вспомнить один эпизод, довольно своеобразный.. Мы сидели группой в том же кафе Ротонда, и в какой-то момент Фужита вышел. Проходит время, а он все не появляется. Я даже задумался, не случилось ли с ним что. Вдруг дверь открылась, и он появился. Подходит к нам, но только не один, а держа под руку какую-то женщину. Приблизился и говорит:

— Прошу вас познакомиться. Это — моя жена.

Большого и не нужно было: французы разразились смехом. «Как же это случилось, — спросил я его, — ты столько времени воздерживался и вдруг решился в одну минуту?» «Что поделаешь, — сказал он, — вот так оно и получилось. Да и как бы там ни было, благословите нас обоих». Все мы обрадовались, расселись, заказали пиво и еще какие-то напитки и устроили, так сказать, первое свадебное пиршество. Да... Эта женщина оказалась затем моделью, натурой и в то же время художницей. Одним словом, они долго были вместе, жили хорошо, сошлись характерами и были дружески расположены друг к другу.

Прошло некоторое время, и к Фужите приехал двоюродный брат из Токио, по фамилии Сесю Кианаки. Представьте себе, что историю, которую я сейчас рассказываю, может быть, и не стоило рассказывать, но она — в подлинном стиле кафе Ротонда. Фужита устроил в своей семье, и случилось так, что тот отнял у него жену, и Фужита вновь остался один. Двоюродный брат женился на бывшей жене Фужиты. Одним словом, об этом эпизоде часто вспоминали в дружеских беседах в кафе.

Но Фужита на этот раз не оставался долго одиноким.

Прошло некоторое время, сидим мы, художники, на террасе. Останавливается автомобиль, выходит Фужита и с ним женщина, наделенная божественной красотой. Они напрямик направились к нашей террасе и:

— Прошу познакомиться, это — моя жена.

«И чем только этот человек занимается — рисует или же улаживает дела брачные и бракоразводные?» — вырвалось у меня.

Одним словом, и это оказалось хорошим эпизодом для него. Жили они хорошо, он несколько раз рисовал свою жену, использовал ее для многих своих картин — ее лицо, тело, изображал ее то обнаженной, то одетой. Картины эти пользовались большим признанием.

— Вы, наверное, бывали в мастерской Фужиты. Как выглядела его мастерская? Были ли у него кошки, которые так часто встречаются в его живописи?

— По меньшей мере несколько раз любознательность привела меня в мастерскую Фужиты. Между прочим, он был очень чистоплотный, в отличие от большинства художников, у которых мастерские выглядели на типичный лад богемы и так же протекали их жизнь и творчество. В мастерской Фужиты царил образцовый порядок. Чувствовалось, что он желал, чтобы посетители видели, в какой чистоте и опрятности он живет. Все нарисованные им картины были сложены в мастерской, развешаны на стенах, неоконченные или только начатые вещи были прислонены к стене, и, одним словом, весьма приятное впечатление оставалось от посещения его мастерской.

У каждого из нас бывает какая-нибудь склонность, близость к какому-нибудь животному или предмету. В данном случае у Фужиты мы встречали множество кошек. Но я знал, что на картинах кошка встречается часто в качестве элемента в композиции с фигурами, с женщиной, мужчиной или столом — всюду была нарисована кошка. Поэтому по мастерской и разгуливали многочисленные кошки, проявлявшие весьма дружеское расположение к Фужите. Он, видимо, был влюблен в них, и они платили ему тем же. Поэтому мы и видим очень часто на его знаменитых картинах множество кошек.

Я и не стал спрашивать его, да и нельзя, неприлично спрашивать, почему, мол, вы изображаете кошек на картинах. Но когда вы видите на его картине кошек в различных композициях, в различном окружении, то здесь они уже оправданы. Настолько оправданы, что, если удалить этот персонаж, композиция, картина могут очень проиграть.

Не знаю, кажется, в дальнейшем он строил тематику картин более обобщенно.

— На картинах Фужиты часто изображены различные натюрморты и среди них — изделия из фарфора. Любил ли он фарфор, имел ли коллекцию фарфоровых изделий, были ли изделия японского фарфора или какие-либо другие предметы из Японии в его мастерской?

— Не трудно было заметить его склонность к коллекционированию, он испытывал необходимость в вещах. Во множестве были у него, например, изделия из фарфора — вазы, изображения зверей. Все это он, видимо, использовал

361363741
УДК 73.01933

для картин. Повсюду на его картинах мы встречаем образцы фарфора, введенные в композицию. И неплохо.

Очень правильно и хорошо чувствовал он, что у фарфора... Ну, у фарфора бывает своя тайна, какая-то фарфоровая воздушность, колорит, так сказать, мягкий, и это, как видно, очень ему помогало. Так что склонность к коллекционированию предметов у него была.

— Бывал ли Фужита в вашей мастерской? С вашим искусством он, конечно, был знаком по выставкам. Видел ли он ваши произведения у вас в мастерской? Какое впечатление они произвели на него? Наверное, вы создали ему первое впечатление о Грузии?

— Наша дружба выражалась, разумеется, как в участии в выставках, так и в посещениях друг друга в мастерских, во встречах. Помню, однажды уже темнело, когда мы вышли из кафе и должны были пойти домой. Я попросил Фужиту подняться ко мне, чтобы показать ему свои работы. Он не отказался и поднялся. При освещении электрической лампы он осмотрел мои работы, которые я собирался послать в салон на выставку. Между прочим, он с первой же встречи знал, что я был из той страны, которую зовут la Georgie, хотя и трудновато ему было сразу понять, где именно она находится, какова она и какая у нее культура. С этим я постепенно познакомил его, он постепенно узнал, что существует такая оригинальная культура, что приехавший из этой далекой страны человек знакомит с нею Париж на художественных выставках. Он очень обрадовался тому, что дружит в моем лице с представителем такой страны.

Между прочим, ему было несколько трудно постичь мою тематику сразу, но сам же он сказал мне: верно, у вашей страны характер особый и культура своеобразная, коль скоро у тебя выведен такой типаж, коль скоро ты рисуешь такие картины, в которых принимает участие народ. Особенно понравилась ему тематика старого Тифлиса, о котором у него не было до того ни малейшего представления. Не только Фужите, но и некоторым известным французским искусствоведам было очень трудно сразу разобраться в этой тематике.

По возвращении на родину я постоянно вспоминал о Фужите, о его теплом отношении ко мне, и дружба наша по сегодняшней день сладостна и приятна для меня.

— Помните ли вы то первое произведение Фужиты, которое вы увидели в витрине картинной галереи? Что оно изображало?

— В первых произведениях Фужиты, которые я видел, преобладали своеобразные пейзажи и многофигурные композиции малых размеров и, между прочим, характер у них был очень национальный. И это понятно, ведь он только приехал. В дальнейшем он, разумеется, менялся... В великой стране он все же должен был считаться с великой культурой. Поэтому синтез — слияние французской культуры и японского искусства — осуществлен им так удачно и виртуозно, что это в сильной степени обусловило его оригинальное лицо как художника.

ИНОЙ ИБЕРИИ КАРТИНЫ

Игнасио Сулоага (1870—1945), «Испанка на улице», полотно, масло, Львовская картинная галерея

Человек, который вошел в маленькую мастерскую художника на улице Югенс, представился:

— Игнасио Сулоага.

Посетителю уже перевалило за сорок, но выглядел он примерно как и на недавнем автопортрете, описанном писателем, критиком, актером и будущим основателем театра «Старой голубятни» Жаком Копо:

«В таком виде, как он изобразил себя и каким его можно видеть здесь, Игнасио Сулоага представляет собой, на сороковом году своей жизни, прекрасный образ человека победоносного и спокойного, силу которого закалили, не расшатав его нервов, жизненные испытания и борьба с самим собой. Этот продолговатый овал лица, эти солидные черты, этот высокий лоб с мягкими и мощными изгибами, эти глубоко сидящие голубые глаза, этот прямой и смелый взгляд обладают подкупающей откровенностью. Широкие плечи, раздавшаяся грудь, ловкие и крепкие руки не избегали никакой ноши, не боялись никаких препятствий. Они были резкими и терпеливыми в труде и в игре».

Еще бы не дышать уверенностью модному художнику космополитического Парижа, с завидной плодовитостью варьировавшему образы старой и вечной Испании, ее городов и ландшафтов, гитан, сводных сестер неотразимой Кармен, и, конечно же, жгучих испанок с горделивой осанкой.

Увидеть одну из них на улице — значит увидеть целое зрелище. Жгучая бронетка в свободно ниспадающем темно-синем платье и зеленой накидке с веером в руке и двумя красными розами в густых кудрявых волосах мечтательно приподняла голову и устремила вдаль блуждающий взгляд. Властный профиль ее читается на фоне серо-зеленой улицы и стен двух слепившихся домов.

За ее спиной, там, где в общих чертах намечены, со спины, два мужских силуэта, — желтоватый просвет от проникшего сюда косо солнечного луча, который играет и на лице испанки, и на темно-зеленой накидке на ее плече. Луч света выявляет переключку двух красных роз с розовым пятном на щеке женщины. Три розовые пятна приглушены, в унисон другим цветам, в которых есть нечто от «общеспанского» колорита и от «проекции во времени», приобщающей происходящее к предыдущему вековому ряду работ испанской кисти.

Вблизи живописные мазки следуют волнообразному движению. Но волны контролируемы, и их амплитуда не очень широка. В виднеющемся в углу картины куске неба волны слегка завихряются. Однако на расстоянии нет ни волн, ни завихрений, а есть некая упругая атмосфера, которая, колеблясь, омывает гордую осанку прохожей.

Черные, засученные в гетры брюки одного мужчины, смутно просматриваемая черная плоскость его шляпы и темный силуэт другого, равно как и черные обводы оконных рам, выющиеся волнистой линией оборки на синем платье испанки, и вообще, расписанный по картине элемент черноты отдаленно роднит полотно с пироманиевским колоритом и с колоритом раннего Гудиашвили. Разумеется, точки соприкосновения — наиболее общие: в склонности к темноте и приглушенности или, напротив, к ярким цветовым контрастам на темной же основе. К тому же, в отличие от откровенной пироманиевской черноты, черный цвет у Сулоаги имеет коричнево-красноватый оттенок, который резонирует и утверждается преимущественно не на серо-зеленых стенах, где его больше ожидаешь, а в просвете галереи на первом этаже (чем-то напоминающей старотифлисские айваны*, в изобилии встречающиеся и у Гудиашвили) и на мостовой.

Женщина проходит посередине улицы. Происходит беззаботно-южная фокусировка на яркой и своенравной личности. Сценке сопутствует особая музыка настроения.

Нестройной вереницей в угол картины вбегают буквы подписи: «Izuloaga». От того, что фамилия начинается со строчной, она сливается с инициалом, и получается, как в сложных знатных именах сеньоров, тянущихся как коса китайца и с их бесконечными «и»: Исулоага.

У трех розовых пятен (двух роз и щеки) — свои краткие и малые отголоски: ноздря и веко. Их естественная совмещенность питает пространство испанской улицы пурпуром роз. Да и сами-то розы «выкручены» кистью художника в сходной с волосами текстуре, будто они — видоизменившиеся кудри черных волос, вдруг заигравшие рыжеватокрасным пламенем.

Более или менее горизонтально расположенные три красноватые пятна роз и щеки вместе с красновато-коричневой широкой полосой материи, которой подпоясан мужчина, виднеющийся за спиной женщины, создают восходящую дугу, баллистическую траекторию снаряда, идущую в направлении движения испанки и проецирующую ей вослед всю живописную массу. Над этой дугой расположена другая, нисходящая из двух наглухо закрытых окон и темной массивной двери соседних домов. Дуги мысленно скрещиваются на минимально почетительном расстоянии «перед носом» испанки, где-то на той линии, которую прочерчивает направленный вдаль мечтательный взгляд ее черных глаз.

Красные пятна убывают по интенсивности от мужского пояса к щеке и губам женщины, светлеют навстречу солнечному свету.

Веер, фаланги цепких пальцев и ниспадающая от рукава фалда испанки волнообразно рассекают воздух.

Что же привело поклонника Эль Греко, коллекционера произведений искусства и баловня судьбы, сына Иберийского полуострова к картинам иной, неизвестной Иберии? Что послышалось Сулоаге в поющих телах гудиашвилевских грузинок и что усмотрел он в пирушках странных людей со звучащим на испанский лад определенным «кинто»? И почему перед оробевшим юношей он начал отбирать одну его картину за другой?

Когда в ответ на вопрос о цене Ладо Гудиашвили сказал, что он дарит маэстро понравившиеся ему полотна, испанец не пожелал принять дара и настоял на том, чтобы расплатиться золотом. Очередные американские миллионеры ждали Сулоагу в салоне роскошного особняка, когда его порог переступил Гудиашвили.

Резные деревянные балконы.

А что было потом с грузинскими картинами? Переплыли ли они под звуки зурны океан, как часть коллекции Сулоаги, или прислушиваются ныне к грузинскому звуку шагов в Прадо? И смотрит ли на них с противоположной стороны блуждающим, заволакивающимся взглядом жгучая испанка с алой розой в волосах?

III. Кинто и химеры „Химериони“

КИНТАУРИ В ОЖИДАНИИ ХАШИ

«Хаши», масло, 1919

Картина центробежна. Ее двигательный центр, как ни странно, — неподвижный столик посередине, с двумя бутылками, рюмками, парой огурцов, пучком лука и салфеткой с изображением ланей.

Толчок происходящему сообщают четко скрещенные ножки стола, продолжение которых расходится в верхние углы полотна: так с первыми тактами музыки ожидаешь каскад пируэтов и па от скрещенных ног застывшей в исходной позиции балерины. Если по отдельности у каждого кутилы своя слагаемая движения, самостоятельное телесное волеизъявление, то вместе три кинто, сидящие слева, тянут полотно влево, а двое других — вправо.

Один из собутыльников отдался дреме на пустой желудок, с не отлетевшими ночными бессвязными образами: тяжело опирается на колено, будто решил провалиться в тартарары. Наискосок от него грузный, неуклюжий кинто — прямая ему противоположность. Изогнувшись, оттопырив резной пояс, вытянув на бычьей шее яростное лицо с налитыми кровью глазами и угрожающе свисающими усами, с севшей на голову густой копной волос, обнажив хищную белизну зубов, он лихорадочно вытянул вверх руки, то ли чтобы приподнять свою тушу, то ли чтобы ухватить побольше воздуха или подтянуться на несуществующей перекладине.

Кинто раскачиваются на концах незримой доски детских качелей и заключают в себе задачу по физике из школьного учебника, с приложением двух вертикальных, но противоположно направленных сил. Перекликаются друг с другом и кинто по углам стола. Если соединить их попарно, получится буква Х, повторяющая, на более высокой плоскости, перекладину ножек стола. Зрительно иксообразные построения наизаны на ось картины — дверной косяк. Двое по углам стола более сговорчивы. В них живет срединное веселье, не впадающее ни в летаргический сон, ни в конвульсивный животный порыв. Намечены и решены они в преломлении грузинского танца. Начиная с этой находки, элемент народной музыки неизменно преломляется в живописи и графике Гудиашвили.

Кинто в глубине приподнялся, поддерживая кистью подбородок и оттопырив локоть, будто жеманно плывет в танце кинтаури.

Приятель, наискось от него, что-то высматривает за пределами картины, но уже приложил руки к талии, примерно к середине пояса, запустив большой палец за пряжку, готовый, в свою очередь, пуститься в пляс. Его руки и локти начинают мерно выгибаться, тонкие усы щеголевато закручены вверх.

Четверка кинто дружно взялась за работу. Эти двое растягивают полотно по диагонали, те — по вертикали. Причем подалеже от нас кинто под шумок выпускают на волю тайную пружину сценки: статист под занавес уйдет вверх вправо, а приготовившийся плясать любитель хаши пойдет в пляс на зрителя.

Не много ли уравновешенности для бесшабашной пирушки? Поправку внесит пятый кинто, ступешанно прислонившийся к окну. Опирается он плечом, отчасти спиной. В его позе — смесь мечты, размышления, лени, чувственности, плотоядности, отрешенности, своеобразно понятой рыцарственности и статичного чувства собственного достоинства. Кинто, подобно футболисту вне игры, остро осознает ее правила. Про себя он думает:

— Посмотри на меня и ты поймешь, зачем они здесь.

Жизнь города за стеклом сливается и расплывается в водяных разводах.

А хаши? На столе пока нет рассветного лакомства, которое возвещают краской выведенные на витрине кабачка зазывные слова без знаков препинания — в них поэзия и сильные чувства не нуждаются: «Чай Хаши». Но приникшие к скатерти вышивка, зелень и огурцы терпеливо ожидают обжигающего артиллерийского залпа по небам. Может быть, поднос с дымящимися потрохами первым заметит победно вытянувший вверх руки кутила?

Запахи хаши кружат голову, и кинто кружатся в кинтаури.

«Кутеж на воздухе», масло, Париж, 1920

Кучер резко тормозит. От неожиданности и удивления шеи лошадей вытягиваются до неестественных размеров, их морды со ржанием расходятся в стороны, так что головы и шеи образуют спиной друг к другу прислонившиеся два вопросительных знака. И хотя, конечно же, они не новички и не впервые застают людей в странной неподвижности, лошади раздувают ноздри и диву даются.

Люди куда более податливы на отрететированные марионеточные реакции! Двое мужчин в тарантасе, не сговариваясь, вытянули вверх руки, словно они сдаются, душой и телом, на милость кутящей компании. Впрочем, их несомненно радостный порыв и благодушный жест, возможно, не менее самопроизвольны, чем недоумение лошадей. Вот только когда они сойдут с тарантаса и присоединятся к тесным кольцом обступившей стол компании, поостынут их ликование и восторженная жестикуляция. Среди сотрапезников для них не найдется даже рассеянного взгляда. Никто не повернул голову на звук резко затормозившего экипажа и не оценил призывного ликования седоков. Не больше чем разложенную на белой скатерти снедь: ни одна челюсть не жует ни малейшего куска рыбы, шашлыка или соленого огурчика.

И тогда лошадиные шеи молчаливо настаивают на своем вопросительном знаке: «Присоединиться ли?».

ДЕРЕВО И ПОЗВОНОЧНИК

«Тост на рассвете», масло, 1920

Пейзаж в глубине прояснился, наметились домики, ручейком изгибающиеся дорожки; ватное набивное деревце, подхваченное свежим утренним воздухом, как детский шар на нитке, держится за землю. Ближе к нам — ромб стола с белоснежной скатертью, залитой молочным светом, и витринный натюрморт с нанизанными на вертел баклажанами и помидорами, стоящей и театрально опрокинувшейся бутылками (так умело падает премьерша на сцене, чтобы не было больно). Последнюю придерживают головами три безжизненные рыбы. Остальные аккуратно лежат на тарелке, сливаясь с осью ромба, почти геометрически, с небольшим отклонением, делящим живописное пространство надвое. На краю столика смешно изогнулся и наклонился кувшин. Он вот-вот спрыгнет и побежит в сторону виднеющегося пейзажа и пытающегося оторваться от земли деревца.

Знакомая игра диагоналей. Женщина рукой опирается на стол, другой держит рюмку, наполненную вином, и искоса смотрит на кинто, сидящего справа. В выражении лица и в глазах женщины — страх, опасливость, подобострастие. Кинто с отсутствующим видом сидит в причудливой позе. Однако пора свянуть с мыслью, что позы гудиашвилевских персонажей недостоверны в бытовом смысле, но достоверны в смысле глубинном и в трактовке характеров. Итак, кинто выгнулся и прогнул руку, опирающуюся на колени так, будто рука — вовсе не его, а принадлежит делающему стойку акробату. Вытянутые пальцы свободной руки сконфуженно прикрывают ухо. Скошенные глаза, приплюснутая голова, полоса усов, сливающаяся со складкой рта... Кинто не руку приложил к уху, а — ракушку и прислушивается к гулу далекого моря.

Другая ось — прислонившийся к дереву и дремлющий, как на «Хаши», кинто. Прислонился он к стволу дерева, продолжающему линию его позвоночника. Спина сплюснулась, клыком опустился ус, безвольно повисли клок волос и рука. На другом конце диагонали — театрально упавшая бутылка. Содержимое ее перешло в тело кинто, и оба они — и тело, и бутылка — поникли. Вещь и человек взаимопроясняют друг друга.

Рядом с прислонившимся к дереву кинто — другой, трезвый, укоризненно смотрит на собутыльника, держа две пиалы, из которых принято пить особо важные тосты и осушить которые адресат уже не в состоянии.

Чем больше овладевает художником материал, тем явственнее проступает в его вещах мягкая ирония, незлобивый подвох, уготованный зрителю рассеянному и вознаграждающий вдумчивого, сомечтательного.

Мажорна удивительная «Рыба цоцхали» и едина как музыкальный аккорд. Герония его — серебристая, влажная, еще дрожащая от насильственного расставания с водой рыбка, выловленная в чудодейственном потоке. Вместе с рыбами вынырнул из голубой прохлады рыбак. Рыбак ли? Скорее — Дух Рыбий с непередаваемой колдовской и ехидной улыбкой, растягивающей мясистую, жилистую поверхность его лица лучами, расходящимися от переносицы.

Лучи вытянули на своем пути глазную впадину, вздутие бровей, подтянули яблоки щек, оттянули подбородок, растянули скулы, играя с лицом как с резиновым мячиком или с куклой в спектакле марионеток. Лицо Духа — как бы прогибающаяся на земле, готовая одним прыжком вернуться в воду рыба.

Но и тело Рыбьего Духа, отливающее алюминием, холодно поблескивающее, ловко подстраивается под рыбе. Неизвестно, заканчиваются ли пальцами его руки, держащие поднос с уловом. Скорее всего, поднос поддерживает, вместо ладони, плавник.

Вынырнувший вместе с подносом и рыбами из воды Дух — на мгновение застывший поток. Мотив заторможенного движения тут же, за головой Духа, варьируют и дополняют две белые лошади, притаившие коляску с кутилами и воссевшим на козлах кучером и упершиеся в землю. Лошади неподвижно вперили взгляд в трех подошедших вплотную к ручью кинто, вздули ноздри, навострили уши, замерли в недоумении и ожидании. В гладкой поверхности их тел, в грациозном изгибе, в великолепных лошадиных мордах и в мягком взгляде — родство и общность с неумной серебристостью на подносе. Белая дуга лошадиных крупов модулирует изгиб локтей и шен Рыбьего Духа и отсылает, совместно с ним, к центру происходящего.

А там — упомянутые кинто, три различные и взаимодополняющие ноты одного предкутежного настроения. Расположение рук точь-в-точь то же, что и на «Хаши», с той разницей, что рука на уровне бедра принадлежит одному кинто, а рука, приложившаяся к уху, — другому. Первая — все та же рука трапециста или акробата, опирающаяся, на сей раз, на воздух или касаясь бедра. Два рядом стоящие тела живописно накладываются одно на другое и, отчасти, могут слиться, точно так же как голова переднего кинто частично заслоняет лицо стоящего за ним. Некая двуединая фигура кинто синтезирует два разных состояния. Криптограмма рук взята Гудиашвили, как и другие части азбуки тела, из грузинской жизни.

В присутствии рыб, чтобы не ударить лицом в грязь, тела кинто прогнулись гибко и самодовольно. У переднего кинто, полнее представленного, грудь колесом. Его облик передает невыразимый словом внутренний трепет в присутствии чуда жизни. Так замыкается цепь общности между рыбой, лошадью и человеком.

Трое кинто, одновременно, — три живописные фигуры и три характера. Заправляет делом передний кинто, не ведающий сомнений. Под резким углом сложенный ус — графическое выражение его квадратных движений и вперившегося в рыб свинцового взгляда. Прикрывший ухо, за ним, — мечтатель, а склонивший безвольно голову к головам приятелей третий кинто за их спинами — послушное орудие их времяпрепровождения, меланхолик и преданный друг. Он даже подобострастно и бессознательно повторяет нырок руки переднего кинто, то ли опущенной на бедро, то ли соприкасающейся с ним только.

Несколько музыкальных нот представляют собой оставшиеся сидеть в коляске дружки с озаренными и предвкушающими трапезу лицами, держащие на коленях игрушечный домик, а точнее — шарманку, и восседающий на козлах кучер в зеленой ливрее, с напяленной на голову шляпой. Кстати, шляпа и ливрея — единственные и гротескные в общем контексте чужеземные реалии, если не считать одежды горожанина, силуэт которого намечен перед корчмой в глубине.

Гуляки с горизонтальными усами протянули вкрадчивый и хищнический, косой, лживый и пристальный взгляд в сторону Рыбьего Духа. Выражение странного взгляда проясняется, как только посмотришь на лицо кучера: густо раскрасневшееся, вздущееся, с приподнявшимся подбородком и застывшими в чмокании сомкнутыми губами, собравшими в единый пучок кончик носа, стержень усов, близлежащие участки лица и щек. Глаза серо-синие, взгляд и облик — кошачий. Да, кучер и есть переодетый Кот, и его откровенно хищнический инстинкт лишь приглушен и, согласно правилам общежития, ступешеванно разлит на лицах клиентуры.

Хозяин маленькой харчевни издает наблюдает за сценой, а живописная масса полотна варьирует тему Рыбы Цоцхали. Покрытая желто-зеленой травой лужайка вздувшимися буграми опускается к воде, словно и она затормозила сползание вместе с точеными копытцами двух опустившихся на нее худых породистых параллельных конских ног. Копыто уперлось в землю перед красным цветком; еще шаг — и он был бы скомкан и втопан. Конское копыто щадит красоту жизни в цветке и преподает немой урок и Рыбьему Духу, и едокам цоцхали.

Небо — в белых разводах волн морского прибоя, легкой зыби. Так воздух превращается в воду, солидаризируясь с маленькой героиней чарующего летнего дня.

ЗА ГОЛУБЫМ ЗАНАВЕСОМ

«Мечтатели из Ортачалы», бумага, карандаш, 1920

На бугорчатой местности лежат трое кинто, трое размечтавшихся человеко-рыб, вслушивающихся в зов своих видений — сирен.

Поблизости, передразнивая их, легли порожние бутылки и стянутые в талии рюмки, напоминающие миниатюрные медицинские банки.

Третий кинто в глубине уснул, кольхаясь в чудящихся ему волнах.

Два других салютуют проплывающим мимо рыбам.

Взгляд кинто постарше сосредоточен, несколько обижен, взгляд кинто помоложе, за ним, умилен и увлечен увиденным. Руки их, в знакомом жесте, одна приложена к уху, а другая, изгибаясь, как сладострастная танцовщица в гареме, касается бедра. Кинто плывут в противоположные стороны, разминаясь, как встречные лодки.

Но где, на каком уровне воды? На дне ли, покрытом водорослями и усеянном порожней посудой, или на поверхности воды, на суше?

Очевидно — в воде, потому что две рыбки успели вкрась в рисунок, пока его рисовал художник и плывут навстречу друг другу, играя в «друзей кинто».

Как и бутылки, рыбы огибают крошечные раскачивающиеся на волнах буера-рюмки из не известной пока что человечеству прозрачной пробки.

Между зрителем и происходящим — волнистый голубой занавес воды. По телам кинто и, особенно, того, что помоложе, по его обтекаемым, как водоросли, ногам в шароварах пробегает живительная прохлада.

Избирательный карандаш высвобождаст из толщи ощущений певучую линию, многократно промытую, как очертания коралла.

НА УЛИЦЕ

«Веселая прогулка», бумага, карандаш, Париж, 1921

Пятеро тесной группой идут по улице. Двое передних кинто — как бы лощадки, которые тащат за собою остальных в коляске: среди тех лишь шаровары и ноги одного кинто намечены бледным карандашным штрихом. Поэтому и кажется, что они не идут, а сидят в открытом тарантасе.

И у «Веселой прогулки», как, практически, у большинства созданий Ладо Гудиашвили, есть свой штатный «запевала», вожак. Он шествует впереди, облаченный в особо жирную карандашную линию, щедро отпущенную ему на весь рост.

Ворот расстегнут, на груди цепочка часов, опущенных в кармашек под сердцем. Комичная цепочка, выставленная напоказ, хвостоватый кинто! Свободно спадающая одежда вяло обхвачена металлическим поясом, свисающим ниже талии, у той черты, где начинаются владения привольных шаровар. Ноги сбтгивают разрисованные носки, опущенные в остроконечные туфли.

С незначительными индивидуальными отклонениями та же униформа — на остальных. Групповые персонажи гудиашвилевского мира, подобно стоглавой гидре, зачастую вылеплены из одного теста.

Непрерывным атрибутом мужественности служит головной убор, о котором в городском фольклоре поется: «Я тоже мужчина, на мне — шапка». Практическое назначение кинтовской фуражки — защищать от палящих лучей щедрого тифлисского солнца, реже — от струй кратковременного и никем всерьез не принимаемого дождя. Но польза от кромки щегольского козырька, право же, минимальная. Зато молодой полумесяц козырька, как и нагрудная цепочка, с головой выдает страсть кинто порисоваться.

На фоне старотифлисского каталогизированного быта кинто олицетворял/вольную стихию фантазии и выходок. Кинто украшал город, служил его, амб-лемой, создавал атмосферу для увеселения богатых горожан, посредничал между ними и естеством жизни, соблюдая правила игры (и живя с нею). Свобода кинто — оговоренная свобода далеких побочных отпрысков средневекового карнавального веселья. Снять шапку, под страхом скандального неприличия, кинто не волен, но уж нахлобучить-то ее он может как угодно. В положении шапки — характер кинто.

Вожак в сильной степени обладает чувством собственного достоинства, он поглощен своей персоной и еще одним потешным обстоятельством, о чем ниже, и ему нечего озираться на других. Соответственно фуражка непринужденно облегает его голову: по ней прошлась ловкая, искусная рука и пригладила ее в последний момент, так что примерно от темени материал ложится двумя ровными волнами, оставляя для обозрения уголок блестящей черной шевелюры, тщательно причесанной и переливающейся на свету. Козырек фуражки избегает педантичной, папахивающей мещанством и навевающей скуку симметрии, но остерегается и чрезмерного, дискредитирующего предводителя легкомыслия: он только слегка сдвинут вправо. Часть шапки под козырьком не слишком вздутая и не слишком плоская. Для власть имущих достоячна функция напоминания, ссылки на свои прерогативы. Пусть другие выбиваются и выслуживаются.

На головах остальных кинто козырек прихватывает бровь, прикрывает ухо или же лежит привольным обильным блином — в меру благодушия владельца.

Тело вожака пластично и податливо, будто оно — гуттаперчевое, без костей и ребер и, как глина под пальцами скульптора, может принимать любую форму и застыть в любом изгибе. Гуттаперчевый кинто — находка для художника склада Ладо Гудиашвили, который непроч поиграет с природой, перехитрить ее. А тут еще соединяющая тело с квадратным подбородком широкая шея вырастает, как подымающееся на дрожжах тесто или высунувшаяся из ракушки улитка. На шеях великаньих улиток незаметно вибрируют умиротворенные пропущенной пищей и одурманенные винными парами головы прогуливающих кинто.

Лицо вожака в меру нейтрально и непроницаемо для непосвященных. С таким же меланхоличным и камуфлированным, ничего определенного не говорящим выражением лица, с устремленным в одну точку, слегка взгрустнувшим, но вовсе не печальным, а попросту достойным взглядом кинто мог бы присутствовать и на богослужении, и на похоронах, и на свадьбе. Всюду надета им универсальная маска соответствовала бы конкретным обстоятельствам, никого не шокируя, по той простой причине, что на свадьбе она воспринималась бы как свадебная, на похоронах — как похоронная и на богослужении — как набожная. Вот только из-за непривычности длительного усилия сосредоточение взгляда неминуемо влечет за собой приподнятие бровей.

Что касается веселой дружеской прогулки, то тут уж меланхолический взгляд кинто — им же самим придуманный трюк.

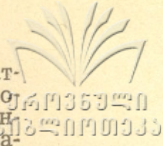
Несколькими пальцами правой руки кинто за горлышко вертикально поддерживает в воздухе опрокинутую порожнюю бутылку, на донышке которой лежит блюдце с приталенной рюмкой (по образу и подобию кинто). Придерживающие горлышко три пальца собраны так, как грузинский крестьянин берет пучок цицматы или тархуна¹, чтобы опустить его в соль, зажимает ломтик дымящегося мчади² и несколько приправленных, обжигающих небо красных фа-солинок.

Кинто на ходу эквилибрирует бутылкой. Уточним: бутылка — не в строго вертикальном положении, а слегка наклонилась вперед. При малейшей потере равновесия бутылка и рюмка с вином упадут. Поддерживая равновесие, вожак демонстрирует ловкость и сноровку — главные и необходимые свойства «совершенного кинто».

Если ловкий кинто задает тон веселой прогулке, то, по обратной связи, тон его телу и облику задает запрокинутая бутылка с рюмкой, которой он щеголяет перед невидимыми восторженными зеваками на улицах старого Тифлиса. Особую прелесть и изысканный привкус происходящему придает то, что друзья, нужно полагать, предварительно подвыпили (в компании один кинто на приложенной ко вздутому животу шарманке и сейчас церемониально несет блюдце с четырьмя рюмками и тарелку со скромной снедью — предположительно зеленью или соленьем; пятая рюмка, выставленная теперь на обозрение города, стояла, конечно, на том же блюдце, рядом со своими сестрами, пока проказник кинто не подхватил ее вместе с бутылкой), и это, в глазах знатоков, удваивает ценность проделываемого упражнения на равновесие.

¹ Цицматы, тархун — зелень.

² Мчади — кукурузная лепешка.

Понятно, что в данный момент бутылка с блюдцем и рюмкой без остатка приковывает к себе честолюбивые помыслы вожака. В поддержании равновесия стеклянных предметов — дело его персонального престижа: за ним заинтересованно следит подвыпишшая компания, причем набор взглядов простирается от сосредоточенно-серьезного, через мальчишески заинтригованный, к внешне независимому и будто отсутствующему, но на самом деле по касательной траектории опускающемуся на посуду...

На минуту фетишизированный стеклянный сосуд диктует кинто живописный изгиб его тела: грудь колесом, зубцом вилки вперед наклонившиеся шея и голова, под ребра втянутый живот, жеманно приподнятое бедро, осторожная мягкая поступь обутых в эластичную восточную обувь ног и, наконец, приподнявшееся плечо, в танцевальном или гимнастическом приеме оттянутый локоть, молодецки положенная на пояс рука. Кинто красуется и выслуживается перед бутылкой, как он это сделал бы перед пленившей его воображение жгучей красоткой или перед набитым золотом мешком.

Рядом с вожаком другой кинто держит угол свободно ниспадающего платка в крапинку. Такие декоративные платки выхватывались в нужный момент из-за пояса в танце кинтаури. В ритм танца помахав в воздухе платком, кинто в кульминационный момент опускал его на пол и, широко расставив ноги и вытянув крыльями руки, рядом последовательных движений нагибаясь, постепенно, как заводная кукла, приближал к полу лицо, схватывая зубами платок и, мгновенно выпрямившись, под одобрительные хлопки торжественно заканчивал танец. Обнаженный кинтаурный платок по соседству с запрокинутой бутылкой проясняет ее сакральную роль.

В атмосфере веселой прогулки — мальчишество, затаенная потребность в ученических забавах у зрелых мужчин. Однако такова уж природа кинто, этих никогда не взрослеющих ребят старотифлисской улицы.

МУЗЫКА НОЧИ

«Цхнетская серенада», полотно, масло, 1958

Мизансцена скупа и лаконична: пустынный ночной луг, мягкие перекаты гор, темно-синее небо и полная луна. На лужайку допущены, после тщательного отбора, мутака, серебряный кувшин с орнаментом да еще гитара, без которой и серенады бы не было. Под таким решением под стагь подписаться Жану Вилару. Так обстоит дело по части реквизита, а о костюме позаботилась природа. Лежащая на лужайке молодая женщина локтем опирается на мутак. У ее ног осел, став на задние лапы, передними бренчит на гитаре. Треугольник связывает немислимое созвездие: луну, женщину и осла.

Стоит теплая летняя ночь, и молодой женщине не холодно, обнаженной, на траве. Методичный ум, пожалуй, возразит, что под нашими умеренными широтами и в самую теплую ночь трава достаточно влажная, а земля — сырая, чтобы возлечь на ней в костюме Евы. И тогда в оправдание останется лишь сказать, что на то воля художника и его тайный замысел.

Потому не подчиняется ночному мраку и его палитра. И хотя цветные импульсы женского тела приглушены в унисон лунному свету, розовый по-прежнему служит им основой. Сумерки легкой губкой скользнули по налитым, зрелым формам, сняв не идущий ночному смирению дневной нагар розовости. Но розовый ток продолжает течь под атласной кожей, всплывая к поверхности где-нибудь у колена, повыше живота, на груди или щеках. Зато широкой волной разлилась по телу зелень луга, словно ставшее между зрителем и полотном тонкое стекло, окрашенное настоем мяты. Мята с розой, разведенные на молоке, стремятся охватить тело невесомой растительной дремой.

Прекрасно в состоянии покоя обнаженное женское тело, где все гармонично и взгляд отдыхает, плавно увлекаемый в русле неуловимых переходов цветной светотени и умеренных объемов, закругленных углов и незаметных изгибов. Но и само естество украшено из опасения как бы необъятная грубая масса ночи не украла его красоты. И тогда захлебнувшаяся краской и набухшая от нее кисть сначала ревниво сжимает свою драгоценную нощу, а почувствовав под собой шершавую поверхность холста, вдруг разжимает свои волоски и награждает его маленьким и неударимо сияющим кристаллом цвета. Еще и еще раз. Так возникает золотой браслет с вправленными в него драгоценными камнями. И впрочем ему рабские шепоты ночи: «Молчи. Не сияй. Заглохни».

Пусть к ним прислушиваются бледно-кисливая мутака, намертво обхваченная ободком тоскливой ночной прозелени, кувшин, покорно натянувший на себя пробегающие по окрестным склонам коричневые и зеленые тени, сами безликие тени того коричневого и того зеленого, чем они были в снопах сол-

иенного света. Что возьмешь с бесчувственного металла, с одинаковой быстротой пропускающего через себя дневное тепло и, не пытаясь даже задержать его подольше, с такой же легкостью отпускающего его и ледяющего, как только к нему прикоснешься?

Глядя на эти покорные, на все согласные предметы, раздосадованная кисть ищет, как бы еще несколькими мазками засвидетельствовать бодрствование прекрасного, и оставляет непочтительные от нетерпения красно-оранжевые и бело-голубые следы своего прохождение на головном ободке и краешке вуали. А чтобы выделить площадку, занимаемую красотой в пространстве, кисть проводит ограничительную кизило-малиновую полосу тупелек, упирающихся в глухую прозелень и отстраняющих сухую бесформенную тень, отбрасываемую на этот, и без того унылый, луг фигурой осла.

Между ослом-гитаристом и неподвижно вытянувшимся кувшином, таким же бессменным девичьим атрибутом, кочующим из одной народной песни в другую, как неизменно сопровождали царей скипетры и палицы, на лоне погасшей природы девушка дремлет. Дремлет картинно, как гудиашилевская женщина. Нет, она не приняла эту позу в момент, когда клочок за клочком ее прелести стали переметываться на полотно. Девушка и сейчас не знает, что она на полотне и что на нее смотрят. Просто ее здесь заметил художник, привыкший накладывать свой холст на людей повсюду, где он их застает в такой позе, о которой почему-то думают, что она встречается только на картинах, и потому называют ее «картинной». На самом деле люди нередко выглядят так: пусть ненадолго, пусть мимоходом. Но только сами люди очень редко осознают эти мгновения, а окружающие и подавно не замечают их. Отсюда бытует распространенное мнение о том, что картинность заглядывает только в музей.

Конечно, Ладо Гудиашили интересуют люди в различные моменты их жизни, но, пожалуй, с наибольшим удовольствием он их представляет в моменты озарения красотой, доступ к которой широко раскрывает пресловутая картинность. Рука художника исправляет несправедливость, возвращая красоте ее подлинную длительность и оставляя безликую цепь повседневных жестов их светной мгновенности.

Гудиашилевская красота — родная дочь грузинской ритуальности, до неузнаваемости похорошевшая от пребывания в таинственной стране творчества. Молодая женщина в лунную ночь и лежит, и парит. Нижняя линия ее тела — дуга груди, легкий изгиб ребер — неприкосновенны. Небольшая, но густая полоса зелено-коричневой тени, падающая на траву от тела, по контрасту оттеняет, попросту резко отделяет изнутри сияющее тело.

Оно парит в воздухе. Лунный свет неравномерными разводами высветляет тело женщины, различными цветами переливается ее лицо, на котором, к тому же, скрещиваются блики от украшений, золота, янтаря, драгоценных камней, от серебра кувшина. Итак, свечение женского тела и окружающих его предметов зависит от луны и сама она — Лунная или Мтвариса. А вот легкая накидка, перброшенная через ее бедро, вобрала в себя сияние дня и сохраняет его, вопреки законам физики, даже в ночной атмосфере. Если женщина — от луны, то накидка — от солнца. И не будь ослиной серенады, художник мог назвать картину: Мтвариса с радужной накидкой.

В позе осла лукаво зашифрована карикатура на облик Мтварисы. Она приподнялась на локте, осел встал на дыбы. Светотени луны одинаково ложатся на осла и на женское тело.

Но все различно в этих двух равноправных объектах изображения. Несколько гамма тела молодой женщины привлекательна и постоянно возвращает к себе взгляд зрителя, вновь и вновь насыщая его еще дополнительными оттенками своей красоты, настолько же уныл и безнадежен колорит осли — однообразные темно-серые тона с просветлением на шее и отчасти на морде, с едва заметным желтым бликом, отбрасываемым на круп животного накидкой Мтварисы. Уныние, вызванное видом осла, подчеркивается завораживающей, хоть и сдержанно переданной в ночном пейзаже красотой женского тела.

К тому же поведение осла противоречит общему настроению. В лунную ночь молодая женщина дремлет и мечтает, закрыв глаза, точно так же как дремлет природа после захода дневного светила. Состояние Мтварисы гармонично сливается с состоянием природы. Осел же, по контрасту, нарушает тишину звуками своего пения, никого не радующими и никому не нужными. Под сенью темноты физическое зрение теряет свою силу и уступает место зрению внутреннему. Поэтому Мтвариса, закрыв глаза, прозревает обаяние ночи. Глаз осла широко открыт, его большой зрачок бессмысленно застыл на фоне однотонно синего белка, как на чернильной синеве неба застыла круглая луна. Уныние ослиной слепоты заразительно. Оно передается и нейтральной гамме гитары, этому переходному колористическому звену между серостью осла и сиянием Мтварисы с радужной накидкой. Причем то место гитары, на которое

легла ослиная лапа, ее коричневая ручка мгновенно тускнеет, как от прикосновения посланца Зла.

Нелепо выглядят ослиные лапы и копыта, пытающиеся извлечь ласкающие слух звуки из музыкального инструмента. Правое копыто тянется к струнам, но еще не дотянулось до них и уже бросает резкую тень на нижнюю часть инструмента, туда, где крепятся струны. Ослиное копыто и отбрасываемая им тень губительны для искусства. Впрочем, неуклюжая правая лапа недостаточно гибка для того, чтобы дотянуться до струн. Так что ослу не останется ничего лучшего, как лягнуть по ним с отчаяния. Удивительна вторая лапа осла, до предела согнутая и плотную поднятая вдоль его крупы. Предоставленный самому себе, неотесанный подручный осел ни за что не смог бы проделать столь уточненное движение. Но ведь этот осел обучался манерам приличия в гудиашвилиском заповеднике. Поэтому так карикатурно схоже его движение с согнутой рукой кинто, охотника или актрисы. Здесь, как и там, движение выражает высшую сосредоточенность и указывает на особую важность происходящего. Ведь для осла его нынешнее занятие полно смысла. В покое опущенный хвост гитариста указывает на направление его ления в сторону Мтварисы, а ослиная тень сливается с тенью у ног молодой женщины, не смея лечь на ее тело. Так ослиной тени никогда не заполучить сияние красоты.

А красота наполнила каскадом звуков завороженное пространство. Осел не слышит и, встревоженный отверзшейся пустотой, спешит заполнить ее бречанием копыт. Но, к счастью, и Мтвариса не слышит ослиной серенады. По всему ее телу, от мягкого регистра тувелек до серебряной звонкости кувшина, разлилась чудесная музыка ночи.

ТАНЕЦ ГУДИАШВИЛУРИ

«Хаши», «Кутеж кинто с женщиной», «Охота», «Рыба цоцхали», «Тщетны их уверения», «Смерть Нико Пиросманашвили», «Портрет артистки Тамары Цицишвили», «Портрет Мананы Шотадзе», «Предсвадебное омовение», «Майя в ожидании нареченного», «Девушки и винные корчаги», «Прогулка Серафиты»

Сколько гудиашвилевских женщин, мужчин, детей и зверей промелькнут перед вами, танцую!

Танцуют пятеро кинто, собравшиеся вокруг стола в ожидании хаши. Трое кинто слева приподняли плечо и поставили согнутые в локте руки на талии. Двое из них сидят, двое стоят. Правое плечо у всех, по указанию постановщика, одинаково приподнято. У стоящего кинто это происходит от того, что он оперся рукой на оконную раму. Сидящие приподняли плечо потому, что сами (или всевластный ритм) хотят того. В надломленной линии преломляются их натуры.

У сидящего впереди, вдобавок, ноги упираются в пол. Он не выдержит и пустится в пляс.

Головы трех кинто создают кругообразное движение. У одного она повернута в профиль, у другого — на две трети и у третьего — анфас. Если переводить взгляд по часовой стрелке с одного лица на другое, триединый кинто в замедленной съемке протанцует свое кинтаури. Голова начнет послушно поворачиваться то в одну сторону, то в другую и в промежутке — анфас, отгораживаемая тыльной стороной ладони. Самого движения ребром выступающей ладони пока нет, но в других созданиях художника оно дополнит единый язык гудиашвилевского танца.

Двое кинто справа завершают потенциально намеченные фигуры танца. Стоящий приподнял согнутый локоть и рукой поддерживает подбородок, а другую отставил. Забывшись, он подключил к кинтаури лезгинку. Его сотрапезник торжественно вытянул руки вверх и выпятил пузо. Платком для кинтаури он ставит конечную точку.

В предрассветной дымке кинто спиной прислонился к дереву, опустил голову и полусогнул в локте руку. Дерево и спина, при содействии винных паров, плавно рассекают воздух. Упруго тормозят попятные шаги, руки, как у лежащего на спине пловца, размеренно отталкиваются.

У егеря параллели рук манерно плывут вправо, голова (на неподвижной пее) поворачивается влево. Пружина действия разрывает тело егеря надвое.

Адресат этого кинетического хитросплетения, олень, подхватывает его и развивает на свой лад. Олень выбежал из чащи. Шея его изогнулась, и голова тянется назад, к деревьям. Руки слуги тянутся к оленю, а голова отворачивается от него.

Оба исполняют по восточным (может быть, иранским) мотивам некий гудиашвилевский Танец охотника и оленя.

Принц застыл на коне, глядя наискось. Пальцы согнутой в локте руки (своеобразной «первой позиции» гудиашвилевской хореографии) собраны вместе, кисть выпрямлена, салютуя Охоте.

Руке всадника отвечает изгиб лошадиной шеи, как олень в глубине возвращает движение слуге.

Две согласованно танцующие пары.

Солирующим оленю и лошади вторит кордебалет природы: стволы деревьев и округлые холмы. Прогибающиеся тонкие деревья замыкают горизонт. Разменивая раскачивающееся движение егеря, одни наклоняются вправо, другие — влево. Дирижерской палочкой застыла рука принца.

Диспропорциональную пропорциональность и дисгармоничную гармонию подчеркивают мечтатели из Ортачалы, лежа головами врозь. Каждое их движение идентично и противоположно движению другого. К примеру, если один приложил к ушной плоскости правую руку, а левую опустил на бедро, приятель поднимает к уху левую руку, а на бедро опустит правую. Если первый загнул ноги назад, то второй разводит кончики носков в балетном приеме ножницами.

У классической хореографии заимствован энергичный прыжок вперед с согнутой под себя ногой. Эдакими графами Альбертами прыгают охотники. Им вторит экспрессивно намеченный конь.

Сходные антраша не составляют труда и для других «гудиашвилевцев».

Затормозившие лошади устремлены вперед, а изогнувшиеся шеи и головы их смотрят назад. Упирающиеся в землю точеные копыта, как ноги тренированного кавказского танцора, после каскада головокружительных мельканий, вгрызлись в почву и застыли, подняв пыль. Дымок вьется из ноздрей.

Лошадиную грацию передразнивает кучер. Покрытая шляпой голова его наклонилась вперед, тело оттянуто назад. Голова ходит челноком. Не будь кучер таким отталкивающим, можно было бы подумать, что в детстве он брал уроки у узбекских танцовщиц.

Острые платков уточняет на земле место остановки. Вместе с замирающим танцем ослабевают последние судороги рыб и тормозится край красного обода колеса.

Криптограмма гудиашвилевского танца универсальна и выходит за пределы Грузии. Поэтому посетитель парижского кафе облокотился на стойку бара и рукой прикрывает ухо, как кинто в минуту сосредоточенности.

Мрачный и грустный танец проделывают предметы в предсмертный час Пиросмани. Над столом наклонились полудопитая бутылка и стакан для вина, скопсилась лампа, вот-вот готовая рухнуть на пол, свисает со стола полотенце. Стол подогнул ножку, как подкошенный усталостью верблюд. Перекладные подвальной каморки накренились, все сместилось, сдвинулось в окружении умирающего в одиночестве мастера. Голова Пиросмани упала ему на грудь, спиной он прислонился к недописанной клеенке с изображением жирафа. Так же прислонялся к дереву кинто в «Тосте на рассвете». В его безвольно опущенной руке — рюмка, у художника — кисть. Опора за спиной у обоих шаткая.

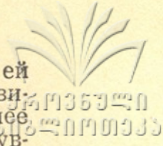
Ортачалские мечтатели молчаливым приветом отсылали друг другу единый стереотип движения в пространстве одного создания. Но, как на узкой улочке старого города высунувшиеся в окна противоположных домов женщины, от одних раб к другим приветствуют друг друга гудиашвилевские полотна.

Возмите Тамару Цицишвили и Манану Шотадзе. На продолжении согнутой в локте руки и собранных вместе прогнувшихся пальцев артистки расстилается свиток. Рукам вторят изогнутые стебли роз. Цветы наклонились к лицу артистки. Лицо, разумеется, отворачивается от рук.

Так же согнута в локте правая рука Мананы Шотадзе, пальцы ее свободно расходятся, в торжественном жесте поднята вдоль тела левая рука, а пальцы, собранные вместе, в плавном едином изгибе опускаются на воротник кофты.

Через пространство улочки женщины церемониально поклонились друг другу в грузинской кадрили.

На танцевальный лад происходит и предсвадебное омовение. В руках по пояс обнаженной молодой женщины медный таз с водой выглядит бубном, на котором она играет. В сторону бубна плывут руки, от него — лицо.

Невеста делает широкое па, настолько широкое, насколько позволяет ей юбка. Она наполовину приподнялась на кончиках ног в раскачивающемся движении. В танцевальном ракурсе присела за ее спиной служанка: одна рука у нее на бедре, а вторая вместо свитка или грозди винограда держит большой кувшин с водой.

Синхронно танцует со своей служанкой Майя в ожидании нареченного. В руке у нее — янтарные бусы, у служанки — вуаль госпожи. Танец рук прежний. Оригинальность его в том, что исполняют его, сидя на ковре.

Пританцовывают девушки и в компании винных корчаг. По двум правым женским фигурам лесенкой подымается и затем опускается композиционный рисунок. Правая рука молодой женщины опущена в винную корчагу, левая придерживает свисающую гроздь винограда. Пovyше другая молодая женщина тоже протянула руку к рядом висящей грозди. Правая рука ее поднята, левая опущена. Это движение по рукам как по ступенькам проходит вверх и вниз, арабеской танца.

И уж, разумеется, танцую, гуляет Серафита со своей свитой. Символизируя контрастное единение, у Серафиты одна рука опущена вниз и в сторону, другая поднята вверх со свободно опущенными пальцами. Развеваются пальцы рук и перья шляпы. Шаг Серафиты широк. В воздухе звучит звон колокольчиков, цепочкой пробегающих по талии и бедрам. Наполнилась воздухом накидка Серафиты. А женщины из ее свиты, покорные гудиашвилевской хореографии, одна поднимает правую руку, другая — левую и т. д., непрерывным волнорезом. Впереди на пуантах шествует обезьянка. Забавна застывшая с поднятыми лапами собачка. В награду за ее танец на голову лани опустилась рука Серафиты.

Озвучивая полотно и бумагу, в танцевальных ракурсах кочует дробный и сладостный, грустный и шуточный, созерцательно замедленный Ритм мироздания, всюду отплясывающий один и тот же и каждый раз иной Танец гудиашвилири.

1972

В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУЗИНСКОГО УЧЕНОГО

В СОВЕТСКОМ литературоведении интерес к исследованию академика Г. В. Церетели «Метр и рифма в поэме Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре» определился в 1974 году, когда краткие результаты изысканий автора были опубликованы на страницах академического серийного издания «Контекст-73» под названием «Метр и ритмика в поэме Руставели и вопросы сравнительной версификации». До последнего времени работа доктора филологических наук Н. И. Балашова «О возможностях и формах применения семиотической категории «значение» в поэтике и в литературоведении» оставалась единственной, в которой исследование Г. В. Церетели получило высокую оценку, высказанную, правда, в общей форме.

О возрастающем интересе научных кругов к идеям грузинского филолога свидетельствует недавно изданная монография Н. И. Балашова «Испанская классическая драма в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах». Это первая в советском литературоведении работа, целью которой является исследование испанской классической драмы периода наивысшего расцвета в самых лучших ее образцах, причем таких, в которых более или менее отчетливо просматривается связь с восточноевропейской тематикой. Автору удалось собрать воедино, выделить в систему и в трех основных разделах книги в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах на высоком научном уровне проанализировать цикл драм, кратко именуемый им «испано-славянской».

В какой мере Н. И. Балашову удалось реализовать замысел — это тема особого разговора.

Не претендуя на охват всех возможных историко-литературных и теоретических аспектов изучения испанской драмы «золотого века», выдвигаемых автором, мы постараемся проследить

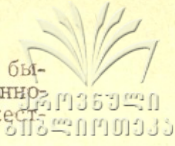
ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ КНИГИ Н. И. БАЛАШОВА «ИСПАНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ДРАМА»

за тем, как Н. И. Балашов оценивает «методологические уроки» работы Г. В. Церетели и какое место отводит ей в современном литературоведении.

При всей краткости изложения автор книги «Испанская классическая драма» ясно квалифицирует исследование грузинского филолога как серьезный вклад в науку о литературе и ставит Г. В. Церетели в один ряд с крупнейшими учеными современности. Заслугу Н. И. Балашова мы усматриваем не только в том, что в его книге впервые печатно зафиксирована высокая оценка работы Г. В. Церетели и подчеркнуто значение его суждений для научной разработки важнейших актуальных проблем литературоведения, но еще и в том, что автор широко раздвинул рамки концепции грузинского ученого, распространив ее на такие явления, которые не имеют точек соприкосновения с грузинской версификацией. Как и подобает исследованиям высокого класса, работа Г. В. Церетели не «привязывается» только лишь к практическим результатам конкретной заданности и выносятся за пределы руствелологии.

Оценивая работу грузинского ученого, Н. И. Балашов наглядно показывает, что если исследователь руководствуется марксистско-ленинской методологией, то даже при разработке локальных задач и частных вопросов он может прийти к обобщениям очень большого масштаба, имеющим общенаучное значение и открывающим широкие горизонты и большие перспективы.

Автор исходил из признания того факта, что «помимо прямого результата»,

საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის ლიტერატურისა და ხელოვნების ინსტიტუტი

имеющего важное практическое значение для руствелологии, работа грузинского филолога «имеет огромное значение для методологии советского литературоведения».

Тем самым прямо отмечается многомерность концепции Г. В. Церетели, которая, как подчеркивает Н. И. Балашов, не замыкается границами одной литературы и эпохи — грузинская литература XII века — и может быть с успехом использована для углубленного анализа широкого круга явлений как далекого прошлого — «Витязь в тигровой шкуре», испанская классическая драма XVII века, так и настоящего — современный структурализм, что значительно расширяет сферу приложения концепции в пространственно-временном отношении. Такой «угол зрения» на исследование Г. В. Церетели представляется мотивированным и плодотворным.

Исследование грузинского ученого интересует автора не только само по себе, но главным образом как серьезный теоретический плацдарм для полемики с современными структуралистами — конкретно с Роланом Бартом. Поэтому высказанная в самых общих чертах оценка труда Г. В. Церетели приобретает конкретность и мотивировку, когда Н. И. Балашов приступает к исследованию текстологических проблем, которому посвящена третья глава монографии. Основан труд на общем положении марксистского литературоведения, что текстологическое изучение художественного произведения имеет основополагающее методологическое значение и преследует теоретические и практические цели. Правомерно видя в текстологии основу литературоведческого исследования, Н. И. Балашов в ходе работы вступает в полемику с Р. Бартом, убедительно вскрывая просчеты его теории.

Р. Барт, издавший за два последних десятилетия более десяти книг, посвященных разнообразным проблемам критики и литературоведения, выдвинулся в число ведущих филологов Европы, проповедующих, по словам Х. Тодорова, «один из самых последовательных вариантов структурализма в литературоведении». Poleмика с Р. Бартом в монографии «Испанская классическая драма» далеко не излишня, если учесть, что французский структуралист пренебрежительно относится к текстологии и игнорирует ее в своих исследованиях как специальную область литературоведения.

Существенным изъяном научно-методологической основы данного ответвления структурализма является то, что художественное произведение рассматривается как замкнутая самодовлеющая

система, лишенная каких бы то ни было связей с тенденциями общественно-политической и литературно-художественной жизни.

Шаткость и уязвимость позиции Р. Барта проявилась в том, что он практически вырывает литературное произведение из сложной совокупности тех связей, которые существуют между произведениями и общественной действительностью, и лишает их, таким образом, социально-познавательного значения. Такой подход к тексту художественного произведения, обусловленный идеалистическими воззрениями автора, сообщает методу Р. Барта ясно различимую односторонность и приводит к выводу, что «единственное, что можно исследовать, — это конкретное произведение, замкнутое в самом себе».

Н. И. Балашов в книге «Испанская классическая драма» считает, что сущность заблуждения Р. Барта «не является чистой случайностью» и вполне логично вытекает «из установки на синхронно, на обращение к «замкнутому тексту» — вне контекста, близкого и исторического, вне диахронии... контекста». Нацеливая острие критики против Р. Барта и его последователей, считающих текст художественного произведения «непрозрачным» и, таким образом, недоступным «для читателя и для науки», Н. И. Балашов видит «надежную основу для научного опровержения субъективно-тенденциозной интерпретации реакционными литературоведческими школами передовой литературы и для полемики со скепсисом Р. Барта» в «методологических уроках работ крупных советских текстологов разных направлений от В. В. Виноградова до Г. В. Церетели».

Силу, плодотворность и достоинство текстологических воззрений Г. В. Церетели Н. И. Балашов видит в «органическом сочетании» при научном анализе текста «Витязя в тигровой шкуре» Руставели «историко-генетического подхода с необходимым в ряде конкретных случаев применением «квантитативного анализа». «Сочетание строгого историзма в подходе к изучаемому произведению, — пишет Н. И. Балашов, — с полным охватом текстологии памятника, включая и ее динамику», явившееся «внутренним», «естественным» следствием метода Г. В. Церетели, привело грузинского филолога к «той точности, которую в литературоведении тщетно ищут на путях априорного приложения к нему структурных методов лингвистики, этнографии, фольклористики, психоанализа».

Анализируя концепцию Р. Барта о «непрозрачности» текста, Н. И. Балашов отмечает полную несостоятельность ее генерализации и обоснованно считает, что она не выдерживает проверки ре-

альным историко-литературным материалом в свете «достижений таких советских ученых, как Г. В. Церетели». Полное опровержение идей Р. Барта и его сторонников, — подчеркивает автор книги, — затрудняется тем обстоятельством, что «методологические уроки» работы Г. В. Церетели «еще недостаточно внедрены в повседневную практику нашего литературоведения».

Это тем более необходимо, что в основе теорий буржуазных ученых лежит стремление отвлечь литературу и искусство от реализма и отказать им в праве на постановку острых социальных проблем и откликаться на жизненно

важные вопросы, волнующие человечество.

По степени актуальности, важности поставленных вопросов, непоколебимости исходных методологических принципов работа Г. В. Церетели «Метр и ритмика в поэме Руставели и вопросы сравнительной версификации» с полным основанием рассматривается Н. И. Балашовым как явление этапное, которое наряду с исследованиями академиков В. В. Виноградова, Д. С. Лихачева, Б. М. Храпченко способствует разрешению актуальных проблем современной науки о литературе.

Нодар ПОРАКИШВИЛИ

МНОГООБРАЗИЕ ТЕМ И ЖАНРОВ

ВТОРОЙ том сочинений Георгия Натрошвили, вышедший в конце минувшего года (издательство «Мерани»), так же как и его первый том (1972), быстро исчез с книжных полок магазинов.

Объясняется это, видимо, тем, что уже диапазон исследований писателя, представленных в данном томе, пробуждает интерес читателя. И действительно, в четырех разделах собраны различные по жанрам произведения. Здесь и историко-литературные изыскания, и раздумья о жизненно важных проблемах, касающихся литературы и современности, и статьи по вопросам искусства, и пьеса «На гумне».

Прежде всего внимание привлекают историко-литературные изыскания автора. Так, говоря об Атенском сражении, писатель анализирует как предшествовавшую ему обстановку, так и последующие события. Мы узнаем также, какие исторические личности были очевидцами происшедшего в тот день. Со всей очевидностью обнаруживается вероломство Ибрагим-паши и посла Франции в Стамбуле Жана Луи Бонака, чья коварная дипломатия была направлена против интересов Грузии. В рассмотрении этого вопроса проявилось глубокое знание фактов и событий, умение их анализировать и доступно, в историческом аспекте излагать.

Во взаимосвязи с этим вопросом столь же интересно, с таким же глубоким знанием литературно-исторических источников освещены как само Атенское сражение, так и оразившая его народная поэзия. Тут же автор касается ряда моментов исторической поэтики, высказывает соображения относительно бегства Гиви Амилахвари, делает в связи с этим соответствующие выводы.

К сфере историко-литературных изысканий писателя относятся и исследования о певце дружбы между народами Закавказья — Саят-Нове.

Художественно ярко и убедительно рассказывает о нем Г. Натрошвили. Он рисует лучезарный облик Саят-Новы, поэта, который, по его утверждению, «принадлежит и армянам, и азербайджанцам, и всем народам, живущим в нашей великой Советской Родине, ибо все мы братья и не можем не поделиться поэзией и любовью друг с другом». Автором высказаны также интересные предположения о поэзии этого замечательного народного певца.

Очерк «Книга, написанная в пустыне» посвящен выяснению неустановленного авторства «Увиденного вблизи человека», включенного в собрание сочинений Александра Чавчавадзе.

По словам Г. Натрошвили, указанное произведение — исключительно смелая книга, требующая искоренения всех мук и несчастий на земле, запрещения всяческого угнетения — будь оно национальным или социальным. Автор его требует освобождения человека, уничтожения всех сковывающих его оков; это — проповедь гуманизма, гимн миру во всем мире... В нем переданы думы и боли, которые тревожили XIX век и продолжают тревожить наше столетие, поскольку пока еще сильны на земле несправедливость и рабство. С произведением «Увиденный вблизи человек» по своему идейному содержанию связано оригинальное стихотворение А. Чавчавадзе «Горе миру сему».

Задаваясь вопросом — когда и в каких условиях был переведен «Увиденный вблизи человек», исследователь на основе подробного и глубокого анализа французских, русских и грузинских

литературных источников делает не вызывающее сомнения заключение.

В результате исследований Г. Натрошвили проливается свет на обстоятельства, при которых это происходило. Когда в 1804 году, после провала Кахетинского восстания, участник заговора — 18-летний Александр Чавчавадзе, находясь в Тифлисском каземате, писал это свое произведение, у него под рукой находилась книга французского писателя и мыслителя Вольера «Удалился он в пустыню для жительства».

В результате своих наблюдений автор очерка приходит к выводу, что в труде А. Чавчавадзе, именуемом переводом, есть немало мест и замечательных художественных образов, которые не вызывают сомнения в их оригинальности, принадлежности самому Александру Чавчавадзе. Это заключение настолько логично и убедительно, что не согласиться с ним очень трудно.

Благодаря такому заключению значение сочинения А. Чавчавадзе «Увиденный вблизи человек» еще больше возрастает, ибо история грузинской литературы XIX века в таком случае обогащается произведением, проповедовавшим в начале века великие идеи освобождения труда и человека, которые впоследствии Илья Чавчавадзе и шестидесятники подняли на еще более высокую ступень.

Как отмечалось выше, сфера историко-литературных исследований писателя чрезвычайно многосторонняя. Для иллюстрации диапазона его интересов назовем хотя бы представленные в этом разделе очерки. Так, в очерке «Младшая сестра поэта» автор касается жизни младшей сестры Николаза Бараташвили — Нино, которая была похищена из Цинандали в 1854 году и находилась в плену у Шамиля вместе с семьей Давида Чавчавадзе.

Очерк «Поэт революции» посвящен находившемуся в ссылке Иродиону Евдошвили. Отношение автора к нему настолько благожелательно, что не может не передаться читателю.

Тут же помещены очерки — «Памяти Пушкина», «Новый номер «Кавказа» — о Максиме Горьком, «Поэт и легенда» — о Владимире Маяковском, «Икона на стене Светицховели» — воспоминание о русском прозаике Юрии Нагибине.

В рассматриваемом томе сочинений Георгия Натрошвили определенное место отведено также художественно-публицистическим очеркам, написанным о современных жизненно важных проблемах. Это — «Чему радуется село и что ему не нравится», «100.000 охотничьих ружей», «Не имеет он ни голоса, ни слова», «Вино и традиция», «Межа

между добром и злом», «Звук ружья с экрана», «Баллада о предсателе».

Знакомство с этими очерками убеждает в глубоком и основательном знакомстве писателя с нашей действительностью, со злободневными вопросами, проблемами, рожденными ею. Он много думает над всем этим, пытается анализировать и своими соображениями, касающимися жизненно важных, актуальных общественно-литературных проблем, делится с читателем.

В третьем разделе тома собраны критико-публицистические очерки и статьи, по содержанию и тематике рассмотренных вопросов охватывающие довольно большой круг вопросов. Таковы: «Стих и Грузия», «Полвека», «Мнатоби», «Слово и Земля», «Михаил Джавахишвили», «В горниле жизни», «Патриарх абхазской литературы», «Слово поэта», «Большой путь творчества», «Ираклий Абашидзе», «Роман и история», «Критика и творчество», «На трибуне и за письменным столом», «Поэт и солдаты», «Поэзия Александра Гомнашвили», «Путь поэтессы», «От «Иверии» до наших дней», «Жизненный путь публициста».

Так, например, написанное в форме новеллы размышление о Георгии Леонидзе вводит нас в творческую лабораторию поэта, когда он на своем обширном «опытном участке» закладывает борозду, сеял и разрыхлял почву для того, чтобы взрастить молодые всходы пшеницы, которые потом так неожиданно вззошли, и он получил блестящий урожай. Это был знаменитый шедевр прозы поэта «Волшебное дерево».

В этом очерке, озаглавленном «Слово и земля», с критико-публицистической глубиной рассмотрена проза Георгия Леонидзе, его заслуги в развитии и обогащении современного грузинского языка.

В критико-публицистических и литературных очерках Георгия Натрошвили ощущается пульс современной грузинской советской литературы, своим содержанием и идейной убежденностью отвечающей устремлениям эпохи.

Нарисовать и показать главного героя этой эпохи, представить его живым примером, достойным подражания, — такова задача, стоящая перед грузинской советской литературой. С одной стороны, она сугубо современная, конкретна, актуальна, с другой — обретает историческое значение, выходящее за пределы нашего времени.

С позиций такого идейного замысла осмыслены в данном томе литературно-творческо-биографические портреты видных представителей грузинской советской литературы, созданные со знанием предмета и любовью к нему. Таковы литературные портреты о Михаиле Джавахишвили, Серго Квдиашвили, Карло

Каладзе, Григоле Абашидзе, Ираклий Абашидзе, Ревазе Джапаридзе, Лавросии Калададзе, Бесарионе Жгенти, Мирзе Геловани, Александре Гомиашвили, Маквале Мревлишвили, Илье Агладзе и других, дающие полное и четкое представление об их литературно-творческой и общественной деятельности.

Национальная самобытность этих творцов выводит грузинскую литературу, как поэзию, так и прозу, на литературную арену Советского Союза и всего мира. Подтверждением тому служит литературное наследие передовых грузинских поэтов и писателей советской эпохи, для освоения и популяризации которого не пожалел сил и энергии Георгий Натрошвили. Но сфера его исследований не ограничивается вопросами только грузинской литературы. Он интересуется также рядом насущных вопросов искусства.

Об этом свидетельствуют включенные в раздел «Об искусстве» очерки, написанные с глубоким проникновением в сущность затрагиваемых проблем.

В очерке «Краски и образы», посвященном такому интересному художнику, как Корнелий Санадзе, речь идет о выставке его художественного наследия в Тбилисской художественной галерее, которая, по мнению автора, в целом представляет «большую эпопею красок и образов, говорящую о развитии и подъеме грузинского советского изобразительного искусства». После такой оценки закономерным представляется присвоение Корнелию Санадзе премии имени Шота Руставели.

В очерках «Шалва Гамбашидзе в нескольких штрихах», «Самия» и «Вдохновение» затронуты вопросы грузинского театрального искусства. В последнем из них говорится о выдающемся режиссере обновленного грузинского советского театра Сандро Ахметели. Успех поставленных им спектаклей, по словам автора, объясняется тем, что он вернул наш театр к первоначальным здоровым корням грузинской культуры и грузинской истории вообще. С. Ахметели сумел передать в своих постановках дух народа с его кристальной чистотой и беспредельным гуманизмом.

Театр Ахметели еще не изучен нами до конца. Это — большое духовное наследие нашего народа, которое мы должны беречь и сохранять, говорит автор, круг интересов которого не исчерпывается этими вопросами.

Ряд очерков в этом томе касается проблем защиты природы, требующих неотложного решения и упорядочения.

В пределах нашей республики существует множество учреждений и организаций, на которые возложено решение этой проблемы. Одним из главных законодательных руководящих органов

этого дела является постоянная комиссия по охране природы Верховного Совета Грузинской ССР, председателем которой является Георгий Натрошвили.

Он превосходно знает природу нашего края, его земли и воды, поля и долины, горы и леса. Всю флору и фауну Грузии. С точки зрения широко образованного, эрудированного и современно мыслящего писателя и человека, автор очерков «100.000 охотничьих ружей» и «Не имеет он ни голоса, ни слова» в историческом аспекте критически рассматривает недостатки, существующие в большом государственном деле охраны природы в Грузии и называет практически необходимые мероприятия для их преодоления.

«В сфере охраны природы перед нами и на сегодня стоит множество нерешенных, исключительно острых проблем, — читаем мы в одном из этих очерков. — Мы закладываем леса, на это расходуются миллионы, и в то же время во многих местах кто-то вырубает и уничтожает эти леса; мы бережно относимся к птицам и зверям, но все же во многих местах уже не слышно пения птиц, все более тихим становится наш лес; заботимся о чистоте и охране водных ресурсов республики, но все же Кура и Риони, многие их притоки загрязнены сточной водой».

Мудро сказано: говорящего надо слышать. И мы должны прислушаться к призыву нашего видного писателя и сделать охрану природы народным делом. Нельзя не согласиться с ним, когда он говорит, что к охране рек и озер, всей природы Грузии более серьезно должна отнестись вся наша общественность, наша пресса, радио и телевидение, что это — дело не только отдельных ведомств, а всего народа.

Наряду с отмеченными вопросами второй том сочинений Георгия Натрошвили дает ясное представление о жизненном и творческом пути, пройденном его автором, о его думах и размышлениях.

Мы узнаем также о тех, с кем писатель был в близких дружеских отношениях, с кем вместе трудился, спорил при столкновении мнений на литературных вечерах и собраниях, с кем встречался в селах и городах родного края, на полях и пастбищах, в горах и долинах.

Короче говоря, второй том сочинений Георгия Натрошвили раскрывает перед нами его духовный мир, дает ясное представление о том, что привнес он нового в литературно-общественную жизнь Советской Грузии. Собранные здесь материалы делают очевидным его значительный вклад в грузинскую советскую литературу.

Шалва ГОЗАЛИШВИЛИ

ПОПУЛЯРИЗАТОР ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Листая страницы «Ревю де Картвелологи»

НЕДАВНО в Тбилиси поступил свежий номер журнала «Ревю де Картвелологи» Национального научно-исследовательского центра Франции, в котором напечатаны статьи, рецензии, библиографические обзоры, переводы, освещающие важнейшие вопросы грузинской культуры.

Открывается журнал портретом Константина Гамсахурдиа. Под ним на грузинском и французском языках — его слова: «Все, что создано мной для возвеличения славного прошлого моей родины, принадлежит современности и будущему моего народа, барабанщиком и оруженосцем которого я себя считаю». Здесь же напечатано сообщение о его кончине, о готовящейся к следующему номеру публикации статьи о жизни и творчестве писателя.

Во втором разделе представлены обзоры и рецензии об отдельных проблемах грузинского языка, литературы и искусства. Внимание привлекают обзоры и рецензии крупного специалиста по литературе христианского Востока — Дом Бернара Утье. Его рецензия посвящена изданному в 1975 году трактату А. Шанидзе «О знаках Зодиака и семи светилах», лексика и грамматические формы которого имеют важное значение для истории грузинского языка.

Французский исследователь опубликовал также обзор сирийских повестей, собранных, переведенных и аннотированных К. Церетели. «Заведующий кафедрой семитических языков Тбилисского университета проф. К. Церетели, — пишет автор, — поставил перед собой благородную цель — опубликовать по частям 52 сирийские народные повести». К. Церетели опубликовал в Тбилиси «Граматику и хрестоматию современного сирийского языка».

Д. Б. Утье принадлежит и обзор опубликованной Мананой Долакидзе работы «Древняя редакция Жития Иллариона Грузина», чье путешествие в Рим, как указывает обозреватель, имело большое значение. «Эта работа, — по его словам, — представляет собой хорошо составленную документальную монографию, чтение которой доставляет удовольствие».

Как известно, Сектором научной информации Академии наук Грузии под руководством И. Мирцхулава издана аннотированная библиография журнала «Ревю де Картвелологи» (под редакцией О. Гвинчидзе, И. Табагуа, Г. Тевзадзе и М. Кацшвили). В связи с этим Д. Б. Утье пишет: «Библиография имеет большую научную ценность для журнала «Беди Картлиса». Она тем более ценна, что написана в Грузии».

В рецензии на книгу профессора Р. Шамелашвили «Краткий словарь языковедческих терминов» Б. Д. Утье сказано: «Словарь составлен в высшей степени добросовестно и принесет пользу всем заинтересованным читателям».

Откликаясь на 300-летие со дня рождения Вахтанга VI, французский ученый сообщает зарубежным читателям об устроенной в Тбилисском институте рукописей большой выставке, посвященной этому государственному деятелю и писателю, рассказывает об альбоме, составленном Е. Метревели и В. Беридзе, излагает наиболее важные факты жизни и деятельности Вахтанга VI.

В этом же номере журнала опубликована статья Д. Б. Утье «О работе в Институте рукописей». Автор делится в ней своими впечатлениями, полученными в 1975 году в процессе своей работы совместно с грузинскими учеными над интересующими его проблемами.

Статья американского ученого Говарда Аронсона «Грамматический субъект в древнегрузинском» касается одного из кардинальных вопросов грузинского языка. Другая его работа — «Семантический анализ падежа и субъекта в древнегрузинском» представляет немалый интерес для грузинских исследователей. Как видно из этих работ профессора Чикагского университета, он изучил и использовал труды грузинских и зарубежных ученых: «Основы грузинской грамматики» и «Вопросы структуры и истории грузинского языка» А. Шанидзе, «Проблема простого предложения в грузинском (вопрос подлежащего и дополнения в древнегрузинском)» А. Чкобава, «Склонение имен и функции падежей

Каладзе, Григоле Абашидзе, Ираклии Абашидзе, Ревазе Джапаридзе, Лавросии Каландадзе, Бесарионе Жгенти, Мирзе Геловани, Александре Гомиашвили, Маквале Мревлишвили, Илье Агладзе и других, дающие полное и четкое представление об их литературно-творческой и общественной деятельности.

Национальная самобытность этих творцов выводит грузинскую литературу, как поэзию, так и прозу, на литературную арену Советского Союза и всего мира. Подтверждением тому служит литературное наследие передовых грузинских поэтов и писателей советской эпохи, для освоения и популяризации которого не пожалел сил и энергии Георгий Натрошвили. Но сфера его исследований не ограничивается вопросами только грузинской литературы. Он интересуется также рядом насущных вопросов искусства.

Об этом свидетельствуют включенные в раздел «Об искусстве» очерки, написанные с глубоким проникновением в сущность затрагиваемых проблем.

В очерке «Краски и образы», посвященном такому интересному художнику, как Корнелий Санадзе, речь идет о выставке его художественного наследия в Тбилисской художественной галерее, которая, по мнению автора, в целом представляет «большую эпопею красок и образов, говорящую о развитии и подъеме грузинского советского изобразительного искусства». После такой оценки закономерным представляется присвоение Корнелию Санадзе премии имени Шота Руставели.

В очерках «Шалва Гамбашидзе в нескольких штрихах», «Самия» и «Вдохновение» затронуты вопросы грузинского театрального искусства. В последнем из них говорится о выдающемся режиссере обновленного грузинского советского театра Сандро Ахметели. Успех поставленных им спектаклей, по словам автора, объясняется тем, что он вернул наш театр к первоначальным здоровым корням грузинской культуры и грузинской истории вообще. С. Ахметели сумел передать в своих постановках дух народа с его кристальной чистотой и беспредельным гуманизмом.

Театр Ахметели еще не изучен нами до конца. Это — большое духовное наследие нашего народа, которое мы должны беречь и сохранять, говорит автор, круг интересов которого не исчерпывается этими вопросами.

Ряд очерков в этом томе касается проблем защиты природы, требующих неотложного решения и упорядочения.

В пределах нашей республики существует множество учреждений и организаций, на которые возложено решение этой проблемы. Одним из главных законодательных руководящих органов

этого дела является постоянная комиссия по охране природы Верховного Совета Грузинской ССР, председателем которой является Георгий Натрошвили.

Он превосходно знает природу нашего края, его земли и воды, поля и долины, горы и леса. Всю флору и фауну Грузии. С точки зрения широко образованного, эрудированного и современно мыслящего писателя и человека, автор очерков «100.000 охотничьих ружей» и «Не имеет он ни голоса, ни слова» в историческом аспекте критически рассматривает недостатки, существующие в большом государственном деле охраны природы в Грузии и называет практически необходимые мероприятия для их преодоления.

«В сфере охраны природы перед нами и на сегодня стоит множество нерешенных, исключительно острых проблем, — читаем мы в одном из этих очерков, — Мы закладываем леса, на это расходуются миллионы, и в то же время во многих местах кто-то вырубает и уничтожает эти леса; мы бережно относимся к птицам и зверям, но все же во многих местах уже не слышно пения птиц, все более тихим становится наш лес; заботимся о чистоте и охране водных ресурсов республики, но все же Кура и Риони, многие их притоки загрязнены сточной водой».

Мудро сказано: говорящего надо слышать. И мы должны прислушаться к призыву нашего видного писателя и сделать охрану природы народным делом. Нельзя не согласиться с ним, когда он говорит, что к охране рек и озер, всей природы Грузии более серьезно должна отнестись вся наша общественность, наша пресса, радио и телевидение, что это — дело не только отдельных ведомств, а всего народа.

Наряду с отмеченными вопросами второй том сочинений Георгия Натрошвили дает яркое представление о жизненном и творческом пути, пройденном его автором, о его думах и размышлениях.

Мы узнаем также о тех, с кем писатель был в близких дружеских отношениях, с кем вместе трудился, спорил при столкновении мнений на литературных вечерах и собраниях, с кем встречался в селах и городах родного края, на полях и пастбищах, в горах и долинах.

Короче говоря, второй том сочинений Георгий Натрошвили раскрывает перед нами его духовный мир, дает яркое представление о том, что привнес он нового в литературно-общественную жизнь Советской Грузии. Собранные здесь материалы делают очевидным его значительный вклад в грузинскую советскую литературу.

Шалва ГОЗАЛИШВИЛИ

ПОПУЛЯРИЗАТОР ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Листая страницы «Ревю де Картвелологи»

НЕДАВНО в Тбилиси поступил свежий номер журнала «Ревю де Картвелологи» Национального научно-исследовательского центра Франции, в котором напечатаны статьи, рецензии, библиографические обзоры, переводы, освещающие важнейшие вопросы грузинской культуры.

Открывается журнал портретом Константина Гамсахурдиа. Под ним на грузинском и французском языках — его слова: «Все, что создано мной для возвеличения славного прошлого моей родины, принадлежит современности и будущему моего народа, барабанщиком и оруженосцем которого я себя считаю». Здесь же напечатано сообщение о его кончине, о готовящейся к следующему номеру публикации статьи о жизни и творчестве писателя.

Во втором разделе представлены обзоры и рецензии об отдельных проблемах грузинского языка, литературы и искусства. Внимание привлекают обзоры и рецензии крупного специалиста по литературе христианского Востока — Дом Бернара Утье. Его рецензия посвящена изданному в 1975 году трактату А. Шанидзе «О знаках Зодиака и семи светилах», лексика и грамматические формы которого имеют важное значение для истории грузинского языка.

Французский исследователь опубликовал также обзор сирийских повестей, собранных, переведенных и аннотированных К. Церетели. «Заведующий кафедрой семитических языков Тбилисского университета проф. К. Церетели, — пишет автор, — поставил перед собой благородную цель — опубликовать по частям 52 сирийские народные повести». К. Церетели опубликовал в Тбилиси «Грамматику и хрестоматию современного сирийского языка».

Д. Б. Утье принадлежит и обзор опубликованной Мананой Долакидзе работы «Древняя редакция Жития Иллариона Грузина», чье путешествие в Рим, как указывает обозреватель, имело большое значение. «Эта работа, — по его словам, — представляет собой хорошо составленную документальную монографию, чтение которой доставляет удовольствие».

Как известно, Сектором научной информации Академии наук Грузии под руководством И. Мирцхулава издана аннотированная библиография журнала «Ревю де Картвелологи» (под редакцией О. Гвинчидзе, И. Табагуа, Г. Тевзадзе и М. Кацшвили). В связи с этим Д. Б. Утье пишет: «Библиография имеет большую научную ценность для журнала «Беди Картлиса». Она тем более ценна, что написана в Грузии».

В рецензии на книгу профессора Р. Шамелашвили «Краткий словарь языковедческих терминов» Б. Д. Утье сказано: «Словарь составлен в высшей степени добросовестно и принесет пользу всем заинтересованным читателям».

Откликаясь на 300-летие со дня рождения Вахтанга VI, французский ученый сообщает зарубежным читателям об устроенной в Тбилисском институте рукописей большой выставке, посвященной этому государственному деятелю и писателю, рассказывает об альбоме, составленном Е. Метревели и В. Беридзе, излагает наиболее важные факты жизни и деятельности Вахтанга VI.

В этом же номере журнала опубликована статья Д. Б. Утье «О работе в Институте рукописей». Автор делится в ней своими впечатлениями, полученными в 1975 году в процессе своей работы совместно с грузинскими учеными над интересующими его проблемами.

Статья американского ученого Говарда Аронсона «Грамматический субъект в древнегрузинском» касается одного из кардинальных вопросов грузинского языка. Другая его работа — «Семантический анализ падежа и субъекта в древнегрузинском» представляет немалый интерес для грузинских исследователей. Как видно из этих работ профессора Чикагского университета, он изучил и использовал труды грузинских и зарубежных ученых: «Основы грузинской грамматики» и «Вопросы структуры и истории грузинского языка» А. Шанидзе, «Проблема простого предложения в грузинском (вопрос подлежащего и дополнения в древнегрузинском)» А. Чикобава, «Склонение имен и функции падежей

в древнегрузинском» И. Имнашвили, «Глагол в грузинском языке» Г. Деетерса, «Разыскания из грузинской диалектологии» Ш. Дзидзигури, «Этимологический словарь картвельских языков» и «Очерк общей теории эргативности» Г. Климова, «Грамматика древнего грузинского литературного языка» Н. Марра, «Сванский язык (глагол)» В. Топурия, «Грамматика грузинского языка Г. Фогта, «Грамматика грузинского языка по библейским текстам» Франца Цорель, работы Карла-Хорста Шмидта и других исследователей. Говард Аронсон отмечает, что располагает достаточными критериями для того, чтобы определить грамматический субъект в формах настоящего времени и в завершённых сериях древнегрузинского языка, и в заключение добавляет, что в аористных сериях эта проблема остаётся нерешённой.

Недавно вышла в свет книга доктора исторических наук Р. Метревели «И. Джавахишвили и некоторые вопросы грузинской культуры», к которой приложено обширное резюме на русском языке. Редакция журнала «Ревю де Картвелологи» целиком перевела это резюме на французский язык и опубликовала его вместе с портретом И. Джавахишвили.

Под статьей Р. Метревели помещено следующее заявление: «Ревю де Картвелологи» («Беდი Картлиса») с огромным уважением и почтением разделяет все те почести, которые грузинский народ воздал памяти выдающегося ученого Иванэ Джавахишвили в связи со 100-летием со дня его рождения».

В статье профессора К. Салия, посвященной 300-летию со дня рождения Вахтанга VI, освещаются такие кардинальные вопросы, как распад единого грузинского царства в XV веке, борьба грузинского народа против турок и иранцев, Вахтанг VI и его борьба за избавление страны от влияния Персии, дипломатическая миссия Сулхана-Саба Орбелиани во Францию, к Людовику XIV и к римскому папе Клементию XI, переписка Вахтанга со своим посланником, с Людовиком XIV и римским папой. Автор рассуждает об экономическом и культурном подъеме Картли, характеризует Вахтанга VI как законоведа, ученого и поэта.

Не меньший интерес вызывает другая статья — Н. Салия «Современное грузинское искусство чеканки», рассматривающая творчество грузинских художников Ираклия Очаури и Кобы Гурули. Во вступительной ее части подчеркивается, что грузинская античная культура изучена пока еще недостаточно, указывается, что с 1950—60 годов в Грузии развивается и занимает важное место искусство чеканки. По

его мнению, грузинские скульпторы Ираклий Очаури, Коба Гурули, Туррам Габашвили и Дмитрий Кипшидзе возрождают традиции древнего грузинского искусства. Автор упоминает также других художников — Антимоза Горгадзе, Иосифа Коиава, Теймураза и Гиви Гигаури, Нукри Шавгулидзе, Левана Цома, Вахтанга Ониани и других. Каждый из них, по его мнению, обладает своей ярко выраженной индивидуальностью. Они отличаются друг от друга не только оригинальностью, но и характером художественного мышления.

В журнале опубликованы также подготовленные Гастоном Буачидзе обзоры работ грузинских ученых. Речь в них о работах ак. А. Барамидзе, ак.

Ш. Амيرانашвили, Г. Асатиани, Ж. Шардена, Д. Гамезардашвили, М. Картвелишвили, А. Глonti, К. Кекелидзе, И. Коридзе, Р. Киннадзе, Н. Канделаки, Г. Мирцхулава, В. Чачанидзе, Б. Почхуа, М. Чиковани, Г. Шарадзе, С. Цаишвили и других. Автор обзоров отмечает, что в многочисленных рецензиях, опубликованных на страницах грузинской прессы, дана высокая оценка выходу в свет первого тома энциклопедии, о которой ее главный редактор—поэт-академик Ираклий Абашидзе сказал: «...Главная наша задача состоит в том, чтобы представить в энциклопедии возможно большее число национальных материалов, отображающих грузинскую действительность. Они составляют двадцать процентов. Отдельные статьи этого тома были в свое время написаны И. Джавахишвили, С. Джанашиа и другими выдающимися исследователями».

Наряду с этим в журнале помещены исследования доцента Г. Буачидзе «Песнь о Ролланде» на грузинском языке», «Диалог в Пицунде» и выполненный им же французский перевод 39 строф «Вепхистгаосани».

Журнал богато оформлен и обильно иллюстрирован. Общий объем опубликованного тома составляет 384 страницы.

Редактор журнала К. Салия и его издатель Н. Салия с любовью и творческим размахом занимаются популяризацией грузинской культуры во всем мире. Именно с этой целью основали они в 1957 году «Ревю де Картвелологи», оказывающий огромную помощь западноевропейским картвелологам. Этот научный журнал печатает статьи по важнейшим проблемам грузинской культуры, что, разумеется, не могло не снискать ему широкой популярности как в нашей стране, так и за ее рубежами.

Серго ТУРНАВА

Необходимое уточнение

МОСКОВСКОЕ издательство «Мысль» выпустило в свет интересную и нужную книгу В. Н. Ганичева — «Молодежная печать: история, теория и практика», посвященную журналистам комсомольской печати. Теоретическая сторона издания и выводы автора не вызывают особого возражения. Однако в исторической части книги «Биография юношеской печати» и в приложениях — «Комсомольская и пионерская периодическая печать» и «Хронология комсомольско-молодежной печати СССР», в разделе, касающемся Грузии, имеются досадные упущения.

Как известно, в историческом, культурном, экономическом и революционном центре Закавказья, каким являлась Грузия, с 1905 года, в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции бурно развивалось рабочее и молодежное движение. У молодых коммунистов на каждом этапе борьбы были свои легальные и нелегальные органы печати, через которые они вели непримиримую борьбу с националистическими молодежными организациями. Вокруг этих органов печати спланировалась трудовая молодежь для свержения царизма, меньшевистского господства в борьбе за установление Советской власти. Однако в таком солидном труде, как книга В. Н. Ганичева, лишь мельком упоминаются некоторые современные издания: газеты «Ахалгазрда комунисти» («Молодой коммунист»), «Молодежь Грузии», «Норчи ленинели» («Юный ленинец») и журналы «Пионери», «Дила» («Утро»), «Цискари» («Заря»), абхазский областной «Амцамбз» («Пламя»).

В действительности же история комсомольской периодики Грузии начинается с 1917 года. Первым печатным органом была нелегальная газета «Ме-

саме интернационали» («Третий интернационал»), издававшаяся Кутаисским комитетом «спартаковцев».

Один из основателей комсомола Грузии, автор его первой истории (1927) Г. Девдариани писал: «Первый номер «Месаме интернационали» вышел 12 ноября 1917 года (прекрасный и вполне большевистский недельный журнал). Содержание первого номера было посвящено Октябрьской революции...».

После шестого номера меньшевистское правительство заглушило грозный голос молодых революционеров. Но организаторы издания не сложили оружия. 19 декабря 1918 года газета выходит под новым названием — «Ахалгазрда комунисти» («Молодой коммунист»). В подзаголовке сообщалось, что она является продолжением «Месаме интернационали», указывалось, что это — орган Кутаисского комитета молодежной коммунистической организации «Спартак».

В редакционном заявлении говорилось: «Мы преодолели много препятствий и вот этой газетой «Ахалгазрда комунисти» заложили основу органу трудовой молодежи, которая будет стоять на страже и выражать интересы молодых рабочих, работниц и всей трудовой молодежи».

Газета «Ахалгазрда комунисти» также после выхода 5 номеров была разгромлена. Но, как писал Г. Девдариани, она «сыграла большую роль, тем более что в то время в Закавказье у большевиков других газет и журналов не было».

7 мая 1920 года был заключен договор с Советской Россией, и произошла легализация большевистских организаций. В июне временный ЦК комсомола Грузии издает на русском языке легальную газету «Молодой пролетарий», которая была самым большим и содержательным из всех ранее действовавших органов молодежной печати.

Но показательная легализация быстро кончилась. В августе меньшевики разгоняют Первый съезд комсомола Грузии, арестовывают его руководителей. Несмотря на суровые репрессии, 25 августа в Кутаиси издается приложение к «Ахалгазрда комунисти» под названием

«Листовки грузинской коммунистической молодежи».

25 февраля 1921 года восставшие трудящиеся Грузии при братской помощи частей XI Армии свергли меньшевистское правительство и установили Советскую власть. Настала пора создания широкой сети комсомольско-молодежной печати. Первоначально при ЦК комсомола Грузии создается издательский отдел, вокруг которого сплачиваются закаленные в революционных битвах молодые журналисты.

25 мая 1921 года выходят «Известия Центрального Комитета Коммунистического союза молодежи Грузии». Затем 13 августа выпускается единовременная агитационно-массовая газета «Ахалгазда коммунисти», а с декабря — ежемесячный журнал ЦК комсомола Грузии «Момавали» («Будущее»), который освещал вопросы марксистской философии, литературоведения и текущей политики. С января 1924 года, после выхода 20 номеров, «Момавали» был переименован в «Ахалгазда ленинели» («Молодой ленинец») и выходил, продолжая его нумерацию.

В резолюции VII съезда ЛКСМ Грузии сказано, что этот журнал был пропагандистом пролетарской поэзии, новой культуры, нового быта. На его страницах большое место занимали также вопросы истории партии и теории новой литературы.

Для выхода регулярной молодежной газеты в то время нужной технической базы еще не было. Только с апреля 1922 года выходит двухнедельная (с 12 номера еженедельная) газета ЦК комсомола Грузии «Спартак» (на грузинском языке). С 1923 года он выпускается и на русском языке. С 15-го номера газета стала шестидневной «Юношеской правдой». Были также русские газеты «Красная молодежь» (1923 г., 5 номеров) и «Красный студент» (1924 г., 4 номера).

В эти же годы в уездных газетах печатались нумерованные комсомольские странички. А в Батуми выходили еженедельные «Листовки красной молодежи» (1924 г., на грузинском языке, 15 номеров).

В 1925 году произошла реорганизация комсомольской печати. С 8 декабря грузинский «Спартак» был переименован в «Ахалгазда коммунисти» и стал выходить ежедневно, а «Юношеская правда» — в «Молодой рабочий», выходявший два раза в неделю (в 1928—1929 гг. — «Молодой ленинец», с 1930 г. — вновь «Молодой рабочий» и орган Закавказского краевого комитета ВЛКСМ, с 1936 г. — «Молодой сталинец» и орган ЦК и ТК ЛКСМ Грузии, ныне — «Молодежь Грузии»).

Кроме того, были и местные (автономных республик и крупных городов) комсомольские газеты.

В 1925 — 1926 гг. грузинский комсомол имел два журнала: политическо-литературный и научный «Сазгварзе» («На границе») и «Активисти» (для руководящих комсомольских работников). С 1927 года их заменяет ежемесячный политический орган ЦК КП(б) и ЦК ЛКСМ Грузии журнал «Ахалгазда большевики» («Молодой большевик»). С 1935 года в его подзаголовке читаем: «орган ЦК и ТК ЛКСМ Грузии, журнал для руководящего комсомольского актива», а в редакционном заявлении было сказано, что «журнал освещает практические вопросы строительства социализма и, в частности, культурной революции в свете ленинской теории; публикует статьи о международном рабочем, главным образом, молодежном движении; помогает комсомольскому активу в организационно-практической работе путем разъяснения директивных указаний и обобщения практического опыта...».

«Ахалгазда большевики» просуществовало до 1941 года.

В 1924 — 1926 гг. были следующие детские издания: на грузинском языке «Ахалгазда пионери» («Молодой пионер»), в дальнейшем «Норчи пионери» («Юный пионер») и журнал «Цители схиви» («Красный луч»), на русском языке — газета «Юный пионер». С 1926 года их заменяет нынешний журнал «Пионери».

До войны пионерские журналы выходили также на армянском языке — «Кармир пилер» («Красные всходы») и на азербайджанском языке — сперва «Кызыл шафак» («Красная заря»), потом «Ени кюве» («Новая сила») и в конце «Джандзы насыл» («Молодые всходы»), а для октябрят на грузинском языке «Октомбреди» (нынешний «Дила»).

Помимо указанных, было еще очень много одновременных изданий комитетов комсомола и выездных редакций (посвященных историческим датам или важным народнохозяйственным кампаниям).

И наконец, издательство детской и юношеской литературы «Накадули» («Ручеек»), отмечающее 40-летие своего существования. До 1936 года детскую и юношескую литературу издавал «Сахелгами» (Госиздат Грузии). Для этой цели в его системе функционировал специальный отдел. С выделением этого отдела из «Сахелгами» создается самостоятельное государственное издательство детской и юношеской литературы «Саблитгами», а после Великой Отечественной войны ему присваивается название первого грузинского детского журнала (выходившего с 1904 года) — «Накадули». Оно в масштабе союзной республики успешно выполняет функции центральных издательств — «Молодая

гвардия» и «Детгиз», и ежегодно выпускает 150—160 названий ценных книг и брошюр тиражом до 3 миллионов экземпляров, гораздо больше, чем украинское и узбекское юношеские издательства, вполне законно упомянутые на 101-й странице.

Такова краткая история молодежной печати в Грузии. Здесь невозможно, да и нет нужды, подробно характеризовать каждое издание в отдельности и оценивать их значение в коммунистическом воспитании подрастающего поколения (а они воспитали не одно поколение!). Но она должна быть достойным образом, объективно отображена в общесоюзной истории молодежной печати.

Григорий ЯРАЛОВ

Была ли у древних греков совесть?

В СБОРНИКЕ «Античность и современность», выпущенном издательством «Наука» и посвященном 80-летию выдающегося ученого Ф. А. Петровского, опубликована статья В. Н. Ярхо с сенсационным названием «Была ли у древних греков совесть?». Изумление читателя, вызванное подобной постановкой вопроса, не смягчает уточнение, данное в скобках: «К изображению человека в аттической трагедии». На поставленный вопрос автор дает отрицательный ответ.

Итак, если верить ему, перед цивилизованным миром древние греки предстают людьми, лишенными не только понятия совести, но и самого чувства совести.

Между тем, как указывается в соответствующей литературе, феномен совести представляется совершенно неотъемлемым атрибутом древнегреческой этики не только тем исследователям, которые хотят видеть в античном мире предпосылки религиозной морали, но и почти всем без исключения историкам этической мысли, знакомым с нравственными правилами Пифагора (570 —

500 гг. до н. э.) и фрагментами Демокрита (460—370 гг. до н. э.)¹, не говоря уж о понятии «сунейдесис» у Сократа (469 — 399 до н. э.). Приводимые же автором статьи «Была ли у древних греков совесть?» примеры охватывают период с 467 по 409 гг. до н. э.

В. Н. Ярхо пишет, что неправомерно «видеть в античном мире предпосылки религиозной морали, сформировавшейся в христианском вероучении». Но ведь еще Энгельс указывал, что христианское вероучение возникло из смеси восточной теологии и вульгаризированной греческой философии². Известны взгляды Маркса на отношение стоицизма и христианства, не говоря уж о том, что многое о связи христианской религиозной морали с античным этическим мышлением можно вычитать в любом марксистском учебнике истории этических концепций.

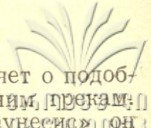
«Несомненно, следует отказаться, — пишет автор. — от отождествления с совестью эриний в эсхилоском «Оресте», или, точнее, в финале «Хозфор». Что эринии, вполне конкретно видимые и осязаемые на протяжении всей трагедии «Евмениды», вступающие в спор то с Аполлоном, то с Афиной и, наконец, решающие остаться на вечное поселение в недрах афинского акрополя, не подходят для персонафикации совести Ореста. — с этим соглашаются даже те исследователи, которые считают его жертвой угрызений совести в финале «Хозфор» (с. 252).

Конечно, эриний нельзя отождествлять с совестью человека, однако не замечать в этих мифологических образах отражения феномена страха и угрызения совести — значит умышленно закрывать глаза на исторические и художественные факты.

Стремление автора во что бы то ни стало доказать отсутствие совести у древних греков делает его некритичным в подборе аргументов, которые скорее доказывают противоположное. Так, например, он пишет: «Заметим к тому же, что ни сам Орест, уже предчувствующий приближение безумия, ни хор не видят никаких оснований, чтобы порицать поступок человека, избавившего аргосскую землю от двух тиранов (Cho., 973 сл., 1044 — 1047). Конечно, только что пролитая кровь на руках Ореста туманит его рассудок (ср. ст. 1022 сл., где выражение «френес дусарктой» характеризует потерю контроля над разумом) — в этом древние греки также видели результат действия эриний (ср.: «десмиос

¹ См.: «Материалисты древней Греции», М., 1955, с. 157.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, с. 307—308.

френон» — Ешт., 332=345; «мелос... Парафора», 341). Но о каком бы то ни было «раздвоении личности», внутренней рефлексии здесь нет ни слова, поскольку ни одному персонажу Эсхила такие свойства вообще не присущи. Достаточно Оресту пройти ритуальное очищение (Ешт., 280 — 283), как его сознание приобретает завидную отчетливость» (с. 253).

Итак, Орест не испытывает угрызений совести («раздвоение личности» и «внутреннюю рефлексию»). Более того, ничто подобное не знакомо ни одному персонажу Эсхила. Это кажется автору статьи достаточным основанием для отрицания совести у древних греков. В. Н. Ярхо не замечает противоречия в своих суждениях: если ни сам Орест и ни хор не видят никаких оснований, чтобы порицать поступок человека, избавившего отчизну от двух тиранов, — так при чем тут совесть и угрызения совести? Орест наказывает злс, то есть поступает справедливо, и его совесть чиста, незапятнанна. Ведь сам автор считает, что «Орест был уверен в своей правоте, когда он убивал мать»¹. Эсхил, как великий художник, не мог не описать переживания Ореста (наказавшего собственную мать), но эти переживания и даже болезнь Ореста не являются, и вполне закономерно, угрызениями совести. Орест выполнил свой долг, отомстил за отца и отчизну, стало быть, «имеет право» не испытывать угрызений совести.

Эсхил мог не делать предметом художественного отражения факты угрызения совести или же мог описать духовную драму бессовестных людей — даже в таких случаях у нас не было бы основания отрицать наличие совести у современников Эсхила. Феномен совести может вообще не быть еще осознан в художественном или теоретическом мышлении, однако отсюда не вытекает, что этого феномена нет в действительности. Вопрос существования или несуществования совести — это одно, а вопрос существования или несуществования понятий и терминов, отражающих феномен совести, — совершенно иное. Генезис чувства совести мы должны отличать от генезиса понятий совести.

В отличие от эсхилевского, в эврипидовском Оресте появляется указание на эквивалент совести («сунесис»). Исходя из этого факта, можно было ожидать, что автор, утверждая в общем отсутствие совести у древних греков, признает хотя бы зарождение элементов этого феномена у греков времен Эврипида;

¹ См. его статью «Рок. Грех. Совесть (к переводческой трактовке древнегреческой трагедии)» в сборнике «Мастерство перевода», 1973, с. 224.

однако он даже и не помышляет о подобном «снихождении» к древним грекам. Появление злополучного «сунесиса» он объясняет совершенно иначе: «Если в эсхилевском Оресте весь процесс размышления и решения происходит до матерубийства, то с эврипидовским Орестом дело обстоит как раз наоборот: осознание наступает после матерубийства и притом поначалу не дает Оресту той уверенности в своей правоте, с которой обосновывает свои действия эсхилевский Орест в финале «Хорэфор» (ст. 973 — 1006, 1027 — 1033). Этим и объясняется в первых сценах трагедии Эврипида показанное выше опровержение аргументов эсхилевского Ореста, приводящее героя Эврипида к «сунесис» — «сознанию» совершенного» (с. 257).

В этих рассуждениях явно некоторое «персеверационное» стремление во что бы то ни стало отрицать наличие феномена совести у древних греков. Для этой цели автор прибегает не только к филологическому анализу высказываний Ореста, но и к философскому (этическому) анализу его поведения.

Обращаясь к тексту трагедии, В. Н. Ярхо показывает, что Орест ни у Эсхила, ни у Эврипида не проявляет признаков угрызений совести; в обоих случаях он лишь ищет своего оправдания. Отсюда и делается вывод об отсутствии совести у Ореста и о неправомерности считать «сунесис» ее эквивалентом.

Для иллюстрации своего тезиса автор приводит известное описание переживаний Федры.

Но он не учитывает здесь специфику различия и взаимоотношения угрызения совести и чувства стыда. Если пасынку стало известно о низкой страсти мачехи, то, естественно, возникает чувство стыда, куда более сильное, подавляющее, чем угрызения совести, и это сильное трагическое переживание затмевает угрызения совести, не оставляя возможности писателю заметить и описать их при доминирующем действии переживаний стыда и позора.

Человек либо судит себя не по внутренним стимулам, а по объективному результату (Федра, Геракл), либо, страшась смерти, попросту стремится избежать всякой ответственности — и перед коллективом, и перед собой (Орест, Гермiona). Совесть и в том, и в другом случае оказывается ненужной — как самим героям древнегреческой трагедии, так и их создателям (с. 263).

Таким выводом и заканчивается статья В. Н. Ярхо, в рассуждениях которого, как было показано на ряде примеров, много спорного и ошибочного.

Выдвигая тезис об отсутствии феномена совести у древних греков, В. Н.

Ярхо не учитывает тот факт, известный в истории этической мысли, что еще Пифагор рассуждал о чувстве самостыда и феномене самопристыжения. А Демокрит дает первую характеристику данного феномена: «Не из страха, а из чувства долга должно воздерживаться от дурных поступков»; «Делающий постыдное должен, прежде всего, стыдиться самого себя»¹, не говоря уж о систематическом анализе понятия совести у Сократа, Платона и Аристотеля. Можно ли допустить, что Пифагор и Демокрит описывали не реально существующий феномен, а плоды собственного воображения? Или же, можно ли допустить, что великие трагики древности не знали учений Пифагора и Демокрита?

Нет сомнения, что феномен совести не рождается в готовом виде. С самого начала генезиса Homo Sapiens совесть проделала длинный путь зарождения и развития так же как мышление, речь и вообще вся психика человека, процесс развития, так же как мышление, речь и чен и вряд ли имеет пределы в обозримом будущем. Однако она, совесть, формировалась по существу гораздо раньше, чем появляются первые упоминания о ней. Можно и надо исследовать процесс генезиса понятия совести в древних литературных памятниках, но это нельзя путать с вопросом зарождения и развития самого феномена совести. Проблема эта чрезвычайно сложная, так как она своими корнями переплетена не только с проблемами зарождения классового общества, но и уходит гораздо глубже, она переплетена с проблемами антропогенеза и социогенеза вообще, без учета которых невозможно воссоздать картину формирования сознания и чувства совести.

Профессор
Гела БАНДЗЕЛАДЗЕ.

¹ См.: «Материалисты древней Греции», М., 1955, с. 158.

ОБ «ОТКРЫТИИ»...

РЕПЛИКА

КАЖДЫЙ новый день нашей планеты знаменуется новыми открытиями. Человечество все глубже проникает в тайны природы, стирает пыль со страниц прошлого. Журнал «Техника — молодежи», широко известный как серьезное издание и публика-

ции которого отличаются научной компетентностью, в номере 8 за этот год напечатал, как это ни странно, статью-комментарий кандидата исторических наук Валерия Иванова «След светлых»». Ее, несомненно, нужно отнести к разряду «великих» открытий года. Цитируем выдержку:

«Историки допускают, что в конце II — начале I тыс. до н. э. киммерийско-славянские отряды через Фракию и Боспор вторгались в Малую Азию, а из Русского Поля просачивались через Дарьяльское ущелье в Закавказье. Вскоре во главе Урарту, унаследовавшего славу индоевропейского хуррито-митаннийского государства II тыс. до н. э., становится царь Руса I (конец VIII века до н. э.). Вблизи теплых источников к югу от Главного Кавказского хребта основывается опорный пункт Теплице, впоследствии Тидлис (ныне Тбилиси). Затем славяне воздвигают в Мингрелии цитадель, получившую название Горди (от «город», «град»)...»

Нет сомнения, что ученые мира согласятся с этим глубоко научным объяснением происхождения названий городов Тбилиси и Горди. Историки давно уже подозревали, что с городами, расположенными на территории Грузии, творилось что-то неладное, т. е. они не имели имен собственных!

В ожидании, кто же наречет их и таким образом обозначит на уже существующих картах, мучительно шли века. И наконец свершилось! Город-крепость получил название — Теплице (а не Тбилиси — от грузинского слова «тбили», теплый, как по наивности думали ученые). Но, видимо, неизвестный креститель на этом не успокоился. Видя бедственное положение безымянных населенных пунктов, он, по доброте сердечной, решил помочь горемыкам и начал путешествовать по стране.

Начал он с того, что в Вани принял ванну, в Супсе поел вкусный суп, ныне суп-харчо, в реке Куре подстрелил нескольких кур, в Душети ему стало душно, в Мухрани заели мухи, а в Дранде неблагодарные надрали ему уши. Вспотев от чрезмерного усердия, он решил отдохнуть в Поты.

Лиха беда начало. Великое дело было сделано — города начали обретать свои имена, и наш крестный двинулся дальше в путь. Какие города он еще встретил на своем пути — нам пока не известно, но думается, что с помощью привлеченной наше внимание статьи В. Иванова мы в этом разберемся.

Гурам ХАРАИДЗЕ,
из Теплице.
XX век н. э.

ГРУЗИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

● Вышел в свет очередной — шестой номер журнала «Советская литература» (орган Союза писателей СССР), издаваемого на английском, французском, немецком, испанском языках. Посвящен он Грузинской ССР.

Журнал открывает статью председателя правления Союза писателей Грузии Г. Абашидзе о нашей республике и грузинской литературе, а также интервью с Николаем Тихоновым.

На его страницах широко представлена современная грузинская поэзия. Читатели познакомятся со стихами И. Абашидзе, Х. Берулава, К. Каладзе, А. Каландадзе, М. Кахидзе и многих других. Грузинская проза представлена произведениями Н. Думбадзе, О. Иоселиани, Т. Чиладзе, С. Клдиашвили, К. Лордкипанидзе, Р. Инаншвили, Г. Гегешидзе, А. Сулакаури.

В разделе критики напечатаны статьи Г. Асатиани и Г. Маргвелашвили.

Об интернациональных контактах грузинской писательской организации рассказал секретарь правления Союза писателей Грузии И. Нонешвили.

Шестой номер журнала богато иллюстрирован фоторепродукциями произведений прославленных мастеров кисти и резца республики.

КНИГИ СБЛИЖАЮТ НАРОДЫ

● Закончила работу первая Московская международная книжная выставка-ярмарка, явившаяся крупным международным событием в области культуры и литературы. Она ярко продемонстрировала большие успехи нашей страны в области издания книг, еще раз подчеркнула высокий авторитет СССР как крупнейшей книгоиздающей и читающей державы мира.

Представители иностранных фирм проявили значительный интерес к книжной продукции братских республик и, в частности, к книгам, издаваемым в Грузинской ССР. Особый интерес зарубежных фирм и их представителей вызвали подарочные издания произведений В. И. Ленина и Л. И. Брежнева, альбомы «Пирсомани», «Ладо Гудиашвили», «Зураб Церетели», «Ираклий Очиаури», «Мученичество святой Шушаники», «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, двухтомник избранных произведений Г. Табидзе, романы Г. Абашидзе «Цотнэ» и Ч. Амирджиби «Дата Туташхиа»...

Представители фирм Англии, Испании, Чехо-

словаки закупили альбомы «Ладо Гуднашвили», «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Деда зна» («Родная речь») Я. Гогешвили.

ТЕПЛО ДРУЖЕСКИХ ВСТРЕЧ

● В преддверии юбилея Великого Октября в Цхинвали на встрече с трудящимися Юго-Осетии побывала делегация грузинских поэтов, критиков и прозаиков: председатель правления Союза писателей Грузии Г. Абашидзе, секретари Союза писателей И. Нонешвили, Г. Цицишвили, Г. Жоржолдани, заведующий сектором литературы отдела культуры ЦК КП Грузии Р. Миминошвили, председатель Союза писателей Абхазии И. Тарба, поэты Р. Маргиани, Дж. Чарквиани, М. Поцхишвили, Н. Киласония и другие.

В гостях у рабочих ведущих предприятий области и труженников сельского хозяйства грузинские литераторы рассказали, как они готовятся к 60-летию Октября, о ходе обсуждения проекта новой Конституции страны, прочли отрывки из своих произведений, поделились творческими планами на будущее.

Участники встречи возложили венки к памятнику основоположнику осетинской литературы Коста Хетагурову, а также к обелиску павших героев Великой Отечественной войны.

ТВОРЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

● Состоялось совместное заседание президиума Союза писателей Грузии и его Юго-Осетинского отделения, на котором были обсуждены проблемы развития осетинской литературы на современном этапе.

Ответственный секретарь Юго-Осетинского отделения К. Маргиев подробно рассказал о сего-

дняшнем дне осетинской литературы, о проблемах, которые ставят перед собой литераторы автономной области, о работе журнала «Фидиуаг» и областного издательства «Ирыстон».

На заседании выступили поэт Н. Джусойты, писатель Р. Чочиев, редактор журнала «Фидиуаг» В. Гаглоев, председатель Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии О. Нодия, главный редактор журнала «Литературная Грузия» Г. Асатиани, секретари правления Союза писателей Грузии Г. Цицишвили и И. Нонешвили, поэты М. Поцхишвили, Дж. Чарквиани, Н. Киласония, Р. Тедеты, И. Плиев и другие.

ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

● Состоялось объединенное заседание правления Союза писателей Грузии и Комитета по защите природы при Совете Министров республики.

Взволнованно говорил на нем о волшебной красоте родного края, о величии и многообразии его природы, о ее органической связи с народом, издавна трепетно и любовно относящимся к ее дарам, Григол Абашидзе.

На заседании выступили также председатель Комитета по защите природы при Совете Министров Грузии В. Качарава, академики Н. Кецохели и Ф. Давитая, секретари Союза писателей Грузии И. Нонешвили, Г. Цицишвили, Г. Жоржолдани и другие.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ «ВЕПХИСТКАОСАНИ»

● В Нью-Йорке в серии «Выдающиеся памятники мировой литературы» издан новый прозаический перевод «Витязя

в тигровой шкуре», подготовленный известным английским карвелологом Р. Стивенсоном. Книга содержит также очерк академика Академии наук Грузии А. Барамидзе о жизни и творчестве замечательного грузинского поэта.

В Лондоне готовится еще один прозаический перевод бессмертного произведения Ш. Руставели, подготовленный К. Вивини. Издание иллюстрировано древнегрузинскими миниатюрами.

БОЛГАРСКАЯ ГОСТЬЯ ТБИЛИСИ

● С БОЛЬШИМ успехом прошла в Тбилиси Декада болгарской книги. Большая экспозиция свидетельствовала о высоком уровне полиграфии братской страны, отличалась разнообразной тематикой показанных книг. Особое внимание посетителей привлекли красочные альбомы по искусству. В разделе художественной литературы были выставлены произведения О. Балзака, И. Вазова, И. Караславова, современных авторов, книги для детей и юношества, а также многочисленные рекламные издания.

СИМПОЗИУМ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

● В СТОЛИЦЕ Грузии завершился работу симпозиум — «Три дня древнерусской литературы в Тбилиси», организованный по инициативе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР и ректората Тбилисского университета. С содержательными докладами выступили на нем действительный член Академии наук СССР, почетный член многих зарубежных академий Д. Лихачев, доктора филологических наук А. Панченко, Я. Лурье,

О. Творогова и другие. Их выступления были посвящены актуальным проблемам изучения памятников культуры древней Руси.

ПРАЗДНИК КНИГИ

● С УСПЕХОМ прошел праздник книги закавказских республик под девизом «Октябрь и книга», посвященный 60-летию Великой Октябрьской

социалистической революции. На его открытии выступил поэт-академик, лауреат премий им. Ш. Руставели и Д. Неру И. Абашидзе.

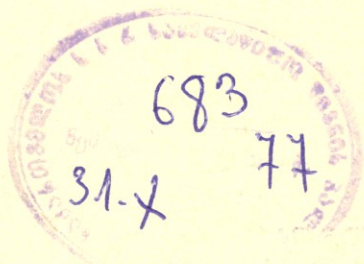
О развитии книгоиздательского дела в братских республиках Закавказья рассказали заместитель председателя Госкомиздата Грузии Ш. Немсадзе, первый заместитель председателя Госкомизда-

та Армении А. Саркисян и заместитель председателя Госкомиздата Азербайджана Ф. Касумова.

В дни праздника в выставочном зале издательства «Мерани» была проведена ярмарка-распродажа книг. Участники и гости праздника посетили музей столицы Грузии, осмотрели достопримечательности Тбилиси, встретились с книголюбями.

Редакционный коллектив журнала «Литературная Грузия» выражает глубокое и искреннее соболезнование товарищу по работе Т. В. Соколовой-Рухадзе в связи с безвременной кончиной ее супруга — видного грузинского писателя

**Нодара Доментьевича
РУХАДЗЕ**

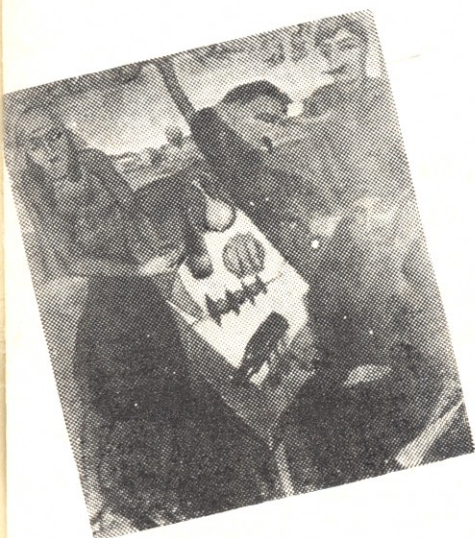
Сдано в набор 8 сентября 1977 г. Подписано к печати 13 октября 1977 г.

6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 2778

Тираж 7.000

УЭ 08879

ЛАДО ГУДИАШВИЛИ. Вверху слева — «Тост на рассвете». 1920 г. Справа — «Хашви». 1919 г. Внизу — «Цинетская серенада». 1958 г.

26-77

77-683

ქართული
ენების ცენტრი

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა